Т3(2Р-6Мо)л54
М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

ТРУДЫ

ВЫПУСК XXIV

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1963

Т3(2Р-6Мо)я54
М 792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
МОРДОВСКОЙ АССР

ТРУДЫ

ВЫПУСК XXIV

Серия историческая

42816

БИБЛИОТЕКА
М.Н.И.И.Я.Л.И.Э.

1971

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1963

Печатается по постановлению ученого совета
Научно-исследовательского института языка, литературы,
истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.

Редакционная коллегия:
К. А. Котков, Л. Г. Филатов, С. О. Циркин.

XXII СЪЕЗД КПСС И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР[1]

К. А. КОТКОВ

Наша историческая наука призвана на основе решений XXII съезда и новой программы КПСС изучить и теоретически обобщить все этапы в жизни человеческого общества и особенно историю советского общества. Ибо знание закономерностей исторического развития советского общества поможет еще выше поднять культуру строителя коммунизма.

Смелые, поистине революционные мероприятия, проводимые Коммунистической партией, её Центральным Комитетом за последние 10 лет, сыграли важную роль и в развитии отечественной исторической науки.

В результате преодоления вредных последствий культа личности Сталина историки получили широкие возможности в деле глубокого изучения истории нашей Родины, в обобщении теории и практики коммунистического строительства. Представители исторической науки еще больше активизировали свое участие в воспитании нового человека — строителя коммунизма, действеннее стали бороться против буржуазной идеологии.

Сейчас историки Мордовии расчищают историческую науку от всех наносных явлений, неверных схем, субъективистских оценок событий и догматических положений, унаследованных от периода культа личности.

Годы, прошедшие после XX съезда КПСС, явились для историков Мордовской АССР, как и для всей нашей страны, временем большого творческого подъема и серьезных научных сдвигов. За это время еще шире развернулась плодотворная работа по разработке ряда важных вопросов, имеющих научно-практическое значение в жизни нашей республики.

Благодаря повседневной заботе Коммунистической партии и Советского правительства, историки Мордовии добились зна-

[1] Доклад прочитан на юбилейной сессии, посвященной 30-летию Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР.

чительных результатов в своей научно-исследовательской работе. Истекшие годы после XX съезда КПСС характерны для исторической науки в республике появлением ряда фундаментальных работ, посвященных истории Мордовской АССР, главным образом советского периода.

Если за семилетие до XX съезда Коммунистической партии из 60 книг, брошюр и статей было посвящено истории советского периода Мордовии только 9 названий, то за семилетие после XX съезда из 96 названий книг, статей и брошюр истории Мордовии советского периода посвящено 50 названий.

Таким образом, за годы, истекшие после XX съезда КПСС, историки Мордовии добились значительных успехов в своей научно-исследовательской работе. За последние годы создан ряд исследований, имеющих важное значение в культурном строительстве Мордовской республики.

Наиболее важным и показательным явлением в развитии исторической науки в Мордовии после XX съезда КПСС был выход в свет обобщающих исследований по истории Мордовской АССР и прежде всего такого большого сводного труда, как «Очерки истории Мордовской АССР» в двух томах. Этот труд представляет собой итог большой коллективной работы местных историков в содружестве с учеными Москвы и других научных центров нашей страны. В двухтомных «Очерках» дано марксистское освещение всех этапов исторического развития Мордовской АССР.

В «Очерках» всесторонне и широко показано, как великий русский народ помогал мордовскому народу стать на ноги, как из года в год поднималось классовое и интернациональное самосознание мордовского народа. В них глубоко раскрыта роль российского рабочего класса, его авангарда — Коммунистической партии в освобождении мордовского народа от помещичьего и капиталистического гнета. На большом фактическом материале авторский коллектив «Очерков» всесторонне проследил тот пройденный путь, который за годы Советской власти привел мордовский народ от нищеты, бесправия и темноты к экономическому, политическому, социальному и национальному возрождению. Широко показана роль мордовской партийной организации в коммунистическом строительстве, в мобилизации трудящихся на досрочное выполнение плана семилетки.

Двухтомные «Очерки истории Мордовской АССР», несмотря на имеющиеся в них некоторые недостатки и неполноту разработки отдельных вопросов, единодушно одобрены общественностью Мордовии и учеными ряда научных центров нашей страны. Они нашли весьма положительную оценку на страницах центральных исторических журналов и местных республиканских газет.

После издания «Очерков», монографических исследований и статей по всем периодам истории Мордовской АССР в истори-

ческой проблематике Мордовии меньше осталось таких больших и важных вопросов, которые являлись бы сплошными «белыми пятнами», но тем не менее у нас есть еще очень много вопросов, разработанных недостаточно глубоко и всесторонне. Отдельные вопросы из древней и средневековой истории мордовского народа все еще остаются в известной мере дискуссионными и нуждаются в дальнейшей разработке и уточнении. Мало у нас работ на современные темы.

Исторический XXII съезд КПСС открыл широкие просторы, наметил новые пути для развития общественных наук, в том числе и исторической науки.

В соответствии с задачами, поставленными XXII съездом партии и Программой КПСС, деятельность историков Мордовии в предстоящие годы, главным образом, будет направлена на разработку наиболее актуальных проблем, имеющих научно-практическое значение в жизни нашей республики.

Поэтому в целях более глубокого изучения истории Мордовской АССР мы должны разработать в первую очередь следующие проблемные вопросы.

По истории Мордовской АССР

Важной проблемой являются многовековые социально-экономические и культурные связи мордовского народа с великим русским народом и другими народами нашей страны.

Данная проблема нашла некоторое отражение в ряде исторических, этнографических и археологических работ, в двух томах «Очерков истории Мордовской АССР», в отдельных статьях, напечатанных в «Записках», «Трудах» нашего института, Мордовского государственного университета и изданиях Академии наук СССР.

Но в большинстве своем вопросы данной проблемы как по линии археологии, этнографии, так и истории рассматриваются несколько односторонне. Слабо показывается взаимовлияние культур и совершенно не говорится о том, что позаимствовано у мордовского народа другими народами.

Теперь, когда историческая наука освободилась от вредного влияния культа личности, мы должны на основе глубокого изучения исторического развития общества заново пересмотреть некоторые свои выводы по данной проблеме и подготовить монографию, где с позиций марксистско-ленинской методологии осветить все вопросы данной весьма актуальной проблемы.

Большое значение имеет изучение вопроса о распространении марксистско-ленинских идей на территории Мордовии до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

По этой теме у нас нет ни одной работы. Отдельные вопросы распространения марксистско-ленинских идей на территории Мордовии нашли некоторое освещение в первом томе «Очерков

истории Мордовской АССР» и отдельных работах, посвященных революционным событиям на территории Мордовии до 1917 года.

Необходимо все вопросы данной проблемы рассмотреть по всем периодам развертывания революционного движения на территории Мордовии, показать вдохновляющую и организующую силу марксистско-ленинских идей в подъеме всех угнетенных классов на борьбу с царизмом, помещиками и капиталистами за торжество социализма.

При разработке данной темы следует показать революционную и агитационно-пропагандистскую деятельность старых большевиков Мордовии: П. В. Галаева, Д. И. Маринина, М. А. Манерова, П. П. Башаева и многих других.

Пробел, имеющийся в освещении данной проблемы, может частично восполнить работа Л. Г. Филатова «Железнодорожники Московско-Казанской железной дороги в революции 1905—1907 гг.», где имеется значительный материал, говорящий о героической борьбе железнодорожников Мордовии в первой русской революции. Эта работа заслуживает скорейшей публикации.

Следует глубже изучить проблему экономических предпосылок социалистической революции в Мордовии.

Данная проблема нашла некоторое освещение в «Очерках истории Мордовской АССР» и в ряде работ наших историков: М. В. Дорожкина, М. Г. Сафаргалиева, И. А. Васькина, И. И. Фирстова и других, но этого сейчас явно недостаточно.

К числу важнейших вопросов этой проблемы относятся:

а) социально-экономическое развитие Мордовии в период империализма;

б) классовая борьба в Мордовии в указанный период;

в) назревание революционной ситуации и ее своеобразие в Мордовии и т. д.

У нас по-прежнему остается наиболее актуальной темой «Победа Великой Октябрьской социалистической революции на территории Мордовии», хотя она и получила некоторое освещение в ряде исследований наших историков. В изучении данного вопроса некоторая работа проведена В. И. Самаркиным, М. В. Дорожкиным и многими другими. М. В. Дорожкин в своей книге «Установление и упрочение Советской власти в Мордовии» значительно использовал материалы партийных и государственных архивов, как центральных, так и местных. В книге большое внимание уделено показу руководящей роли Коммунистической партии в революционной борьбе трудящихся масс, деятельности местных большевистских организаций и Советов в деле установления и упрочения Советской власти на территории Мордовии. В ней прослеживается процесс складывания и укрепления революционного союза русских рабочих и солдат с трудящимися из мордовской национальности.

Данная проблема значительно освещена и на страницах «Очерков истории Мордовской АССР». Но следует отметить, что проблема установления и упрочения советской власти на территории Мордовии требует еще большой дополнительной работы, ибо в изданной литературе по вышеуказанной проблеме многие вопросы освещены в порядке их постановки. Многие события освещены поверхностно. Так, например, развертывание революционных событий по некоторым уездам дано в предельно краткой форме изложения. Пути претворения в жизнь трудящимися Мордовии первых ленинских декретов освещаются неполно. Титаническая работа партийных организаций и отдельных коммунистов рассматривается главным образом в форме разъяснения решений бюро и партийных собраний. А повседневная, живая работа коммунистов среди рабочих и крестьян Мордовии освещается недостаточно. К тому же многие вопросы рассматриваются под известным вредным влиянием культа личности.

Мы должны подготовить такую монографическую работу, где бы более широко и глубоко были освещены все стороны данной весьма важной проблемы.

Большая необходимость имеется в дальнейшей разработке проблемы восстановления народного хозяйства в Мордовии.

Некоторые вопросы данной проблемы нашли свое освещение во втором томе «Очерков истории Мордовской АССР», в монографиях М. В. Агеева «Победа колхозного строя в Мордовии», С. С. Ивашкина «Роль промышленных рабочих в коллективизации сельского хозяйства Мордовии» и других.

Но в вышедшей исторической литературе не нашли должного освещения трудовые подвиги рабочих и крестьян в восстановлении промышленных предприятий и в подъеме сельского хозяйства. Слабо показана работа партийных, комсомольских и профсоюзных организаций по претворению в жизнь новой экономической политики, в формировании новых социалистических отношений, не раскрыта борьба трудящихся за создание новой, социалистической деревни.

Необходимо шире и глубже изучить все этапы и особенности победы культурной революции в Мордовской АССР. По данной проблеме у нас имеется ряд работ, где в той или иной мере освещены вопросы народного образования, формирования советской интеллигенции, культурного строительства, роста культурного уровня и коммунистического сознания трудящихся Мордовии. Одному из важных вопросов — развитию культуры — посвящена работа А. Л. Киселева «Социалистическая культура Мордовии». В данной работе автор показал роль партийных, комсомольских и профсоюзных организаций в становлении национальной по форме, социалистической по содержанию культуры мордовского народа.

В книге показана помощь великого русского народа и трудящихся братских социалистических республик в деле экономического и культурного строительства в Мордовии, в деле возрождения мордовского народа и в формировании его в социалистическую нацию.

Вопросы народного образования в Мордовской АССР нашли свое отражение в книге Н. В. Талдина «Очерки истории мордовской школы». В своей книге автор показывает заботу партийных организаций и советских органов Мордовии о школе, работу педколлективов, комсомольских и пионерских организаций за высокий уровень всего учебно-воспитательного процесса в школе.

Но независимо от того, что по вопросам культурного строительства у нас имеются статьи и отдельные монографические работы, эта проблема нуждается в дальнейшем изучении, ибо отдельные вопросы ее освещены явно недостаточно.

При дальнейшей разработке всех вопросов культурного строительства мы должны показать активную деятельность партийных и советских работников, которые были незаконно репрессированы в период господства культа личности, всесторонне изучить эти вопросы в свете решений XX и XXII съездов КПСС и июньского Пленума (1963 г.) ЦК КПСС, уточнить фактические данные по этой теме, привлечь новые материалы, показывающие многогранную работу интеллигенции, партийных организаций и Советов депутатов трудящихся по поднятию культурного уровня мордовского населения.

Особое внимание нужно обратить на изучение вопроса формирования рабочего класса в Мордовии. По этой теме у нас почти нет ни одной самостоятельной работы и даже статьи. Правда, отдельные вопросы формирования рабочего класса на территории Мордовии рассматриваются только в связи с вопросами социалистической индустриализации и роли промышленных рабочих в коллективизации сельского хозяйства в Мордовии. Мы должны шире рассмотреть все этапы и пути формирования рабочего класса в Мордовии. Проследить ведущую роль русского рабочего класса в формировании и в революционном воспитании рабочего класса из мордовской национальности, показать его роль в подъеме классовой сознательности и культурного уровня трудящихся масс мордовской деревни.

У нас слабо разработана история советского мордовского крестьянства. В этой области имеются только отдельные небольшие очерки, напечатанные в республиканских газетах. Нужно прямо оказать, что этот вопрос не нашел еще должного места в работе сектора истории Мордовского научно-исследовательского института и кафедры истории СССР Мордовского государственного университета. Необходимо нам общими усилиями изучить вопросы истории советского крестьянства Мордовии и

написать «Очерки» по отдельным селам и колхозам нашей республики.

У нас слабо разработана тема «Развитие форм коммунистического труда на предприятиях, в совхозах и колхозах Мордовии». По данной теме имеются отдельные высказывания как во втором томе «Очерков истории Мордовской АССР», так и в некоторых журналах и газетных статьях. Но специальной работы, где бы все вопросы данной проблемы глубоко рассматривались на всех этапах коммунистического строительства, еще нет. Но она крайне необходима, особенно сейчас, когда труженики городов и сел усиливают борьбу за досрочное выполнение семилетки.

Нет еще специального исследования, где бы широко и всесторонне освещались вопросы коммунистического воспитания трудящихся Мордовии. Хотя данные вопросы и затрагиваются во многих изданных работах, но по ним нет ни одного фундаментального исследования, где бы нашли более полное освещение вопросы коммунистического воспитания трудящихся на всех этапах социалистического строительства. Эти вопросы данной проблемы весьма актуальны, и они требуют скорейшего своего разрешения.

У нас недостаточно полно разработаны вопросы по истории Мордовии в годы Великой Отечественной войны. Правда, по ним имеется ряд исследований, но они главным образом освещают ратные дела наших воинов на фронтах Великой Отечественной войны. Во втором томе «Очерков истории Мордовской АССР» вопросы данной темы освещены очень кратко. Нам необходимо создать такую монографию, где бы всесторонне осветить героизм трудящихся Мордовии на всех участках работы тыла и героическую борьбу сынов и дочерей Мордовии на фронтах Великой Отечественной войны.

Мы должны издать том «Переписка фронтовиков с трудящимися Мордовии в годы Великой Отечественной войны».

Большим упущением в нашей работе является отсутствие исследования по атеистической пропаганде среди трудящихся Мордовии. В распоряжении Мордовского государственного архива и в рукописном фонде Мордовского научно-исследовательского института имеются материалы по атеистической пропаганде среди населения Мордовии, но этот материал почти никем не используется. Для усиления атеистической пропаганды мы должны разработать несколько тем, чем поможем агитаторам в пропаганде атеизма среди верующей части населения.

Одной из важнейших проблем, исходящих из современных задач коммунистического строительства, является создание двухтомной истории Мордовской АССР, где на основе документального материала будет широко и всесторонне показана история трудящихся масс Мордовии. Над первым томом «Истории» уже работает большой авторский коллектив. Том будет охва-

тывать период от древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Второй том будет посвящен советскому периоду.

В двухтомной истории Мордовской АССР будет широко освещен период, богатый революционными, патриотическими традициями и опытом социалистического и коммунистического строительства, ибо изучением истории трудящихся масс мы воскрешаем правду о великой роли нашего советского народа — строителя новой жизни в общечеловеческой истории. Сектор истории приложит все усилия к тому, чтобы двухтомная история Мордовской АССР была издана к 50-летию Октябрьской революции.

В области изучения этнографии мордовского народа

Своеобразие мордовского народного быта, богатство форм народной культуры, особенности его психического склада, отражающие многовековую самобытную культуру мордовского народа с давних времен привлекали внимание русских и зарубежных ученых и краеведов. Но раньше в силу чинимых препятствий со стороны царских чиновников они не могли дать подлинного представления о хозяйстве, культуре и быте мордовского народа.

Мордовская этнографическая наука начала свое развитие с победы Великой Октябрьской социалистической революции. С первых лет Советской власти началось развертывание этнографической работы и на территории Мордовии.

Важнейшей особенностью этого периода, отражающей общее направление культурного строительства, явилось создание этнографических учреждений на местах, краеведческих музеев, ряда обществ, в деятельность которых вовлекались работники науки и культуры. Задачи этнографического изучения мордовского народа начали тесно увязываться с практическими задачами социалистического строительства, с задачами коренного преобразования культуры и быта мордовского народа.

В 20-е годы широко развернули работу по изучению этнографии мордовского народа Саратовский государственный университет, Казанский, Пензенский, Саранский, Горьковский и Тамбовский краеведческие музеи и Ленинградский музей народов СССР.

В это время с особой силой развернулась этнографическая деятельность Макара Евсевьевича Евсевьева. Он любовно изучает культуру и быт своего народа. Со знанием дела исследует расселение, численность, хозяйственный уклад, общественные и семейные отношения, обычаи и обряды мордовского народа. Обильный этнографический материал, собранный

М. Е. Евсевьевым, был широко использован при подготовке материалов для решения вопроса о создании мордовской национальной государственности.

Однако несмотря на то, что в 20-е годы и в начале 30-х годов произошло значительное оживление этнографических работ по изучению мордовского народа, все же явственно ощущался недостаток в этом деле — отсутствие единого научного центра, который мог бы руководить всей деятельностью по изучению истории и этнографии мордовского народа. Таким учреждением стал Мордовский научно-исследовательский институт.

Институт с первых дней своей работы начал собирать и систематизировать этнографический материал, издавать отдельные произведения устного творчества мордовского народа.

Но широкому развертыванию этнографических работ в известной мере мешали: узконациональная ограниченность, слабость научных кадров, которые не умели применить марксистско-ленинскую методологию в этнографических исследованиях, господство культа личности, отрыв этнографической науки от практических задач социалистического строительства и т. д.

В широком плане этнографическое изучение эрзи, мокши, русских и татар, проживающих на территории Мордовии, мордовского населения, проживающего в других районах нашей страны, началось с 1954 года, то есть с того периода, когда изучением этнической истории и этногенеза мордовского народа занялась Мордовская этнографическая экспедиция, образованная Институтом этнографии АН СССР и нашим научно-исследовательским институтом.

Мордовская этнографическая экспедиция, руководимая известным этнографом нашей страны доктором исторических наук В. Н. Белицер, за 9 лет своей работы добилась значительных успехов по изучению этнографии мордовского народа.

Этнографические материалы, собранные Мордовской этнографической экспедицией, значительно углубляют и расширяют прежние данные о мордовском народе, полнее характеризуют хозяйство и образ жизни мордвы. Они дают нам право говорить о разнообразной самобытной материальной и духовной культуре мордовского народа, указывают на глубокую культурную связь мордовских племен с восточно-славянскими племенами, а затем мордовского народа с великим русским народом.

По линии материальной и духовной культуры у мордовского народа много общего с русским в общности земледельческих орудий и возделываемых злаков, в приемах обработки дерева, металла, волокнистых растений, в строительной технике, в устройстве печей, в древних типах мужской и женской одежды и головных уборов и т. д.

У мордовского народа наличествует много общих черт с некоторыми соседними народами и особенно марийцами, удмурта-

ми, коми и другими народами, родственными по языку. Мордовской этнографической экспедицией собран значительный материал по современной жизни и быту мордовского народа.

На основе большого материала, собранного по этнографии мордвы, Мордовский научно-исследовательский институт совместно с Институтом этнографии АН СССР с 1960 года приступил к серийному изданию трудов «Мордовской этнографической экспедиции», что значительно восполнит имеющийся пробел в освещении этнографии мордовского народа.

Какие, на наш взгляд, направления должны быть положены в основу работы исследований и экспедиций по этнографии мордовского народа на ближайшие годы? Это проблема происхождения мордовского народа по данным этнографии, антропологии и лингвистики.

Поэтому надлежит полнее выяснить, какие именно компоненты приняли участие в формировании древнемордовских племен и мордовского народа, проследить пути развития этнической истории мордовского народа.

Антропологи дали нам ценный материал, говорящий о том, что в антропогенезе мордовского народа наличествуют два компонента — европеоидные и монголоидные типы. Но антропологи не раскрыли полностью вопрос антропогенеза мордовского народа. В разрешении данного вопроса нам, историкам, должны помочь языковеды и фольклористы. Мы знаем, что в языке и устном народном творчестве мордовского народа много древних наслоений, изучение этих наслоений и мордовских диалектов даст много нового в разрешении этнической истории мордовского народа. По данной проблеме историки ждут слова лингвистов.

В разрешении проблемы происхождения мордовского народа очень много сделали советские археологи.

Член-корреспондент АН СССР П. Н. Третьяков, доктора исторических наук А. П. Смирнов и Е. И. Горюнова, кандидаты исторических наук А. Е. Алихова, П. Д. Степанов и другие выделили ряд древних культур, которые сыграли важную роль в становлении мордовских племен. Они установили преемственность древних культур и определили, что городецкая культура генетически связана с древнемордовской культурой, наметили этапы развития древнемордовской культуры. Но в целом проблему происхождения мордовского народа историки могут разрешить только в сотрудничестве с этнографами, филологами и археологами.

Интересной и важной проблемой является изучение социального и национального развития мордовского народа.

Указанная проблема нашла некоторое свое освещение в статье В. В. Горбунова «К вопросу о формировании мордовской социалистической нации», в двухтомных «Очерках истории Мордовской АССР», в книге И. А. Яшкина и в других работах

Но в разработке проблем развития мордовской государственности и формирования мордовской социалистической нации имеются серьезные недостатки. В разрешении этих проблем дают еще о себе знать последствия культа личности Сталина.

Создание мордовской национальной автономной государственности показывается главным образом как результат деятельности Наркомнаца, огромная же работа, проведенная ЦК партии и Советским правительством под руководством В. И. Ленина, раскрывается неполно. Вопросы ликвидации фактического неравенства народов и сближения наций не подняты до теоретического обобщения.

Проблеме социального и национального развития мордовского народа посвящается монография «Формирование и дальнейшее развитие мордовской социалистической нации». Над данной темой работают кандидаты исторических наук Л. Г. Филатов, И. А. Яшкин, научный сотрудник научно-исследовательского института В. С. Ивашкин и другие. В монографии авторский коллектив должен рассмотреть пути становления мордовской народности. По данной теме у нас много неясностей и дискуссионных вопросов. Полнее следует осветить вопросы формирования мордовской буржуазной нации.

На примере советской Мордовии авторы должны широко осветить пути осуществления Коммунистической партией ленинской национальной политики, особенности в формировании мордовской социалистической нации и пути сближения социалистических наций, участие в этом сближении мордовской социалистической нации.

Вопросы сближения социалистических наций в теории и практике коммунистического строительства занимают исключительно важное место. В. И. Ленин еще в проекте второй программы РКП(б) указывал, что неуклонное фактическое проведение сближения и единения всех наций составляет содержание национальной политики Советского государства. Принятая XXII съездом КПСС третья Программа партии подводит итоги развития национальных отношений в нашей стране и намечает пути дальнейшего всестороннего сближения народов СССР.

Мы должны уделить значительное внимание изучению процессов развития социально-бытовых явлений и уклада культурной жизни, характерные мордовскому народу в переходный период от социализма к коммунизму. В плане разрешения ряда вопросов этой проблемы на ближайшие годы намечено создать коллективные и индивидуальные монографические работы по культуре и быту рабочих и колхозного крестьянства.

Эти вопросы нашли некоторое освещение в «Очерках истории Мордовской АССР». Но они должны найти более широкое и глубокое освещение в двухтомной «Истории Мордовской АССР», создаваемой большим авторским коллективом к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Все эти задачи, исходящие из решений XXII съезда КПСС и программы развернутого строительства коммунизма, требуют максимального напряжения сил работников исторического фронта республики, повседневной помощи со стороны Института этнографии АН СССР, Музея народов СССР, областных и республиканских краеведческих музеев и всей общественности Мордовии.

В области изучения археологических памятников на территории Мордовии

Изучение археологических памятников в деле научной разработки истории в прошлом бесписьменного мордовского народа имеет важное значение. Но это изучение до Октябрьской революции велось от случая к случаю.

Памятники материальной культуры, свидетельствующие о непрерывном процессе развития человеческих коллективов, обитавших на территории расселения мордовских племен, историками досоветского периода отрывались от истории мордовского народа. Все они именовались либо «финскими», либо «чудьскими», но никак не мордовскими. Вопросы хозяйственной деятельности и взаимовлияния культур почти совершенно не затрагивались. Отрицалась самобытная культура малых народов, в том числе и мордовского.

Только в годы советской власти археологическая наука прочно встала на подлинно научные основы и получила признание у широких масс трудящихся.

С первых лет Советской власти началось изучение памятников древности мордовского народа виднейшими учеными нашей страны: В. А. Городцовым, П. П. Ефименко, Б. С. Жуковым, П. С. Рыковым и др.

В этот период развертывается научно-исследовательская деятельность видного ученого нашей страны доктора исторических наук А. П. Смирнова и известных археологов А. Е. Алиховой, Е. И. Горюновой, П. Д. Степанова и других.

В 30-х годах, после открытия научно-исследовательского института, археологические работы по изучению древностей мордовского народа были сосредоточены в этом институте.

Историко-археологическая работа, проведенная советскими учеными в области изучения древней и средневековой истории мордовского народа за годы Советской власти, дала очень значительные и ценные научные результаты.

Изучено и систематизировано значительное количество памятников, относящихся к периоду неолита, бронзы и железа.

На основе глубокого изучения вещевого материала, памятников материальной культуры появилась возможность понять многие стороны жизни и быта мордовских племен, обитавших в

междуречье Оки и Волги. Археологами намечены основные этапы развития первобытно-общинных отношений у мордовских племен, выявлены особенности развития местного края в эпоху камня, бронзы и раннего железа, проведена типологизация и датировка мордовских древностей, позволившая упорядочить памятники материальной культуры. На основе изучения вещевого материала памятников археологии прослежен непрерывный процесс развития культуры местного края, начиная от поселений эпохи камня и бронзы к поселениям городецкой культуры и к более поздним памятникам древнемордовской культуры.

Важным выводом ученых археологов-мордвоведов является то, что городецкая культура раннего железа сложилась на местной основе, и она органически связана с древнемордовской культурой.

Археологическими экспедициями Мордовского научно-исследовательского института под руководством П. Д. Степанова в 1945—1952 годах в восточных районах Мордовии изучены интереснейшие памятники фатьяновской культуры. Эти открытия дали возможность П. Д. Степанову по-новому поставить ряд вопросов, касающихся фатьяновской проблематики. Фатьяновская культура, сложившаяся в районах Верхнего и Среднего Поволжья, на наш взгляд, сыграла важную роль в становлении культуры городецких племен эпохи раннего железа.

Важным итогом изучения археологических памятников является разработка вопросов социально-экономической истории древней мордвы.

Археологи А. П. Смирнов, П. Д. Степанов, А. Е. Алихова, Е. И. Горюнова и другие пришли к достаточно аргументированному выводу о том, что уже во второй половине I тысячелетия н. э. в хозяйстве мордвы важное место занимает пашенное земледелие и металлообработка, что в этот период наметился процесс отделения ремесла от сельского хозяйства и разложения первобытных отношений.

Наиболее важными исследованиями по древнейшему периоду истории нашего края являются раскопки ранненеолитических стоянок в долинах рек Вад и Тёша, произведенные М. Ф. Жигановым. Например, раскопки близ поселка Имерки Зубово-Полянского района дали материал, позволяющий говорить о том, что Имерская стоянка из исследованных самая древняя на территории Мордовии.

В плане популяризации памятников материальной культуры мордовского народа научно-исследовательский институт издал три книги: «Древности мордовского народа», «Археологический сборник» т. I и «Из древней и средневековой истории мордовского народа».

Таким образом, археологическая наука, поставившая перед собой задачи изучения всех сторон жизни мордовского народа

в далеком прошлом, сделала много как в своих полевых раскопочных работах, так и в обобщениях старого и нового материала.

В области археологической науки на ближайшие годы нашим научно-исследовательским институтом намечается разработать следующие проблемы: изучение культуры эпохи неолита (по данной проблеме необходимо уточнить хронологию многочисленных неолитических стоянок, расположенных на территории расселения мордовского народа); изучение смены древних культур. По этой проблеме изучено только четыре первобытных стоянки. На территории Мордовии найдено множество единичных находок орудий труда, относящихся к каменному веку. Но эти находки пока остаются изученными весьма поверхностно.

Для того, чтобы получить надежную канву для более глубокой разработки истории мордовского народа, мы должны шире осветить историю племен, обитавших по долинам рек: Волги, Оки, Цны, Мокши, Суры, Вад, Теши, Алатыря, Пьяны, Иссы и других рек, точнее определить границы древней территории расселения предков мордовских племен.

Важное значение в деле выявления компонентов, сыгравших определенную роль в становлении культуры предков древнемордовских племен, имеет проблема изучения эпохи бронзы.

По данной проблеме учеными нашей страны на территории расселения мордовских племен изучен ряд памятников эпохи бронзы. П. Д. Степанов в восточных районах Мордовии открыл и изучил фатьяновскую и срубно-хвалынскую культуры.

Мы должны шире изучить и более детально систематизировать памятники эпохи бронзы, определить этапы бронзовой эпохи на территории Мордовии, приложить усилия к дальнейшим поискам и изучению фатьяновских поселений. В порядке постановки вопроса нужно проанализировать, нет ли генетической связи фатьяновской и срубно-хвалынской культур с городецкой культурой.

Весьма важной проблемой является изучение железного века.

По данной проблеме изучен ряд городищ, открыты городецкая и древнемордовская культуры. Но здесь еще не все ясно с городецкой культурой. В этом вопросе еще много дискуссионного. Мы должны определить связи предков мордовских племен с скифо-сарматским миром и с другими соседними племенами, полнее изучить памятники, относящиеся к периоду раннего железа. Необходимо расширить и углубить изучение процессов развития ремесел и промыслов.

До настоящего времени перед нами стоит проблема изучения поселений и строительной техники.

По этому вопросу институтом проделана значительная работа. Изучен ряд селищ, относящихся к древнему и средневековому периоду истории мордовского народа. На основе археологических, этнографических и документальных материалов написан ряд статей, главное внимание в них уделено поселениям, а вопросы строительной техники в них почти обойдены или рассмотрены поверхностно.

Необходимо проследить эволюцию строительной техники от землянок до наземных современных сооружений, проследить все этапы и виды строительной техники.

В нашей исторической литературе слабо освещены вопросы развития земледелия у мордовского народа, хотя по этим вопросам у нас имеется значительный материал. Изучен богатый комплекс орудий обработки земли, уборки урожаев ряда культур, возделываемых мордовским населением. В изучении данной проблемы много сделано археологами А. П. Смирновым, П. Д. Степановым, А. Е. Алиховой, Е. И. Горюновой и многими другими.

Но все это требует дополнительного исследования. Нужно выяснить аграрные отношения на всех этапах развития сельского хозяйства, проследить эволюцию сельскохозяйственных орудий, шире изучить взаимосвязь и взаимовлияния культур земледелия. В данном вопросе следует сказать о том, что мордва заимствовала у соседей, что у них свое и что перенято соседями от мордовского народа. Вопросы взаимовлияния культур мы обходили, а если их касались, то освещали односторонне. Мы знаем, что из культуры мордовского народа много вошло в сокровищницу мировой культуры, а что именно, об этом нужно сказать.

Слабо у нас изучена проблема классообразования и развития феодальных отношений у мордвы.

Вопросы данной проблемы нашли свое некоторое освещение как в дооктябрьской, так и в советской исторической литературе. Им уделено значительное внимание в первом томе «Очерков истории Мордовской АССР». Вопросы развития социального неравенства и феодальных отношений нашли свое освещение в работах археологов, доктора исторических наук А. П. Смирнова и кандидатов исторических наук А. Е. Алиховой, П. Д. Степанова, М. Ф. Жиганова и других.

На основе изучения археологических материалов и письменных источников авторский коллектив первого тома «Очерков истории Мордовской АССР» сделал вывод о том, что уже с XI века у мордовских племен шел процесс развития феодальных отношений. Эти положения, выдвинутые археологами и историками, оспариваются отдельными исследователями. Они говорят об особом пути развития мордовского народа, что мордва вплоть до XVIII века не была втянута в феодальные отношения, что феодальные отношения в Мордовский край занесены русскими и татарами. Этот аргумент они подтверждают тем, что среди фамилий феодальной верхушки, проживавшей на территории расселения мордовского народа, нет мордовских фами-

42816

БИБЛИОТЕКА
М.Н.И.И.Я.Л.И.Э.

лий, есть татарские и русские. Эти товарищи не хотят признать и то, что после завоевания мордвы татаро-монголами часть мордовской феодальной верхушки была истреблена, а часть приняла ислам. Они не хотят считаться с археологическими материалами, говорящими о наличии социального неравенства у мордвы уже с VII—IX вв. нашей эры. Конечно, по данной проблеме у нас много дискуссионного, а поэтому эти вопросы должны найти более полное освещение в нашей исторической литературе.

У нас весьма слабо изучены вопросы развития общественно-семейных отношений у мордовских племен по данным археологии. По ним у нас очень мало материала и нет обобщающих работ. Я думаю, что нам следует поработать над этой проблемой. Она поможет нам открыть много нового в разрешении этногенеза мордовского народа, в выяснении взаимовлияния и взаимосвязи культур племен, обитавших на территории Мордовии.

У нас недостаточно изучены вопросы строительства древнемордовских городов. До последних лет мы говорили, что у мордовских племен, кроме городищ и селищ, не было других видов поселений, как, например, городов — центров ремесла и торговли. Мнение русских ученых академика А. А. Шахматова, П. П. Ефименко и других о том, что города Старая Рязань, Арзамас, Кадом, Нижний Новгород были основаны мордовским народом, почему-то забыто.

Раскопки города Мухши (Наровчата) Пензенской области, производимые археологом А. Е. Алиховой, снова поднимают проблему мордовских городов периода средневековья. У Анны Епифановны Алиховой появились некоторые доводы, дающие основание предполагать, что один из улусных центров татар — город Мухши был основан на старой мордовской основе. Это дает нам право предполагать, что город Мухши (Наровчат) основан на месте разрушенного татарами мордовского города.

Мы должны подвергнуть археологическому изучению города Арзамас, Кадом, поднять и научно обобщить материалы, относящиеся к истории городов Рязани и Нижнего Новгорода.

У нас до настоящего времени нет подробной археологической карты, куда были бы занесены все изученные и выявленные памятники материальной культуры.

Историки Мордовии уже приступили к изучению ряда названных мною проблем. Они усиленно готовятся к достойной встрече 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. К этой славной дате, великому празднику, положившему начало победоносному шествию к коммунизму, мы должны издать историю Мордовской АССР в двух томах, историю Мордовской партийной организации, ряд монографий по обобщению исторического опыта строительства социализма и коммунизма. Мы должны подготовить и издать монографию П. Д. Степанова

«Ош пандо», два тома «Трудов Мордовской археологической экспедиции», завершить издание «Трудов этнографической экспедиции» в пяти томах.

Разрешение всех вышеупомянутых проблем даст возможность нашей исторической науке полнее осветить многие стороны жизни трудящихся масс Мордовии.

Нужно будет отметить, что историческая наука в Мордовии имеет определенные успехи в разработке актуальных проблем, и никакой культ личности не мог помешать нашим коренным достижениям в области изучения истории Мордовской АССР.

Жизнь развивается столь быстро, такими необычайными темпами, что мы не успеваем идти в ногу с ней. Но мы должны стать в ногу с ходом жизни. Мы должны выше поднять уровень наших исследований, улучшить идейно-теоретическое содержание наших работ. Надо до конца преодолеть все последствия культа личности Сталина.

Героическая эпоха выдвигает величественные задачи перед советским народом, она ежедневно рождает гигантскую энергию, направленную на выполнение планов строительства коммунизма. Мы, историки, являясь частицей многомиллионного героического народа, должны полнее показывать многогранную деятельность трудового народа, идущего под знаменем марксизма-ленинизма к коммунизму.

Все задачи, исходящие из решений XXII съезда КПСС, июньского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС и Программы развернутого строительства коммунизма требуют максимального напряжения сил работников науки. Все эти задачи благодаря повседневной помощи со стороны головных институтов АН СССР, Центральных музеев, научных учреждений и высших учебных заведений Москвы, Ленинграда и городов Поволжья и всей общественности республики под руководством Мордовской партийной организации будут с честью выполнены. Историки Мордовии внесут свой достойный вклад в дело строительства коммунизма в нашей стране.

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МОРДОВСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАЦИИ[1]

Л. Г. ФИЛАТОВ

Период развернутого строительства коммунизма в СССР является новым этапом в развитии всех социалистических наций, в том числе и мордовской социалистической нации. Сложен и несколько своеобразен для каждой нации этот исторически необходимый, объективный процесс современности, огромную роль в котором играет практика коммунистического строительства в нашей стране, мудрая ленинская национальная политика, проводимая Коммунистической партией, и передовая советская наука.

Вопросы национального формирования мордовского народа были впервые поставлены только в советское время практикой социалистического и национального строительства среди братских народов Среднего Поволжья, когда в 20—30-е годы здесь стали создаваться национальные округа, области и республики, что являлось непосредственным осуществлением положений В. И. Ленина по национальному вопросу.

Научное освещение проблемы мордовской нации нашли только в 40—60-е годы в работах Т. М. Косолапова, В. В. Горбунова, И. А. Васькина, А. Л. Киселева, К. А. Коткова, И. М. Корсакова, М. С. Букина, И. А. Яшкина и др.

В предлагаемой статье делается попытка показать некоторое своеобразие предпосылок и возникновения мордовской социалистической нации, ибо эти вопросы не получили еще должного освещения в нашей литературе, это во-первых; а во-вторых, проследить наиболее общие и характерные тенденции развития мордовской социалистической нации в период развернутого строительства коммунизма.

Все социалистические нации Советского Союза — детище Великого Октября, хотя формировались они в основном двумя путями. Одни нации, например, русская, белорусская, грузинская, армянская и др., формировались путем коренного преобразования уже ранее существовавших буржуазных наций в социалистические, что происходило в условиях утверждения социалистического способа производства. Несколько иначе шло формирование в социалистические нации тех народов, которые не успели к моменту Великой Октябрьской социалистической революции сложиться в буржуазные нации и потому начали свое движение к коммунизму с более ранних этнических консолидаций.

Некоторые ученые Мордовии считают, что именно по второму пути, как у некоторых народов Средней Азии и Севера, шло формирование мордовской социалистической нации, начавшей якобы свое развитие непосредственно от народности. Особенно прямо и категорично утверждает это И. А. Яшкин, чья работа о социалистической мордовской нации вышла в 1960 г.[1]. Это его положение, которое не является новым в нашей исторической науке, подкрепляется им ссылкой на то, что мордовский народ не прошел полностью стадию промышленного капитализма[2].

И здесь он допускает, на наш взгляд, две ошибки.

Первая из них заключается в том, что автор слишком безапелляционно говорит о народности как базе формирования мордовской социалистической нации. В этом отношении он пошел гораздо дальше своих предшественников (Горбунова, Коткова, Корсакова), которые, выдвигая подобный тезис, признавали все же, хотя и в потенции, некоторые элементы мордовской буржуазной нации[3]. И это значительно вернее и ближе к действительному историческому развитию мордовского народа.

Не улучшает прочность аргументации И. А. Яшкина и следующее его положение, что Мордовия не прошла полностью стадию промышленного капитализма, хотя бы потому, что это в принципе не меняет характер капитализма и говорит больше о некотором его своеобразии в Мордовии, создавшем здесь ряд необходимых условий для формирования важнейших элементов буржуазной мордовской нации, которая не получила завершения своего развития благодаря колониальной политике царизма. Излишняя категоричность вышеназванного утверждения станет еще более очевидной, если учесть, что начало складывания любой буржуазной нации, говорит профессор С. С. Дмитриев, происходит еще в период разложения феодально-крепостнической системы[4], а рубежом, отделяющим буржуазную нацию от народности, подчеркивает академик Н. М. Дружинин,

---

[1] Данная статья является частью доклада, прочитанного на юбилейной сессии, посвящённой 30-летию Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики.

[1] *И. А. Яшкин.* Формирование Мордовской социалистической нации, Саранск, 1960, стр. 5.

[2] Там же, стр. 10.

[3] Материалы научной сессии по вопросу мордовского языкознания. Ч. 1, 1955 г., стр. 44. Записки № 17 МНИИЯЛИЭ, 1955, стр. 11.

[4] Вопросы истории, № 7, 1955 г., стр. 43.

является развитие капиталистических отношений в недрах феодального строя[1].

Имели ли место такие процессы в жизни мордовского народа? Да, имели. Наши ученые (Котков, Корсаков, Руткевич, Захаркина и др.) прослеживают здесь возникновение капиталистических отношений уже в первой половине XVIII века[2].

Итак, капитализм был, а буржуазная нация не складывалась, ибо у нее якобы не было устойчивой общности территории.

Действительно, еще в период капитализма крестьянство Мордовии вынуждено было покидать свои земли и уходить в другие места царской России. Особенно ускорился этот процесс в эпоху империализма, когда за 20 лет (с 1897 по 1917 гг.) мордва расселилась из 11 в 36 губерний. Но подтверждает ли это вывод некоторых исследователей? Нет. Говоря о данном признаке нации, как учит марксистско-ленинская теория, следует понимать под ним не государственно-политическое единство этой территории, а исторически устойчивое пребывание на соответствующей территории основных масс данного народа. Правомерно ли это для мордовского народа? Да. Ибо он является не только аборигеном Среднего Поволжья, но и в период капитализма, несмотря на большую распыленность, основная масса мордвы постоянно жила в пределах ряда смежных губерний этого же района России. Так, в конце XIX века свыше 188 тыс. мордвы находилось в Пензенской губернии, почти 189 тыс.— в Симбирской губернии и несколько более 90 тыс.— в Тамбовской губернии[3]. В то время как в Казанской губернии мордвы насчитывалось только 22 тыс., в Оренбургской — 38 тыс., Акмолинской — 8,5 тыс. и т. д. Хотя много мордвы жило в Самарской и Саратовской губерниях, но все же исторически устойчивым и основным районом расселения мордовского народа были смежные уезды Пензенской, Симбирской, Тамбовской и Нижегородской губерний, что и было учтено в советское время при образовании Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики.

Но были ли какие-нибудь особенности в формировании этого признака складывающейся мордовской буржуазной нации? Разумеется, были. Главная специфика этого процесса заключается в том, что приблизительно с VII века мордовский край стал мирно заселяться русским населением. Особенно увеличился приток русских с присоединением мордовских земель к Русскому централизованному многонациональному государству.

Прогрессивность этого явления несомненна. Однако на последующих этапах развития названная территория была произвольно разделена царизмом между 4 губерниями, и это стало

[1] Вопросы истории, № 5, 1955, стр. 168.
[2] Очерки истории Мордовской АССР, т. I, стр. 141—173.
[3] Мордовское население Пензенской губернии, г. Пенза, 1927, стр. 6.

несколько тормозить и усложнять формирование территориальной общности складывающейся мордовской буржуазной нации.

В небольшой статье нельзя коснуться даже части вопросов, характеризующих мордовскую буржуазную нацию, многие элементы которой, как мы считаем, имели место в Мордовии накануне 1917 г. Поэтому мы обратимся еще к главнейшему признаку нации — общности экономической жизни, определяющей в значительной степени все другие ее признаки.

При рассмотрении данного вопроса главное внимание обращается на выявление товарного производства и развитие внутреннего рынка у мордовского народа. «Основным процессом создания внутреннего рынка,— указывает В. И. Ленин,— (т. е. развития товарного производства и капитализма) является общественное разделение труда. Оно состоит в том, что от земледелия отделяются один за другим различные виды обработки сырья... и образуются самостоятельные отрасли промышленности, обменивающие свои продукты (теперь уже товары) на продукты земледелия. Земледелие, таким образом, само становится промышленностью (т. е. производством товаров), и в нем происходит тот же процесс специализации»[1].

Общественное разделение труда, положившее начало складыванию внутреннего рынка в Мордовии, ясно прослеживается уже с начала XVIII века. Ведущая роль здесь принадлежит мелкому крестьянскому промыслу. В целом ряде сел и деревень Мордовии крестьяне все более и более специализировались по производству одного определенного вида товара. Так, в Темниковском уезде в XVIII в. был достаточно широко развит кузнечный промысел, в Алатырском, Арзамасском и в Саранском уездах было распространено изготовление веревок, производство шапок, шитье тулупов, рукавиц, изготовление саней, рогожи, колес[2].

Но уже в то время в Мордовии ведущей отраслью становится деревообделочный промысел, лесные разработки, постепенно усиливается производство пеньки[3].

С развитием капитализма в Мордовии от земледелия отделяются все новые и новые виды обработки сырья. К концу XIX века, как показывают работы Самаркина, Купряшкина, Фирстова, Гребнева, Дорожкина и др., насчитывается уже несколько десятков видов крестьянского промысла, который все больше отделяется от земледелия, что способствует дальнейшему развитию внутреннего рынка.

Однако постепенно в развитии капитализма в Мордовии все больше стало сказываться его крайне одностороннее развитие, придавшее ее экономике ярко выраженный аграрный характер.

[1] *В. И. Ленин.* Соч. т. 3, стр. 45.
[2] ЦГАДА, ф. 1355, д. 26, лл. 53, 67, 89.
[3] Очерки истории Мордовской АССР, т. 1, стр. 153.

Своеобразна и показательна динамика промышленности дореволюционной Мордовии. На первом этапе капитализма в этом национальном районе царской России стало развиваться несколько отраслей промышленности. На рубеже XVIII и XIX веков здесь была представлена винокуренная, полотняная, суконная, кожевенная, писчебумажная, чугунолитейная и железоделательная промышленность. Всего в Мордовии в то время насчитывалось 35 или более крупных промышленных предприятий[1], подавляющая часть из них была занята переработкой продуктов сельского хозяйства. Постепенно эта специализация закрепляется за промышленностью Мордовии, и в эпоху империализма, когда начался последний этап в формировании мордовской буржуазной нации, здесь не было уже ни одного чугунолитейного и железоделательного завода. Подобный процесс происходил и в других районах Среднего Поволжья, например, в Марийском крае, где в то же время прекратили свое существование все стекольные заводы[2], что было главным образом результатом капиталистической конкуренции и колониальной политики царизма, стремившегося превратить Среднее Поволжье в аграрно-сырьевой придаток русского империализма.

Характерна и другая деталь промышленного развития Мордовии, не приведшая к резкому увеличению городского населения и образованию новых городов и промышленных поселков. Заводы и фабрики здесь строились недалеко от сел, поближе к рынку, рабочей силе и сырьевой базе. Все это несколько сдерживало развитие внутреннего рынка в Мордовии и тормозило формирование буржуазной нации, но не исключало эти процессы из жизни мордовского народа, а объясняло специфику и медленность их развития.

Начало складывания внутреннего рынка в Мордовии относится еще к первой половине XVIII века. Уже тогда на данной территории выделялись ярмарки в Саранске, Темникове, Инсаре, Краснослободске, куда с различных районов современной Мордовии привозились товары сельского хозяйства, ремесла и промышленности. Из северо-восточных мест, например, шел главным образом поташ и лыко, из Моршанского и Спасского уездов поставляли кожи, овчинные и шубные изделия; из Темниковского уезда в больших количествах везли товары деревообделочного производства и пеньку, из Саранского — мед, хмель[3]. Сивиньский и Авгорский заводы купцов Миляковых поставляли на рынок железные изделия, Инсарский завод купца Никонова — товары из чугуна и т. д.[4].

Вместе с тем богатые крестьяне, ремесленники, купцы и промышленники Мордовии в больших количествах поставляли свои товары в Н. Новгород, Москву, Казань, Пензу, Тамбов, Симбирск и другие города России. Некоторые торговые люди и купцы из мордвы оседали в этих городах и развертывали обширную торговлю. Вместе с тем конец XVII — первая половина XVIII в. были временем все более усиливающегося втягивания Мордовии в систему всероссийского рынка. Торговые люди из Мордовии часто встречаются в Москве, Н. Новгороде, Пензе, Тамбове, Новгороде и т. д. Так, в 30-е годы XVIII в. таможенные книги Москвы неоднократно отмечают продажу хлеба крестьянами Темниковского уезда, хмеля — крестьянами Саранского уезда[1]. Одновременно на рынках Мордовии появляются торговцы, прибывшие из других районов России. Уже в первой половине XVIII в. документы отмечают появление здесь торговых людей из Саратова, Москвы и др[2]. Таким образом, можно говорить, что в первой половине XVIII в. шло интенсивное складывание как внутримордовского рынка, так и усиленное втягивание Мордовии в систему всероссийского рынка.

Развитие капитализма в Мордовии все больше расширяло базу внутреннего рынка. Массовое разорение крестьянства и ремесленников увеличивало товарность хозяйства и способствовало выделению небольшой кучки состоятельных крестьян, ремесленников, купцов и промышленников, немалую часть среди которых составляли выходцы из мордвы. Так, например, в 1896 г. крестьянин-мордвин села Лобаски Ардатовского уезда Ичкин, купив за 1000 руб. водяную мельницу, широко развернул свое производство, жестоко эксплуатируя крестьян окружающих сел и деревень[3]. Из крестьян Начаркиных деревни Тавлы Саранского уезда вышли многие мордовские купцы и капиталисты, имевшие свои промышленные предприятия, торговые лавки, магазины и роскошные дома в Саранске и Пензе[4]. И число таких Ичкиных и Начаркиных было немалое, особенно среди деревенской буржуазии и лесопромышленников.

Большое значение в развитии внутреннего рынка Мордовии сыграла Московско-Казанская ж. д., которая не только ускорила его развитие, но и сделала окончательно составной частью общерусского рынка, куда Мордовия все в большем количестве начала поставлять сельскохозяйственные продукты, лес и другое сырье. Именно с этого момента начинается заметное выделение Саранска как экономического, торгового и культурного центра Мордовии, быстро укреплявшего свои связи со всеми районами Мордовии и другими городами страны. Так, уже в 1897 г. из Саранска было вывезено 2770 тыс. пудов ржаной

[1] Очерки истории Мордовской АССР, т. I, стр. 210.
[2] Очерки истории Марийской АССР, т. I, стр. 198.
[3] *Черменский.* Культурно-исторический очерк края, Тамбов, 1926, стр. 58—59.
[4] Очерки истории Мордовской АССР, т. I, стр. 157.

[1] ЦГАДА, ф. Камер-Коллегии, кн. 32800, 32822.
[2] ЦГАДА, ф. 2600, д. 544 и др., лл. 1, 4, 32, 102.
[3] *Котков К. А., Корсаков И. М.,* Развитие капитализма в Мордовии после отмены крепостного права. «Записки» № 17, стр. 108.
[4] Там же.

муки, гороха, мяса, а сюда поступило 1198 тыс. пудов различных промышленных грузов из Москвы, Петербурга, Н. Новгорода, Казани, Пензы, Харькова и т. д. Огромными потоками шел из Мордовии лес и различные лесоматериалы, древесная кора, уголь, деготь, рогожа и т. д.

Все это говорит о том, что в конце XIX в. на территории современной Мордовии имелась известная экономическая общность, окончательно развитая и закрепленная уже в советское время на новых социалистических основах.

Несомненность этого фактора становится еще более очевидной, если вспомнить первые этапы становления мордовской государственности. Известно, что было несколько проектов образования Мордовской автономной области, некоторые из них предусматривали ее столицей город Рузаевку. Но все они были отвергнуты жизнью, т. к. не учитывали естественно-исторических условий развития данного края, когда в состав проектируемой области не включались районы, тяготеющие к Московско-Казанской ж. д. и особенно к г. Саранску, чем грубо нарушалась экономическая целостность края, что отмечалось в ходе работы комиссии ВЦИК и Организационно-распорядительного отдела ЦК РКП(б).

Таковы объективные закономерные факторы истории, которые ускоряли формирование мордовской буржуазной нации. В. И. Ленин прямо указывал на огромное значение в этом отношении железнодорожного строительства[1]. Для Мордовии оно было к тому же еще более определяющим, так как с появлением Московско-Казанской ж. д. здесь не только выросло число рабочих (с 7 до 10 тыс.), но несколько усилился процесс формирования национального промышленного пролетариата. В самом деле, может ли существовать и развиваться нация без своего рабочего класса? Думается, что нет. Вот именно этим во многом и объясняется то обстоятельство, что некоторые народы Средней Азии не сформировались в буржуазные нации. Именно поэтому, как нам представляется, несколько быстрее, чем у мордвы, шел процесс национальной консолидации у чувашей и несколько медленнее — у марийцев.

Но спрашивается, кто же возглавил и был решающей силой в формировании мордовской буржуазной нации?

Разумеется, не помещики и не старая купеческая буржуазия, выросшая на монополиях и привилегиях — их к тому же было очень мало в Мордовии,— а мелкая и сравнительно крупная мордовская буржуазия, сложившаяся в среде крестьянства, явилась, главным образом, движущей силой образования буржуазного общества, а следовательно, и мордовской буржуазной нации.

В условиях аграрной Мордовии огромную роль в образова-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 20, стр. 17.

нии нации сыграло крестьянство, которое, как наиболее революционная сила феодально-крепостнического общества, способствовало и предопределяло разрушение последнего и развитие капитализма. Крестьянское движение в Мордовии, начиная с войны под руководством Болотникова и кончая волнениями 50—60-х годов XIX в., способствовало разрушению узких феодальных рамок, замедлявших образование буржуазного общества и формирование мордовской буржуазной нации. Вместе с тем крестьянство явилось тем классом, из которого формировались главные классы нового капиталистического общества — буржуазия и пролетариат.

Хорошо — могут согласиться с нами,—были элементы мордовской буржуазной нации, но как же это совместить с обязательным наличием для таковой тех необходимых четырех признаков, которые характеризуют нацию?

Действительно, полного соответствия известной формуле мы не можем и не стремимся констатировать, так как пытаемся только доказать, что к Великому Октябрю в значительной степени сложились, но не получили окончательного оформления и классического воплощения многие важнейшие элементы мордовской буржуазной нации.

Где же причины разногласий в вопросе о мордовской буржуазной нации?

Многое здесь объясняется крайне недостаточной разработкой проблемы мордовской народности и почти полным отсутствием исследований по выявлению предпосылок для формирования мордовской буржуазной нации, отсутствие которой считалось аксиомой. Вероятно, сказалось на этом и явно недостаточное освещение истории мордовского народа эпохи империализма.

Ученые нашей республики понимают важность скорейшего решения всех этих задач. В частности, в Мордовском научно-исследовательском институте запланирован на ближайшие годы выпуск монографии объемом в 20 п. л. по проблемам жизни и национального формирования мордовского народа с первых шагов его истории и до настоящих дней. В основу этой большой и нужной работы будут положены произведения В. И. Ленина, решения XXII съезда и новая Программа партии, которые требуют от ученых, как подчеркивает секретарь ЦК КПСС академик Л. Ильичев, изучения и обобщения явлений живой жизни, «если даже эти явления не укладываются уже в заученные, привычные формулы», ибо невозможна наука, говорит он, «без свежей, новой постановки вопросов, без теоретического дерзания»[1].

Особенно благодатную почву для научных исследований представляет наша современность—период развернутого строительства коммунизма, теоретическая разработка и обобщение

[1] Коммунист, № 16, 1962, стр. 16, 33.

проблем которого является, как указывает Н. С. Хрущев, самой актуальной и важнейшей задачей всех общественных наук. Это требование партии и народа также учитывается нашими учеными — в вышеназванной монографии периоду развернутого строительства коммунизма в нашей республике отводится главное место.

В настоящей же статье затрагиваются лишь наиболее общие и характерные тенденции в развитии мордовской социалистической нации на современном этапе.

«Развернутое коммунистическое строительство,— говорится в новой Программе КПСС,— представляет новый этап в развитии национальных отношений в СССР»[1]. Раз базис общества, его экономика определяют в конечном счете весь социально-экономический, политический и духовный облик нации, то анализ развития мордовской социалистической нации в период развернутого строительства коммунизма также следует начать с исследования базиса.

Социализм создал у нас в республике новую, социалистическую общность мордовской нации, основанную на общественной собственности на средства производства, исключающую эксплуатацию человека человеком, одного класса другим классом, одной нации другой нацией; общность, ведущую к уничтожению всяких классов и классовых различий внутри нации, к прочному экономическому и политическому единству нации.

В условиях социализма действовали две взаимосвязанные прогрессивные тенденции в национальном вопросе. Во-первых, происходило бурное и всестороннее развитие каждой нации. Во-вторых, под знаменем пролетарского интернационализма идет все большее сближение социалистических наций, усиливается их взаимовлияние и взаимообогащение.

В период развернутого строительства коммунизма ярче и сильнее начинает проявляться вторая тенденция, ибо неуклонное и всестороннее сближение наций — основная закономерность периода создания материально-технической базы коммунизма. Здесь также главную и определяющую роль играет экономика. «Чем выше будет жизненный уровень всех свободных народов, чем полнее будут удовлетворяться материальные... потребности людей,— говорит Н. С. Хрущев,— тем ... успешнее будет идти процесс слияния народов в единую коммунистическую семью»[2].

Сближение и расцвет социалистических наций на основе развернутого строительства коммунизма протекает не стихийно, а планомерно, в результате активного и творческого использования Коммунистической партией и Советским государством объективных законов развития, среди которых все большее значение начинает играть закономерность постепенного выравнивания экономического, культурного и всего жизненного уровня социалистических наций и народностей Советского Союза.

[1] Материалы XXII съезда КПСС, М., 1962 г., стр. 405.
[2] *Н. С. Хрущев.* «Мир без оружия — мир без войн», т. 1, стр. 182.

Все более ощутимо проявление данной закономерности и на современном развитии мордовской социалистической нации. Причем в процессе выравнивания при братской помощи других наций она в индустриальном отношении развивается значительно быстрее, чем раньше. Сближение мордовской социалистической нации происходит на этой основе прежде всего и главным образом с русской нацией, а через ее язык — с другими социалистическими нациями.

Большую роль в построении материально-технической базы коммунизма призван сыграть семилетний план, анализ которого дает особенно наглядный материал для характеристики развития мордовской социалистической нации. Действительно, по семилетнему плану намечен рост валовой продукции всей промышленности СССР по сравнению с 1958 г. на 80%, в Марийской АССР — в два с лишним раза, в Чувашской АССР — приблизительно в 4 раза, а в Мордовской республике — в 6 раз. Как видно, по темпам роста производства промышленности Мордовская АССР значительно опережает соседние автономные республики, Горьковскую, Кировскую и некоторые другие области.

Особенно быстро стало развиваться народное хозяйство Мордовии в связи с образованием здесь экономического административного района. За пять лет его существования объем валового выпуска промышленной продукции вырос в три раза, а по важнейшим отраслям производства — электротехнической, машиностроению, энергетике — в 8—10 раз. За эти годы значительно изменилась и структура экономики нашей республики. В период завершения формирования мордовской социалистической нации Мордовия оставалась в основном аграрным районом, где развивалась главным образом легкая промышленность по переработке продуктов сельского хозяйства. В послевоенные годы, особенно после создания совнархоза, в Мордовии быстро стали расти новые отрасли промышленности. В настоящее время Мордовская республика дает стране цемент, автосамосвалы, экскаваторы, электрические аппараты и приборы, кабельные изделия, электролампы, медицинские препараты и многое другое. Вся эта нужная и важная продукция идет во многие промышленные районы нашей многонациональной Родины, помогая народам строить коммунизм. И чем больше вклад каждой республики в общее дело построения коммунизма, говорит Н. С. Хрущев, тем шире и многостороннее взаимосвязь советских наций, тем быстрее их сближение.

Нужно будет отметить, что с каждым годом растет удельный вес нашей промышленности в Волго-Вятском экономическом районе, создание которого не только способствует, но и знаменует дальнейшее сближение социалистических наций в

этом районе Советского Союза. Так, если в 1961 г. здесь доля в производстве валовой промышленной продукции Мордовской АССР составляла 5,8%, Чувашской АССР — 5,4%, Марийской АССР — 3,9%, то в конце семилетки будет соответственно равняться: 14,2%, 11,8%, 5,3%.

Однако есть у нас и серьезные недостатки в работе промышленности, о чем говорил на ноябрьском (1962 г.) Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев, которые сдерживают экономическое и культурное развитие и мордовской социалистической нации. Задача наших экономистов помочь работникам промышленности быстрее устранить эти недостатки.

Не должны стоять в стороне ученые и других специальностей, ибо поистине революционные преобразования, намеченные на ноябрьском (1962) Пленуме ЦК КПСС, открывают новые горизонты для дальнейшего развития экономики и культуры всех наций и народностей Советского Союза; задача всех наших ученых—способствовать скорейшему претворению в жизнь этих великих предначертаний ленинской партии.

Период развернутого строительства коммунизма невозможен без братского сотрудничества и взаимопомощи советских наций. Возьмем для примера строительство электрифицированной Московско-Казанской железной дороги. Только своими силами Мордовская республика не справилась бы с этой грандиозной задачей. Наши промышленные предприятия и новостройки представляют собой дружный многонациональный коллектив, где работников оценивают не по национальной принадлежности, а по отношению к труду, по их борьбе за коммунизм.

В этом же направлении действуют и другие объективные закономерности развития и сближения мордовской социалистической нации с другими нациями.

Братское единство народов Советского Союза в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма определяет все большее сближение наций не только в сфере экономики, но и в области духовной жизни. Этот процесс значительно сложнее, многограннее и будет проходить, вероятно, довольно значительное время. К тому же он подразумевает, если можно так сказать, двухстороннее сближение, когда нации идут навстречу друг другу, взаимно обогащая себя.

Следует признать, что ученые Мордовии довольно обстоятельно изучили одну сторону культурного сближения наций, посвятив немало страниц своих исследований показу плодотворного, прогрессивного влияния русской культуры на развитие культуры мордовской социалистической нации. Однако этого нельзя сказать о рассмотрении вопроса обратного влияния и взаимодействия. Крайне мало сделали наши ученые в изучении взаимного обогащения и сближения культуры мордовской социалистической нации с духовной жизнью других народов Советского Союза и в первую очередь с родственными народами — марийцами, удмуртами, эстонцами, карелами, коми и т. д. Задача наших историков, философов, лингвистов, филологов и искусствоведов — восполнить этот существенный пробел в этом вопросе, так как этого требует сама жизнь.

С каждым годом растет, например, значение Саранска как одного из ведущих научных центров светотехнической промышленности Советского Союза, которая играет огромную роль в создании материально-технической базы коммунизма. Об этом многое должны сказать наши экономисты и историки. Значительны достижения лингвистов Мордовии. Работы профессора М. Н. Коляденкова представляют собой весомый вклад во все угро-финское языкознание, они широко известны и приняты на вооружение науки не только в Советском Союзе, но и за границей. Мировую славу завоевало творчество выдающегося скульптора Степана Дмитриевича Эрзи (Нефедова). Выходит на всесоюзную арену и наша литература. В Москве на русском языке изданы произведения ряда мордовских писателей и поэтов.

Все эти новые явления, характеризующие дальнейшее развитие мордовской социалистической нации, особенно очевидными и яркими стали лишь в период развернутого строительства коммунизма. Наши ученые обязаны тщательно исследовать и показать конкретные, глубинные причины этих новых явлений.

Для быстрого развития культуры, кроме достижений в экономике, необходимы значительные сдвиги и в области народного образования. Как же обстоит дело в этом отношении у нас в республике? Еще в первые послевоенные годы, точнее к 1948 году, в Мордовии было в основном осуществлено всеобщее семилетнее образование.

Сейчас успешно претворяется в жизнь решение партии и правительства о всеобщем восьмилетнем обучении. Но не только это отличает республику в данном вопросе в период развернутого строительства коммунизма, где начинает быстро расти и число лиц с высшим и специальным средним образованием, которых было в 1954 г. около 18 тыс.[1], а в декабре 1962 — уже свыше 32 тыс.[2]

В вышеуказанный период в Мордовии открыты университет, пединститут, ряд научно-исследовательских институтов, техникумов. Но здесь предстоит еще большая работа, так как Мордовия несколько отстает от соседних областей и республик. Так, в третьем году семилетки в республике было всего специалистов с высшим и средним специальным образованием около 32 тыс., из них с высшим образованием около 12 тыс.[3], из кото-

[1] *А. Л. Киселев.* Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959 г. стр. 108.

[2] Данные статуправления Мордовской АССР.

[3] Там же.

рых лица мордовской национальности составляют лишь 2344 человека. Это далеко не достаточно, если учесть, что мордва составляет 35,8% населения республики.

В своем развитии мордовская культура берет все новые рубежи, успешно преодолевая некоторые трудности роста. При этом она обогащается лучшими чертами психологического склада русской и других наций, все более приобретая интернациональные черты и оттенки, представляющие важнейшую тенденцию в ее дальнейшем развитии по пути к коммунизму. Мордовская культура развивается не в условиях национальной ограниченности, а, наоборот, в условиях все более тесного экономического и политического сотрудничества наций, их духовного сближения.

Так создается советская культура — культура не одной нации, а всех народов Советского Союза. В этом закономерном и прогрессивном процессе выражено взаимное обогащение национальных культур, их сближение, становление и развитие общей советской культуры, вбирающей в себя все лучшее, что создано национальными культурами. Возьмем, например, такое замечательное произведение, как «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого. Оно близко и понятно каждому советскому человеку. На этой книге, созданной русским писателем, воспитывались и воспитываются миллионы юношей и девушек самых различных национальностей. Названное произведение одновременно и национально-русское и вместе с тем глубоко интернациональное. Другой пример и тоже о герое-летчике, но теперь уже о мордвине. Русский писатель И. Никифоров в книге «Побег из неволи» ярко и с большой любовью описывает героический побег из фашистского плена нашего земляка М. П. Девятаева. Этому же эпизоду Великой Отечественной войны посвящает свои вдохновенные строки и мордовский писатель М. Кяшкин, который в книге «Курс — Родина» также прославляет подвиг Девятаева. При этом и русский и мордвин так восхищаются подвигом героя-мордвина, что совершенно забываешь о их национальной принадлежности. Такие же явления можно проследить и в области музыки, например, в творчестве Л. П. Кирюкова и И. М. Яушева, в живописи Н. В. Ерушева и др., в прикладном искусстве и т. д.

В чем же здесь дело? А дело в том, что советским людям, независимо от их национальности, нравится все прекрасное и талантливое, что ярко и убедительно показывает черты нового, советского человека, человека-борца, созидателя и труженика. Значит, в условиях нашей действительности возникли и развились, особенно в период развернутого строительства коммунизма, такие черты, которые объединяют и роднят наши социалистические нации. Думается, что ими являются: советский

[1] Данные статуправления Мордовской АССР.

патриотизм, коммунистическая идейность, интернационализм, гуманизм, коллективизм и товарищество, коммунистическое отношение к труду и общественной собственности; глубокое понимание общих интересов всех наций в борьбе за коммунизм.

В связи с этим уместно поставить вопрос о том, что же такое национальное в советской культуре.

Национальное в наши дни — это то, что, опираясь на лучшие традиции данного народа, правдиво отображает его идейные устремления, его борьбу за коммунизм и мир, является выражением духовного богатства этого народа и в то же время понятно и близко другим народам.

В этом смысле национальное сближается с интернациональным, и это является базой для духовного сближения социалистических наций. Поэтому в новой Программе КПСС прямо указывается, что в ходе развернутого строительства коммунизма будет придаваться все большее значение не национальной форме, хотя она и будет дальше развиваться и совершенствоваться, а социалистическому содержанию культур народов СССР[1].

Вместе с тем Коммунистическая партия и ее ленинский Центральный Комитет подчеркивают, что уже создающаяся культура коммунистического общества идет не путем простого слияния всех национальных культур, не путем административного упразднения национальных различий и особенностей, а путем длительного и сложного синтеза, путем объективного отбора самой жизнью, практикой коммунистического строительства, в ходе которого постепенно отмирают элементы, разъединяющие национальные культуры.

Это совершенно не значит, что в период развернутого строительства коммунизма исчезнут национальные различия. Наоборот, наша партия ориентирует народы Советского Союза на длительное совместное и взаимное развитие национальных культур. Особенно ясно это становится, когда рассматриваются проблемы национального языка.

Действительно, развитие национальных культур немыслимо без дальнейшего развития национального языка, ибо язык не только важнейшая форма национальной культуры, но и «важнейшее средство человеческого общения»[2].

Как же обстоит дело в этом отношении в Мордовской республике?

Было время, когда у нас вообще дебатировалась возможность наличия мордовской социалистической нации, поскольку у мордовского народа два языка: мокшанский и эрзянский. Сторонники такого мнения, находясь в плену неверных сталин-

[1] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 405.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 20, стр. 368.

ских положений о языке, не хотели даже учесть, что эти два современных языка были когда-то только диалектами одного мордовского языка. На научной конференции 1952 г. по проблемам мордовского языкознания Мордовскому научно-исследовательскому институту удалось отстоять положение, утверждающее существование и развитие социалистической нации на базе двух языков — мокшанского и эрзянского. Жизнь показала правильность этих положений, высказанных учеными Мордовского научно-исследовательского института.

Сейчас, в период развернутого строительства коммунизма, в развитии мордовской социалистической нации все большую и большую роль начинает играть русский язык.

Где же причины этого закономерного и прогрессивного явления, об огромном значении которого говорил еще В. И. Ленин и что с новой силой подчеркнуто в Программе КПСС?

Такое великое значение русского языка в развитии мордовской социалистической нации, кроме вышеназванных объективных экономических и исторических причин, объясняется еще тем, что:

1. Русский язык является основным средством общения между мокшанами и эрзянами.

2. Потребность экономического, политического и культурного сотрудничества социалистических наций вызывает к жизни выделение одного языка в качестве общего для всех народов. Таким языком является русский.

3. Русский язык дает возможность мордовскому народу приобщиться к богатейшей русской культуре, культуре своих родственных народов, к культуре всех наций и народностей Советского Союза, наконец, к мировым достижениям всего человечества.

Вот почему русский язык все больше и больше входит в жизнь мордовской социалистической нации и все больше мордовского населения начинает считать его своим вторым родным языком. Это позволяет сказать, что на современном этапе мордовской социалистической нации ее развитие идет уже на базе двух языков: эрзянско-мокшанского и русского. Вероятно, в какой-то степени аналогичные процессы, но только пока в меньших размерах происходят у карелов, удмуртов, марийцев, коми и др.

Все это, разумеется, не позволяет говорить о значительном, чуть ли не окончательном сближении или слиянии данных национальностей. Мордовская социалистическая нация, например, продолжает сейчас развиваться как особая национальность, отличная от других родственных ей народов и русского народа, хотя она и сближается с ними не только по линии общности экономической, политической и культурной жизни, психического склада, но и по общности языка.

Больше того, мордовская социалистическая нация сохранит различия в языке, некоторые особенности быта и психического

склада даже при развернутом строительстве коммунизма, которые потом также постепенно сгладятся и сотрутся, поскольку образуется единый народ коммунистического общества. На каком-то этапе коммунистического общества все еще останутся некоторые национальные особенности, что позволит говорить о мордовской коммунистической нации. Важность и закономерность постановки данной проблемы вполне очевидна. Задача ученых Мордовии на конкретном местном материале выяснить ее правомерность и жизненность, ибо некоторые ученые Советского Союза считают неправильной подобную постановку вопроса, хотя другие говорят о возможности коммунистических наций.

Таковы некоторые проблемы формирования и развития мордовской социалистической нации, требующие специального монографического исследования целого коллектива ученых.

ПОМОЩЬ ТРУДЯЩИХСЯ МОРДОВИИ ФРОНТУ И РАЙОНАМ, ПОСТРАДАВШИМ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Т. В. ПОПКОВ

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. наиболее ярко и полно показала несокрушимую мощь и несгибаемую жизненную силу нашего великого социалистического государства, одним из могучих источников силы которого явился животворный советский патриотизм. Многообразны были формы его массового проявления в годы Великой Отечественной войны.

Всенародная помощь фронту и районам, пострадавшим от фашистских захватчиков — одно из наиболее сильных и ярких проявлений советского патриотизма всех народов Советского Союза, в том числе и трудящихся Мордовии.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз вызвало среди трудящихся МАССР, как и среди всего советского народа, глубокое негодование и возмущение. В первые же дни войны по всем городам и селам советской Мордовии прокатилась широкая волна многолюдных митингов и собраний рабочих, служащих, колхозников и интеллигенции. Эти митинги и собрания явились яркой демонстрацией сплоченности трудящихся Мордовской АССР вокруг Коммунистической партии и Советского правительства.

В принятых резолюциях, в своих выступлениях рабочие, колхозники и служащие Мордовии высказывали беззаветную любовь к социалистической Родине, преданность Коммунистической партии Советского Союза и Советской власти. Рабочие, колхозники и интеллигенция нашей республики поклялись отдать свои силы делу разгрома немецко-фашистских захватчиков. Митинги и собрания в эти дни прошли во всех районах, селах Мордовской АССР. Достаточно сказать, что только за два первых дня войны партийными организациями республики было организовано 947 митингов, в которых приняло участие 218599 человек[1].

[1] Архив Мордовского ОК КПСС, ф. 268/8, оп. 3, ед. хр. 142, связка 137.

Колхозники бывшего Зубово-Полянского района, заслушав на митинге сообщение о разбойничьем нападении фашистской Германии на СССР, в принятой резолюции дали клятву Коммунистической партии и Советскому правительству в том, что все как один встанут на защиту своей социалистической Родины. Они писали, что «вместе со всем советским народом, рука об руку с нашей доблестной Красной Армией, будут защищать нашу Родину, честь, свободу и свое счастье, будут вести Отечественную войну до полной победы над врагом. Беспощадно будут бить фашистскую озверелую банду и раздавят гитлеровскую гадину»[1]. А колхозники колхоза им. 3-го съезда Советов бывшего Ладского района в ответ на бандитское нападение германских фашистов на Советский Союз приняли на митинге специальное обращение ко всем трудящимся района, в котором они выразили свою ненависть и презрение к фашистским агрессорам и призывали трудящихся района отдать все для защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. Они дали слово партии работать лучше, чем до войны, и дать стране больше хлеба, чем они давали до этого[2].

Клятвы и заверения трудящихся Мордовской АССР были подкреплены конкретными делами. Об этом свидетельствует тот факт, что тысячи трудящихся Мордовской республики изъявили свое желание поехать на фронт добровольцами. Многие коммунисты в первый же день войны приехали в свои парткомы и просили, чтобы их отправили добровольцами на фронт. Они заявили, что, не щадя своей жизни, будут уничтожать фашистскую нечисть.

Этот патриотический почин коммунистов был с энтузиазмом подхвачен комсомольцами. Уже в июне 1941 года добровольно на фронт отправились 2500 комсомольцев[3]. В своих заявлениях комсомольцы писали о беспредельной любви к Коммунистической партии, Советскому правительству и просили скорее отправить их на фронт. Так, комсомолец Вдовин писал в своем заявлении: «Я ненавижу фашистских варваров, возмущен их гнусными действиями. Прошу РК ВЛКСМ послать меня добровольцем на фронт. Обязуюсь доверие комсомола оправдать на деле»[4].

Отправки на фронт требовали не только коммунисты и комсомольцы, но и беспартийные товарищи. В бывшем Кочкуровском районе на второй день войны к секретарю первичной партийной организации Семилейского сельского Совета пришли 7 стариков и потребовали, чтобы их немедленно отправи-

[1] Газета «Ленинонь знамяц» З.-Полянского РК ВКП(б) от 23/VI 41 г.
[2] Газета Ладского РК ВКП(б) от 27/VI 41 года.
[3] Архив МНИИЯЛИЭ Морд. АССР, И—73, лист 46.
[4] Газета «Красная Мордовия» от 5/VII 41 г.

ли на фронт для борьбы с фашистами. Они заявили, что «хотят защищать свою Родину»[1].

Отправляя своих сынов и дочерей на фронт, трудящиеся Мордовии, как и трудящиеся всего Советского Союза, давали наказ доблестно защищать свою родную землю. Колхозник А. Н. Дудко из колхоза «Советская Украина» быв. Лямбирского района, провожая на фронт 4-х своих сыновей, говорил им на прощанье: «Я прожил 60 лет. Настоящую жизнь мне дала Советская власть. Я сейчас богат. У нас есть поля, сады, стада. Знайте, что вы идете защищать свое отечество, свой родной колхоз, своего отца и мать. Будьте достойны своей Родины»[2]. Со своей стороны, отцы, жены, братья, сестры, друзья и родные обещали заменить ушедших на фронт на производстве, неутомимым трудом ковать победу над врагом и, когда потребуется, с оружием в руках встать в ряды Советской Армии. Рабочие, колхозники, уезжая на фронт, выражали гордость за то, что им выпала великая честь — защищать Родину от ненавистного врага, они торжественно клялись честно выполнить свой благородный долг перед Родиной, советским народом. Трудящиеся бывшего Дубенского района, уезжая на фронт, писали: «Родине нашей чудесной и прекрасной принадлежит наша жизнь. И мы клянемся защищать мирный труд народа, его счастье и завоевание умело, с достоинством. Все свои силы и самой жизни не пожалеем отдать для выполнения священного долга перед Родиной и народом»[3].

В первые же дни войны на фронт ушло 60% всех председателей колхозов, более 65% председателей сельских Советов, большинство трактористов, комбайнеров и большое количество взрослого мужского населения.

В начале войны было отправлено на фронт более трети лошадей и большинство тракторов и автомашин.

В годы Великой Отечественной войны трудящиеся Мордовии проявили высокий патриотизм на фронте. В грандиозных сражениях войны участвовало 64% всего состава Мордовской областной партийной организации и 41 тысяча комсомольцев. За мужество и геройство, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны, более 75 тыс. уроженцев Мордовии было награждено орденами и медалями СССР, а 79 человек удостоены высшей воинской награды — звания Героя Советского Союза[4].

Не менее величествен подвиг миллионов тружеников советского тыла, среди которых достойное место занимали и трудящиеся Мордовии.

[1] Архив Морд. ОК КПСС, ф. 269/8, оп. 3, ед. хр. 141, связка 136, л. 48.
[2] Газета «Красная Мордовия» от 31/VIII 41 г.
[3] Газета Дубенского РК ВКП(б) от 25/VI 41 г.
[4] **Мордовия в годы Великой Отечественной войны.** Мордкиз, 1962 г., стр. 5—6.

Велики были трудности военного времени в Мордовии, но животворный советский патриотизм позволил преодолеть их, обеспечивал достойный вклад рабочих, колхозников и интеллигенции республики в общенародное дело разгрома гитлеровских захватчиков.

Советский патриотизм народов нашей великой Родины, в том числе трудящихся Мордовии, выражался в массовом стремлении помочь своему государству не только вооруженной борьбой с врагом или самоотверженным трудом на промышленных предприятиях и колхозных полях, но и активным участием во всенародном движении по оказанию добровольной материальной помощи фронту.

Уже в июле 1941 г. по инициативе широчайших народных масс страны возникло движение по оказанию помощи нуждам фронта деньгами, сельскохозяйственными продуктами, теплыми вещами и т. д. Из этих добровольных взносов возник фонд обороны страны. Это начинание советских патриотов было поддержано партийными, комсомольскими, профсоюзными и другими общественными организациями.

Везде и всюду стали создаваться специальные добровольные организации по сбору средств в фонд обороны. В конторах Госбанка был открыт специальный счет, на который поступали вносимые трудящимися Советского Союза ценности. Это движение на местах было возглавлено местными партийными организациями. Горкомы, райкомы партии, первичные партийные и комсомольские организации среди трудящихся проводили собрания, на которых разъясняли значение движения по созданию фонда обороны Родины. Коллективы многих предприятий, учреждений и колхозов Мордовской республики принимали решения об отчислении в фонд обороны части своей заработной платы. Так, например, рабочие, служащие саранского завода на своем собрании приняли обращение, в котором говорилось, что они будут ежемесячно вплоть до окончания войны отчислять однодневный заработок в фонд обороны страны[1]. Они обратились ко всем рабочим, колхозникам и интеллигенции с призывом последовать их примеру — этим самым дать стране новые тысячи самолетов, танков, сотни тысяч пулеметов, винтовок и прочего боевого снаряжения для того, чтобы ускорить разгром немецко-фашистских захватчиков. Трудящиеся Мордовии горячо поддержали это обращение и стали активными участниками этого всенародного движения. Основным источником создания фонда обороны были отчисления 1—2% от заработной платы, отчисления одно-двухдневного заработка, досрочное погашение займа третьей пятилетки, коллективная и индивидуальная сдача государству облигаций госзаймов, работа в выходные дни в пользу фонда обороны

[1] Архив Мордов. ОК КПСС, ф. 269, оп. 3, ед. хр. 141, л. 26.

и т. д. Следуя примеру рабочих и служащих Москвы и других городов, трудящиеся Мордовии на своих собраниях принимали решения об активном участии в деле создания фонда обороны. Медперсонал Темниковской больницы, например, решил отчислять в фонд обороны ежемесячно двухдневный заработок до конца войны. Колхозники колхоза «XVIII партсъезд» отчисляли в фонд обороны: мужчины — по 10 трудодней, а женщины — по 5 трудодней. Коллективы спиртзавода, Райзо, РК ВКП(б) и МТС бывшего Ичалковского района в принятых решениях обязались ежемесячно отчислять однодневный заработок в фонд обороны СССР до окончания войны и до 1 января 1942 года полностью выплатить подписку на заем третьей пятилетки. Кроме того, рабочие и служащие Ичалковской МТС 3 августа 1943 г. организовали воскресник на станции Оброчное, а заработанные деньги зачислили в фонд обороны страны.

Трудящиеся Мордовии ничего не жалели для того, чтобы ускорить разгром фашистской Германии. Уже в первые дни войны в счет фонда обороны страны рабочие, колхозники, люди интеллектуального труда стали сдавать свои личные сбережения. Так, например, учительница Боровицкая Мария Павловна бывшего Инсарского района из своих сбережений внесла в фонд обороны 1000 рублей, преподаватель Инсарского педучилища В. В. Горбунов сдал 1000 рублей облигациями[2]. С каждым днем движение по созданию фонда обороны страны включало в свой состав все новые и новые отряды рабочих, колхозников и интеллигенции. Не было ни одного человека в республике, кто бы стоял в стороне от этого движения.

В создании фонда обороны страны активное участие принимали колхозники и целые колхозы Мордовской АССР. В фонд обороны они сдавали, кроме денег, крупный рогатый скот, овец, свиней, а также птицу. Так, колхоз «Ударник» бывшего Атюрьевского района, рассчитавшись полностью с государством, к декабрю 1941 г. сдал в фонд обороны Родины одну тысячу литров молока и 10 голов овец, а колхоз «Марстонь ки» бывшего Рыбкинского района в счет фонда обороны внес 10 овец, одну корову, 350 кг шерсти[3]. На 1 декабря 1941 г. колхозы бывшего Козловского района сдали в фонд обороны страны 120 цен. хлеба, 35 цен. молока, 20 цен. мяса[4]. На призыв партии обеспечить всем необходимым Советскую Армию и флот горячо откликнулись колхозники, рабочие и служащие Ромодановского района. Уже к сентябрю 1941 г. по Ромодановскому району в фонд обороны страны было сдано 1012 цен. хлеба, около

[1] Архив Мордов. ОК КПСС, ф. 269/8, оп. 3, ед. хр. 141, лл. 26, 27.
[2] Там же, л. 27.
[3] Газета «Красная Мордовия» от 25 октября 1941 г.
[4] Там же.

2 тыс. литров молока. Только колхозы Евлашевского сельского Совета отчислили в фонд обороны 140 цен. пшеницы и денежных средств из заработка, положенного на трудодни. Всего по району было сдано в райсберкассу облигаций на сумму 115 тыс. рублей[1]. Колхозниками Темниковского района в 1941 году было внесено 141727 рублей наличными и 439 тыс. руб. облигациями Государственных займов[2]. В целом по республике в 1941 году тружениками сельского хозяйства сдано в фонд обороны: крупного рогатого скота — 63 головы, свиней — 39 голов, овец и коз — 198 голов, молока — 57826 литров. Кроме всего этого, в фонд обороны колхозы сдали зерна 23515 центнеров, картофеля 1015 центнеров и овощей 7311 цент., причитающихся на трудодни колхозникам[3].

Развитие патриотизма трудящихся Советского Союза выразилось также и в активном участии рабочих, колхозников и интеллигенции в сборе теплой одежды для фронтовиков. Инициаторами патриотического движения явились московские женщины-активистки, которых поддержали все трудящиеся Советской страны.

Движение по сбору теплых вещей для воинов-фронтовиков, как и движение по созданию фонда обороны, возглавили местные партийные организации. Бюро Мордовского обкома партии 6 сентября приняло решение «Об организации сбора среди населения теплых вещей и белья для Советской Армии», в котором оно обязало всех секретарей райкомов и горкомов партии развернуть работу среди населения по разъяснению значения этого движения и начать среди населения сбор теплых вещей и белья для действующей Советской Армии. Для выполнения этой работы при областном комитете партии была создана комиссия в составе секретаря обкома ВКП(б), заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Мордовской АССР, военкома республики, секретаря обкома ВЛКСМ, председателя обкома профсоюза работников земорганов и председателя обкома профсоюза работников политпросветучреждений[4].

Выполняя постановление областного Комитета ВКП(б), районные и первичные партийные организации широко развернули на всех предприятиях, учреждениях, колхозах, совхозах и МТС массово-разъяснительную работу среди населения. Для разъяснения политического значения этого движения были мобилизованы все партийные, советские, комсомольские работники, а также учителя и вся сельская интеллигенция. Первыми последователями женщин-активисток

[1] Мордовия в годы Великой Отечественной войны, Мордкиз, 1962, стр. 276—277.
[2] Газета «Красная Мордовия» от 19 декабря 1941 г.
[3] Архив Мин. с. хоз. МАССР. Итоги хоз. года к-ов МАССР за 1941 г.
[4] ЦПА института, М — Л., ф. 17, оп. 22, ед. хр. 1774, л. 91—92.

по сбору теплых вещей и белья для Советской Армии в Мордовии были рабочие и служащие пенькового комбината г. Саранска. Коллектив этого предприятия сдал бойцам нашей доблестной армии из личных вещей 20 полушубков, 19 ватных фуфаек, 60 суконных брюк, 91 суконную гимнастерку, 4 шинели, 9 пар валенок, три одеяла и много других вещей[1]. Рабочие пенькокомбината обратились с призывом ко всем рабочим, работницам, инженерно-техническим работникам, служащим города Саранска и всей Мордовии последовать их примеру. На это обращение откликнулись трудящиеся всей Мордовии. Активное участие в сборе теплых вещей, белья и продуктов питания воинам-фронтовикам приняли коллективы промышленных предприятий и учреждений столицы Мордовии — г. Саранска. На 30 декабря 1941 года по городу Саранску было собрано и упаковано для отправки на фронт 1904 кг махорки и табака, 1001 банка консервов, 1420 кг пряников, 98 кг сдобных сухарей, 230 кг конфет, 26 ватных пиджаков, 36 ватных костюмов, 18 свитеров, много полушубков, валенок и т. д. Всего собрано 32215 предметов на 42 тыс. руб.[2]. От трудящихся города Саранска по сбору теплых вещей и продуктов питания Советской Армии не отставали и труженики колхозных и совхозных полей. Например, колхозники Ромодановского района в сентябре 1941 г. сдали шерсти 2834 кг, овчин 500 шт., нательного белья 57 пар, валенок 36 пар, тулупов 5 шт. и много других вещей[3], колхозники бывшего Пурдошанского района за 1941 г. послали для Советской Армии 3147 предметов и 2522 кг мяса[4], а трудящиеся Ардатовского района отправили воинам-фронтовикам 6 тыс. теплых вещей, в числе которых около тысячи пар варежек и перчаток, 650 пар носков, 550 шапок, около 100 ватных фуфаек, 8 полушубков, 33 пары валенок и много других вещей.

Еще активнее и организованнее проходил сбор теплых вещей для воинов-фронтовиков в 1942 г. Партийные организации по этому вопросу провели огромную политико-воспитательную работу среди населения. Для работы с населением РК ВКП(б), первичные партийные организации выделяли специальных людей, которые разъясняли значение этого движения в укреплении боевой мощи нашей армии. Большую работу в пропаганде значения движения по сбору теплых вещей проделала республиканская печать. Она способствовала воспитанию советского патриотизма и непреклонной решимости преодолеть все трудности военного времени. Так, наши газеты «Советская Мордовия», «Мокшень правда», «Эрзянь коммуна» оказывали

[1] Газета «Красная Мордовия» от 11 сентября 1941 г.
[2] Архив Мордов. ОК КПСС, ф. 269/8, оп. 3, ед. хр. 131, л. 399.
[3] Там же, ф. 76, оп. 2, ед. хр. 4, л. 25.
[4] Там же, ф. 269/8, оп. 1, ед. хр. 60, л. 9.

повседневную помощь райкомам, первичным партийным комсомольским и профсоюзным организациям в мобилизации сил рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции республики на бесперебойное снабжение фронта всеми необходимыми продуктами и обмундированием. Эти газеты разъясняли советским людям серьезное экономическое и политическое положение СССР, способствовали укреплению единства фронта и тыла, воспитанию высоких моральных качеств у советских людей. На страницах республиканских газет широко освещалось патриотическое движение трудящихся Мордовии, широко пропагандировался почин передовых предприятий, организаций, совхозов, колхозов и МТС помощи фронту материальными средствами.

Благодаря повседневной массово-разъяснительной работе, трудящимися Мордовии только ко дню 25 годовщины Великой Октябрьской революции было собрано для отправки в действующую армию: мяса — 17620 кг, яиц — 52030 шт., меду — 2773 кг, масла — 1423 кг, кур и гусей — 1188 кг и много других продуктов[1]. Особое внимание при этом было уделено созданию мясного фонда для Красной Армии. По этому вопросу Советом Народных Комиссаров МАССР и бюро обкома ВКП(б) было принято совместное постановление от 30 ноября 1942 г., в котором указывалось на необходимость создания мясного фонда для армии в размере 1 100 тонн[2]. Всего же в течение 1942 г. от трудящихся Мордовской автономной республики поступило в качестве подарков: мяса — 51276 кг, яиц — 148530 шт., масла — 4213 кг, колбасы — 1808 кг, варенья — 2962 кг, крупы — 4221 кг, кур и гусей — 1000 штук и много других продуктов[3]. За это же время рабочие, колхозники и интеллигенция Мордовии отправили для бойцов действующей армии: шерсти — 105809 кг, овчин — 46684 шт., валенок — 31169 пар, полушубков — 4998 шт., меховых жилетов — 1623 шт. и т. д.[4].

С дальнейшим ходом войны патриотическое движение трудящихся Советского Союза развертывается все шире и шире. Когда в конце 1942 г. Советская Армия перешла в наступление, захватила в свои руки инициативу военных действий, в стране развернулось широчайшее народное движение по сбору средств на постройку танковых колонн и боевых эскадрилий самолетов.

Инициаторами этого всенародного патриотического движения явились колхозники одного из лучших колхозов Тамбовской области Избердеевского района. Одновременно с колхозниками Тамбовской области выступили колхозники Саратовской области.

[1] Архив Мордов. ОК КПСС, ф. 269/8, оп. 1, ед. хр. 54, л. 17.
[2] Там же, оп. 3, ед. хр. 242, л. 17.
[3] Там же, оп. 1, ед. хр. 13, л. 11.
[4] Там же, ф. 269/8, оп. 1, ед. хр. 44, л. 90.

Благородный почин тамбовских и саратовских колхозников был подхвачен всем колхозным крестьянством страны. Инициаторами этого патриотического движения в Мордовской республике выступили колхозники сельхозартели «Якстере сокиця» Куриловского сельсовета Ромодановского района. На своем собрании 15 декабря 1942 года они поддержали почин колхозников и колхозниц Тамбовской области и по их примеру собрали из личных средств членов артели 50 тыс. руб. на строительство танковой колонны «Мордовский колхозник». Колхозники колхоза «Якстере сокиця» обратились ко всем труженикам колхозных полей республики с призывом внести свои средства на строительство танковой колонны «Мордовский колхозник»[1]. За 2 месяца до этого члены первичной организации МОПР колхоза «Коммунар» Ковылкинского района обратились ко всем трудящимся Мордовии с призывом начать сбор средств на постройку звена самолетов «Советская Мордовия»[2].

Бюро Мордовского обкома ВКП(б) поддержало инициативу как членов первичной организации МОПР колхоза «Коммунар», так и членов сельхозартели «Якстере сокиця» о сборе средств на постройку звена самолетов и танковой колонны. В принятом постановлении от 15 декабря 1942 г. бюро Мордовского обкома ВКП(б) предложило всем партийным, комсомольским и профсоюзным организациям организовать массовую разъяснительную работу среди трудящихся республики и сбор средств на постройку танковой колонны «Мордовский колхозник»[3]. Большое место в сборе средств на строительство боевой техники занимали крупные индивидуальные взносы, инициатором которых выступил 53-летний колхозник сельхозартели «Стахановец» Ново-Покровского района Саратовской обл. Феропонт Петрович Головатый, внесший 100 тыс. руб. из своих личных сбережений. Почин Головатого нашел самый широкий отклик по всей стране. В Мордовской АССР этому примеру последовал колхозник из колхоза «17 партсъезд» бывшего Инсарского района Славкин, который внес из своих сбережений 40 тыс. руб.[4].

Трудящиеся Мордовии, воодушевленные победами Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны, горя желанием быстрее разбить фашистскую Германию, только в течение 1942 г. собрали на строительство танковой колонны «Мордовский колхозник» 36 млн. 620 тыс. рублей деньгами и 16725 тыс. рублей облигациями. В фонд обороны отчислили 49 тыс. пудов хлеба, 10500 пудов картофеля, 2396 пудов мяса. Активное участие в патриотическом движении, начатом тамбовскими и саратовскими колхозниками, приняли комсомольцы и молодежь нашей республики.

[1] Газета «Красная Мордовия» от 18 декабря 1942 г.
[2] Архив Мордов. ОК КПСС, ф 269/8, оп. 3, ед. хр. 245, л. 12.
[3] Очерки истории Мордов. АССР, т. 2, Мордкиз, 1961, стр. 341.
[4] Архив Мордов. ОК КПСС, ф. 269/8, оп. 3, ед. хр. 454, л. 48.

Ленинский комсомол был активным исполнителем всех мероприятий партии и по оказанию помощи фронту. Следуя примеру тамбовских колхозников, комсомольцы и молодежь Мордовской АССР собрали на строительство танковой колонны «Мордовский колхозник» к февралю 1943 г. 5384602 рубля. Всего же в фонд обороны молодежью и комсомолом Мордовии внесено 11 млн. 500 тыс. рублей деньгами[1]. Одной из форм патриотической помощи комсомола республики фронту было проведение массовых декадников и воскресников. Первый Всесоюзный молодежный воскресник по стране был проведен 17 августа 1941 г. В нем приняло участие 9 млн. человек, внесшие заработанных 44 млн. рублей[2]. Организованно прошел этот воскресник и в Мордовской республике. Только в г. Саранске в общегородском воскреснике приняло участие более 7 тыс. человек. Они заработали 34 тыс. рублей[3]. По всей же Мордовии в первом Всесоюзном воскреснике участвовало 12 тыс. человек, которые заработали более 100 тысяч рублей деньгами и 104 тысячи трудодней[4]. Все заработанные деньги в этот день были переданы в счет фонда обороны. За годы войны молодежь республики приняла активное участие в 14 воскресниках, заработав и перечислив в фонд обороны свыше одного миллиона рублей.

Комсомольцы были инициаторами сбора денег, продуктов питания и вещей в помощь детям фронтовиков. Силами молодежи Мордовии для оказания помощи семьям фронтовиков за годы войны было собрано 2390501 рубль денег, 27 тысяч пудов хлеба и 6290 различных, преимущественно теплых, вещей. За счет этих средств дополнительно было создано 38 пионерлагерей, оборудованы многие детские дома, оказывалась единовременная помощь учащимся и т. д...[5].

Большую помощь в усилении обороноспособности страны сыграли займы. В годы Великой Отечественной войны Советское правительство выпускало Государственные военные займы и денежно-вещевые лотереи. Подписка на эти займы по всей стране проходила с огромным патриотическим подъемом. Трудящиеся Мордовии под руководством областной партийной организации в реализации Государственных военных займов принимали самое активное участие. Например, Второй Государственный военный заем 1943 г. был реализован по республике на сумму

[1] Архив Мордов. ОК КПСС, ф. 956, оп. 1, ед. хр. 1216, л. 5.
[2] *Тельпуховский В. С.*, Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Госполитиздат, 1959, стр. 82.
[3] Газета «Красная Мордовия» от 24 августа 1941 г.
[4] Архив Мордов. ОК КПСС, ф. 269/8, оп. 3, ед. хр. 141, л. 24.
[5] *Д. Глазунов.* Комсомол Мордовии в годы Великой Отечественной войны. Мордгиз, 1957, стр. 165.

92 млн. 883 тысячи рублей. Это в четыре раза больше по сравнению с подпиской на заем в 1941 г. С большим патриотическим подъемом прошла подписка на заем среди колхозного крестьянства Мордовии. Они подписались на сумму 51435 тыс. рублей. Особенно хорошо проходила реализация Второго Государственного займа в таких районах, как бывший Пурдошанский, где подписка составила 2534 тыс. руб., или 194% к бюджетной сумме. За десять дней подписки рабочими и колхозниками района было внесено 1168 тыс. рублей[1]. В бывшем Рыбкинском районе подписка была реализована на 129% к установленному плану. В дни подписки поступил 1 млн. 3 тысячи рублей. В бывшем Кадошкинском районе подписка составила 125,6%, или 1215 тысяч рублей и т. д.[2].

Многие сельские активисты подписывались на 1000, 2000, 5000 и более рублей.

С большим патриотическим подъемом в 1943 г. прошла подписка на двухпроцентный Государственный заем. Основная масса колхозников сразу же внесла деньги наличными. Например, председатели колхозов коммунисты тт. Миньков П. М. (к-з «Ударник» бывшего Атюрьевского района), Кутякин (к-з им. Ленина), Пикмузин (к-з «Трудовик» бывшего Рыбкинского района), Мартышев (к-з «Искра»), Кузнецов (Рузаевского района) и другие подписались на 10 тыс. рублей и сразу же внесли всю сумму наличными, а председатель колхоза «Красный пахарь» Краснослободского района подписался на 20 тысяч рублей, председатель колхоза «Красный партизан» бывшего Ст.-Синдровского района тов. Чинков — на 15 тысяч рублей. На большую сумму подписывались и рядовые колхозники. В колхозе «Ударник» бывшего Атюрьевского района кузнец Романов Е. И. и колхозница Миняева подписались на 6 тысяч рублей каждый и все деньги сразу же внесли наличными. Всего за 1942—1943 гг. трудящиеся Мордовии приобрели облигаций Государственных займов, билетов денежно-вещевой лотереи и внесли вкладов в сберкассы на сумму 153 млн. 124 тысячи рублей[4].

Мордовская областная партийная организация провела значительную работу по организации снабжения населения продовольственными и другими товарами. Большая забота проявлялась о человеке, о воинах и тружениках тыла. Отеческая забота была проявлена о семьях фронтовиков. Мордовский областной комитет партии, руководствуясь постановлением ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. «О мерах улучшения работы со-

[1] Шестая сессия Верх. Совета Морд. АССР. Стенограмма. Изд. 1944, стр. 13.
[2] Там же.
[3] Архив Мордов. ОК КПСС, ф. 269/8, оп. 3, ед. хр. 451, лл. 57—58.
[4] Шестая сессия Верх. Совета МАССР. Стенограм. Изд. 1944, стр. 13.

ветских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих», сосредоточил главное внимание партийных организаций на создании отделов гособеспечения и укомплектовании их кадрами, на мобилизации всей общественности по изысканию местных средств для удовлетворения необходимых нужд и запросов семей военнослужащих. Вопрос о помощи семьям военнослужащих на бюро обкома партии обсуждался несколько раз. Так, 9 марта 1943 г. бюро областного комитета ВКП(б) обсудило вопрос о проведении декадника помощи семьям фронтовиков, 10 апреля 1943 г.— о ходе выполнения бывшими Лямбирским и Саранским районами решения ЦК ВКП(б) от 22/I 43 г., 17 сентября 1944 г.— о мероприятиях по усилению оказания помощи семьям военнослужащих.

Претворяя в жизнь постановления ЦК ВКП(б) и Мордовского обкома партии о помощи семьям фронтовиков, районные и первичные партийные организации республики развернули огромную работу по оказанию помощи семьям военнослужащих, которых в Мордовии насчитывалось 164928 семей, в том числе 26256 семей проживало в городах и 138632 семьи в сельских местностях. В целях оказания помощи семьям военнослужащих по решению бюро обкома партии проводились месячники. Все средства, собранные при проведении этих месячников, передавались семьям военнослужащих. Например, в бывшем Б.-Березниковском районе за три года войны семьи военнослужащих получили денежную помощь в сумме 7453378 рублей. Для них было построено и отремонтировано 120 домов, выдано 15350 центнер. кормов для скота, подвезено 12115 куб. метров дров, выдано хлеба в порядке помощи 1680 пудов[2]. По всей Мордовии только за 1943 г. и половину 1944 г. остронуждающимся семьям военнослужащих было безвозмездно роздано: денег — 3929890 рублей, хлеба — 5935 цент., картофеля — 3060 цен., овощей — 10937 цен., жиров и меду — 6033 кг, обуви — 22465 пар и т. д.[3].

Все это показывает, что, несмотря на трудности военного времени, партийные, комсомольские и профсоюзные организации, советские органы вели большую и многогранную работу по улучшению материального положения трудящихся. Эта деятельность партийных, советских и общественных организаций имела огромное значение в упрочении тыла, в поддержании на необходимом уровне благосостояния рабочих, колхозников и интеллигенции, которые героически помогали фронту громить врага.

Советский народ, своим героическим трудом обеспечивая снабжение армии всем необходимым для достижения победы,

[1] Архив Морд. ОК КПСС, ф. 269/8, оп. 3, ед. хр. 602, л. 82.
[2] VI сессия Верх. Совета МАССР. Стенограф. отчет. 1944, л. 58.
[3] Архив Морд. ОК КПСС, ф. 269/8. оп. 3, ед. хр. 602, л. 85.

вместе с тем уже во время войны взялся за решение большой и неотложной задачи, вставшей перед страной,— за восстановление разрушенного врагом народного хозяйства.

21 августа 1943 г. в разгар летнего наступления Советской Армии ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Коммунистическая партия и Советское правительство поставили задачу — в возможно короткие сроки возродить разрушенные города и села, промышленность и транспорт, сельское хозяйство, полностью ликвидировать последствия немецкой оккупации, создать для советских людей, перенесших ужасы немецкой оккупации, нормальные условия жизни. В постановлении Коммунистической партии и Советского правительства была определена четкая программа неотложной помощи освобожденным районам, дело помощи ставилось на твердые общегосударственные рельсы. При Совете Народных Комиссаров был создан специальный комитет по руководству восстановлением хозяйства в освобожденных районах. Это постановление партии и правительства было горячо поддержано всем советским народом. Трудящиеся восточных районов брали шефство над областями и районами, освобожденными от немецкой оккупации. Например, трудящиеся Мордовии взяли шефство над городом Гомелем и четырьмя районами Гомельской области. Из восточных районов возвращалось имущество, которое было эвакуировано в начале войны. Уже на 6 октября 1943 г. в освобожденные районы было направлено 600 тыс. голов скота[1].

Мордовская автономная республика также приняла участие в оказании помощи освобожденным от фашистской оккупации районам. На основании приказа Наркомзема СССР от 15 ноября 1943 г. об оказании помощи по восстановлению МТС, МТМ и ремонтных заводов районов, освобожденных от немецкой оккупации, МТС Мордовской АССР должны были направить в районы УССР трактористов и механиков в количестве 50 чел., 100 тракторов и 60 тракторных плугов[2]. Кроме того, из Мордовии было направлено в Воронежскую область 50 автомашин[3]. В освобожденные районы было отправлено большое количество скота. Например, бывший Козловский район направил крупного рогатого скота 154 головы, овец — 240 голов и свиней — 440 голов[4]. Всего из Мордовской республики в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 августа «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» в течение

[1] Газета «Правда» от 6 октября 1943 г.
[2] Архив Мин. с. х. СССР, опись 480, св. 227, д. 1, л. 6.
[3] ЦПАИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 1263, л. 146.
[4] Там же.

1943 г. было направлено: в Смоленскую область — 1221 лошадь, 7280 голов крупного рогатого скота и 4333 овцы; в Московскую область — 37 лошадей, 280 голов крупного рогатого скота и 334 овцы, в Воронежскую область — 620 лошадей, 883 головы крупного рогатого скота и 1863 овцы; в Рязанскую область — 1358 лошадей, 861 голову крупного рогатого скота и 1340 овец и в Тульскую область — лошадей 444 головы, 339 голов крупного рогатого скота, 438 овец. Таким образом, в пять областей РСФСР в течение 1942 и 1943 гг. из колхозов Мордовской АССР было направлено лошадей 3680 голов, крупного рогатого скота — 9588 голов, овец — 8397 голов. Кроме того, было закуплено колхозниками республики для освобожденных районов 2840 голов овец и коз и более 2 тыс. свиней.

Труженики колхозных полей Мордовии поддержали почин ивановских колхозников, которые собрали 65 тыс. пудов семян и 1500 голов скота для восстановления колхозного хозяйства Волгоградской области. Первыми в Мордовии на этот призыв откликнулись колхозники колхоза «Память Ленина» Темниковского района, выступившие с призывом ко всем колхозникам и колхозницам Мордовской АССР о создании фонда братской помощи народам СССР, пострадавшим от немецкой оккупации[2].

Колхозники республики поддержали этот почин колхоза «Память Ленина». Только в 1943 г. ими было передано освобожденным районам 4 тысячи голов скота, сотни тысяч пудов семенного фонда, тысячи пар теплой одежды и т. д.[3], и бюро ОК ВКП(б) 10 января 1944 г. приняло специальное постановление о шефстве Мордовской республики над городом Гомелем и группой районов Гомельской области БССР, в котором указывалось, что «Оказание помощи освобожденным от немецко-фашистского рабства трудящимся Гомельщины должно явиться одной из важнейших задач партийных, комсомольских и советских организаций нашей республики в деле конкретного осуществления всенародной помощи освобожденным районам»[4].

В целях лучшей организации помощи подшефным районам были созданы шефские комитеты, которые руководили всей многогранной работой по оказанию помощи трудящимся Белорусской Советской Социалистической Республики в деле восстановления народного хозяйства.

Труженики сельского хозяйства Мордовской республики поддержали почин колхозников сельхозартели «Горшиха» Ярославской области, которые обязались засеять по несколько гектаров яровых культур и вырастить по несколько голов скота для оказания помощи районам, пострадавшим от немецких захватчиков.

[1] Архив Мордов. ОК КПСС, ф. 269/8, оп. 3, ед. хр. 334, лл. 138—139.
[2] Газета «Красная Мордовия» от 23 июня 1943 г.
[3] Там же.
[4] Архив Мордов. ОК КПСС, ф. 269/8, оп. 3, ед. хр. 496, лл. 27—28.

Бюро областного комитета партии приняло специальное постановление, в котором обязало РК ВКП(б), первичные партийные организации усилить разъяснительную работу среди колхозников и поддержать инициативу членов сельхозартели «Горшиха» Ярославской области[1].

Следуя призыву ярославских колхозников, колхозы республики весной 1943 г. засеяли сверх плана для оказания помощи освобожденным районам 2,7 тыс. га[2]. Особенно активно участвовали в этом патриотическом деле колхозы бывшего Зубово-Полянского района. Колхоз «Валда ки» этого района сверх плана засеял 44 га, а колхозы «12 лет Октября», им. Тельмана, им. Куйбышева и др. засеяли по 30 га каждый[3].

Широкая помощь в годы войны особенно распространялась на Гомельскую область. Только работниками Рузаевского железнодорожного узла было собрано и отправлено для этой области 10 вагонов оборудования, стройматериалов.

Помощь, оказанная освобожденным от оккупации районам со стороны восточных областей, республик и краев способствовала быстрому восстановлению народного хозяйства тех районов, которые были разорены немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны.

---

[1] ЦПАИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 1265, л. 105.
[2] Там же.
[3] Газета «Красная Мордовия» от 19 июня 1943 года.

ИЗ ИСТОРИИ 1-го САРАНСКОГО ПОЛКА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В. Б. МИРОНОВ, Герой Советского Союза.

Шел грозный 1918 год. Силы внутренней контрреволюции и международной реакции во главе с империалистическими кругами Франции, Англии, США и Японии развязали гражданскую войну. Молодая республика Советов оказалась в огненном кольце фронтов. Летом ожесточенные бои развернулись и в Среднем Поволжье, вплотную подойдя к территории современной Мордовии. Здесь яростные атаки белогвардейцев и мятежников чехословацкого корпуса героически сдерживала 1-я революционная армия, входившая в состав Восточного фронта. Командовал ею М. Н. Тухачевский, политкомиссаром ЦК партии назначил В. В. Куйбышева. Основным ядром 1-й армии являлись 20-я Пензенская, 24-я Самаро-Ульяновская Железная и 15-я Инзенская дивизии. Штаб армии в наиболее напряженные периоды боевых действий находился в Инзе и Рузаевке, где формировались воинские подразделения для борьбы с контрреволюцией. Эта огромная работа по созданию красных полков и соединений затрудняла оперативное руководство штаба боевыми действиями 1-й армии, и поэтому 15 августа 1918 года был создан мобилизационный отдел. Поскольку г. Саранск находился в тыловой полосе 1-й армии и имел железнодорожное сообщение с линией фронта, то решили в нем разместить моботдел, поставив во главе его опытного военачальника и энергичного партийного работника ленинской школы Ш. К. Ибрагимова. Обоснованность решения о том, чтобы Саранск сделать центром моботдела, становилась еще более очевидной, если учесть, что г. Саранск находился как раз в центре того обширного района Среднего Поволжья, в котором предполагалась мобилизация населения, лошадей, продовольствия и разного имущества для 1-й армии[1] Восточного фронта.

Вот почему осенью 1918 года Саранск превратился в ло-

---

[1] ЦГАСА, Мобкарты, I, Р. А.

вольно мощную базу формирования и снабжения молодых вооруженных сил Советской России.

Наиболее крупным формированием этого времени был 3-й Пензенский полк, 1-й батальон которого и послужил впоследствии базой для развертывания формирования 1-го Саранского полка. 3-й Пензенский полк начал формироваться в августе 1918 года. Всей работой по его созданию руководил моботдел и командование 2-й Пензенской дивизии[1]. Формирование шло в очень трудных условиях. Разруха в стране и близость фронта сказывались на обеспечении армии. Поэтому большая часть 3-го Пензенского полка готовилась к выступлению на фронт в своей штатской одежде, не хватало оружия и боеприпасов, очень скуден был солдатский паек[2]. Давала о себе знать и антисоветская агитация эсеров, которые стремились склонить новобранцев из крестьянства Мордовии к неповиновению, отказу выступать на фронт. В полку началось брожение. Расширяя свою подрывную деятельность, эсеры перешли к открытым антисоветским актам. В конце августа они убили начальника Саранского гарнизона коммуниста Евдокимова и развернули активную контрреволюционную агитацию среди новобранцев, склоняя их к мятежу. Но коммунисты 3-го Пензенского полка с помощью агитаторов из моботдела и органов Саранской уездной ЧК вовремя заметили эсеровскую опасность и сумели быстро ликвидировать их контрреволюционную деятельность. Нормальное положение в полку еще более стабилизировалось после включения в него нескольких команд из рабочих Москвы и Курска.

Но все эти трудности продолжали еще сказываться на настроении крестьянской части формирующихся подразделений. Особенно остро стоял вопрос о жаловании красноармейцам. Оно часто задерживалось, что нервировало новобранцев. Настроение в 3-м Пензенском полку снова начало падать, когда бойцы узнали о скорой отправке на фронт. Бойцов беспокоили не предстоящие бои с контрреволюцией — они были готовы к ним. Их смущало то обстоятельство, что двигаться им к фронту придется без оружия. Коммунисты полка вместе с работниками моботдела и местными партийными и советскими организациями сумели выправить и это явно ненормальное положение. Оружие было найдено. Полк с воодушевлением начал готовиться к выступлению на фронт.

В это время резко ухудшилась обстановка на фронте. Враг захватил Самару, Казань, Сызрань и начал развивать наступление в сторону Рузаевки и Саранска. Скоро врагу удалось прорваться к станции Безводовка, которая после упорных боев

[1] ЦГА МАССР, дело Саранского увоенкомата, 1918 г.
[2] Там же.

была оставлена нашими войсками. В этих условиях потребовалось немедленное подкрепление нашим немногочисленным уставшим подразделениям. 11 сентября 1918 года В. В. Куйбышев послал телеграмму в Саранск с требованием высылки подразделений 1-й революционной армии. А. Н. Ибрагимов сразу же ответил, что он может немедленно послать на фронт 1-й батальон 3-го Пензенского полка в количестве 435 человек[2]. Наше командование решило включить данное подразделение в борьбу против контрреволюции, о чем был получен 14 сентября приказ М. Н. Тухачевского. Вскоре батальон выступил из Саранска, и в тот же день он прибыл в Рузаевку, где состоялся большой митинг. Трудящиеся этой крупнейшей станции призывали бойцов Красной Армии скорее разбить белогвардейцев и белочехов и с победой вернуться назад. Мы верим, говорили рабочие, что наши земляки, составляющие большинство 1-го батальона, не подведут нас в борьбе с врагами революции. В ответном слове командир батальона Г. Катюшин и комиссар И. Ермаченко заверили рабочих и железнодорожников Рузаевки, что они с честью выполнят наказы своих земляков и не опозорят оружие, данное им революцией[3]. Бойцы дружно поддержали своих командиров.

Но не дремал и враг. Он внимательно следил за передвижением войск и старался сорвать переброску подкреплений 1-ой армии. И вот во время небольшой стоянки эшелона в последние его вагоны была брошена граната. Она не нанесла большого вреда эшелону, но еще раз напомнила бойцам и командирам о необходимости повышения бдительности и дисциплины[4]. Дальше эшелон следовал, уже соблюдая все предосторожности военного времени. А враг не прекращал свои провокации. В районе станции Инза он засыпал солдатские вагоны контрреволюционными листовками «Долой войну!», «Белогвардейский плен» и т. д., в которых призывали красных бойцов сложить оружие, возвратиться домой или сдаваться в плен.

Но и эти коварные происки контрреволюции не имели успеха. Коммунисты батальона во главе с его комиссаром Ермаченко умело показывали и разоблачали антинародную контрреволюционную сущность эсеровской агитации о прекращении войны и о возвращении солдат домой, где «умные и культурные» хозяева, т. е. кулаки, должны научить их правильно вести хозяйство и т. д.

Подвигаясь к фронту в направлении Сызрани, эшелон попал у села Вольновщина, что около станции Безводовка, в белогвардейскую засаду. Хорошо замаскированная артиллерий-

[1] ЦГАСА, ф. 2661, оп. 1, д. 5, л. 33.
[2] Там же, ф. 1250, оп. 1, д. 3, л. 16.
[3] ЦГАСА, ф. 2661, оп. 1, д. 6, л. 16.
[4] Там же, л. 17.

ская батарея противника внезапно ударила по вагонам идущего состава. Поезд остановился, паровоз и многие вагоны окутались дымом, сквозь который пробивались языки пламени. Командиры на время потеряли управление, а вражеские снаряды продолжали рваться, бойцы растерялись, ведь все они были еще необстрелянными парнями, и побежали с железнодорожного полотна в лес.

В этот критический момент положение батальона спасла рота С. Коновалова, опытного и волевого командира, участника первой мировой войны. Он быстро разобрался в обстановке, собрал своих бойцов, скрытно зашел в тыл белогвардейской батареи и атаковал ее, уничтожив всю артиллерийскую прислугу и захватив орудия. Не теряло даром времени и командование батальона. Воспользовавшись успешной атакой роты С. Коновалова, Катюшин и Ермаченко остановили бегущих бойцов, привели их в боевой порядок и двинули в атаку на село Вольновщина. Враг дрогнул и стал отступать. Целые сутки под проливным дождем преследовали бойцы 1-го батальона отходящего противника и с боем овладели станцией Безводовка[1]. Эти первые бои сыграли большую роль в повышении его боеспособности. Бойцы поверили в свои силы. Они научались бить отборные белогвардейские части и отряды мятежников-чехов, более зрелые и грамотные в военном отношении стали достойными выдвижения по службе. Батальон вырастал в грозную силу революции, и все чаще его начинали называть не первым батальоном, а Саранским батальоном, т. к. он был не только сформирован в Саранске, но и укомплектован в основном из трудящихся бывшего Саранского уезда.

Осенью 1918 года Саранский батальон успешно сражался на Восточном фронте в составе 15-й Инзенской дивизии 1-й революционной армии. Непосредственно батальон входил в боевую сводную группу под командованием Л. Петровского (сына известного большевика-ленинца Г. Петровского), участвовал в боях под Сызранью, Батраками и Самарой[2].

20 сентября 1918 года части 1-й революционной армии перешли в наступление в общем направлении на Сызрань. Бойцы 1-го батальона вместе с другими подразделениями 15 Инзенской дивизии наносили удар по противнику вдоль линии железной дороги Безводовка — Сызрань. Враг оказывал упорное сопротивление. Особенно ожесточенные бои разгорелись 26—27 сентября, нередко переходя в штыковые схватки. В этих кровопролитных боях посланцы Мордовии наносили чувствительные удары по белогвардейцам и чехословацким мятежникам. Ненависть к врагам революции усиливала у

[1] ЦГАСА, ф. 2661, оп. 1, д. 5, л. 81.
[2] Архив Министерства обороны СССР, ф. 679163, оп. 1, д. 1, л. 1.

бойцов еще и чувство опасности за свою родину — Мордовию, к территории которой вплотную подошел противник. Поднимая в одну из контратак бойцов своего взвода, Н. Семакин сказал: «Братцы, саранские, за нами наш родной город, не пропустим к нему белую погань, на Сызрань, вперед!» Бойцы дружно рванулись в атаку и сбили противника с занимаемых позиций. В этом бою отличились уроженцы г. Саранска Г. Катюшин, С. Коновалов, И. Юрин и многие другие[1].

27 сентября 1918 года части 1-й революционной армии с боями подошли к Сызрани. Бойцам Саранского батальона было поручено провести разведку на подступах к городу. Г. Катюшин с честью выполнил приказ командования. М. Н. Тухачевский, тщательно изучив создавшуюся обстановку, решил захватить Сызрань одновременной атакой с трех сторон. Выполнение этой задачи было поручено Инзенской, Пензенской и Симбирской дивизиям. В составе первой из них участвовал в боях и Саранский батальон. На рассвете 3 октября 1918 года бойцы поднялись в атаку. Враг оказал бешеное сопротивление, но был смят и обращен в бегство. К концу дня Сызрань стала советской[2].

Развивая успех, 1-я революционная армия отбросила отступающего противника к Самаре. Белогвардейцы пытались во что бы то ни стало удержать этот крупнейший город Среднего Поволжья, но были разбиты и отступили. В этих боях успешно действовала 15-я Инзенская дивизия, одним из лучших подразделений которой был 1-й Саранский батальон.

Именно в этот период у советского командования и созрело решение создать на его базе 1-й Саранский стрелковый советский полк, приказ о формировании которого М. Н. Тухачевский и В. В. Куйбышев отдали 15 октября 1918 года[3].

Формирование новой воинской части происходило недалеко от Батраков в селе Хорошеньком. Командиром полка был назначен прибывший из г. Саранска Яков Самуйлов, комиссаром — Карл Озол, помощником командира полка стал бывший командир Саранского батальона Г. Катюшин. Вскоре в полк прибыло пополнение, и он стал насчитывать в своих рядах свыше 2 тысяч бойцов и командиров[4].

Контрреволюционная агентура и эсеровское охвостье попытались изнутри подорвать вновь создающуюся боевую единицу Красной Армии. Отдельные их представители проникли даже в полк и повели антисоветскую агитацию. Появились случаи дезертирства, стала падать дисциплина.

Командование полка сразу же провело решительную борьбу с проявлениями недисциплинированности и партизанщиной.

[1] ЦГАСА, ф. 2661, оп. 1, д. 5, л. 81.
[2] ЦГАСА, ф. 37744, оп. 1, д. 1, л. 2.
[3] Там же.
[4] Там же, ф. 1250, оп. 1, л. 250.

Командир и комиссар, сплотив всех коммунистов и наиболее подготовленных бойцов из рабочих, развернули широкую разъяснительную работу среди личного состава полка о ленинских принципах создания Красной Армии. Положение стало быстро выправляться. Стараясь закрепить свой успех, командование провело своеобразное принятие присяги каждым бойцом Саранского полка. Правда, это мероприятие не называлось еще присягой, но оно сыграло огромную цементирующую роль в формировании нового соединения. Всю эту работу возглавил и провел комиссар К. Озол. Он написал текст «Обязательства красноармейца Саранского полка». Потом каждый боец получил его, читал в присутствии своих товарищей перед отделением или взводом и подписывал. Вот этот исторический документ:

«1. Я, сын трудового народа, гражданин Советской республики, принимаю на себя звание воина-солдата рабочей и крестьянской армии.

2. Перед лицом рабочего класса России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное имущество от порчи и расхищения.

3. Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и неуклонно выполнять все приказы командиров, поставленных Советом Народных Комиссаров, волею рабочего класса и крестьянства.

4. Я обязуюсь отвращаться от всяких пороков, унижающих достоинство гражданина Советской республики, и все свои действия и помыслы направлять к великой цели освобождения всех трудящихся.

5. Я обязуюсь по первому зову рабочего и крестьянского правительства выступать на защиту Советской республики от всяких опасностей и покушений со стороны ее внешних и внутренних врагов, эксплуататоров, насильников и угнетателей и в борьбе за русскую Советскую республику, за дело социализма и братства народов, не щадить ни сил своих, ни самой жизни.

6. Если по злому умыслу отступлю от этой моей торжественной клятвы, то пусть будет моим уделом всеобщее презрение да обрушится на меня суровая кара революционного закона.

7. Согласно декрету о сроке службы в Красной Армии, принятому на заседании Всероссийского ЦИК Советом рабочих и крестьянских депутатов, обязуюсь служить в армии не менее 6 месяцев.

(Этот пункт впоследствии был отменен)

8. В случае самовольного оставления рядов Красной Армии до истечения указанного срока подвергаюсь ответственности по всей строгости революционных законов, вплоть до лишения прав гражданина Советской Республики».

Вся эта партийно-воспитательная работа умело дополнялась и закреплялась непосредственной практической деятельностью. Дело в том, что в районе формирования Саранского полка скрывались дезертиры из других подразделений и армий. И вот бойцы полка вместе с местными партийными и советскими работниками повели решительную кампанию по борьбе с этим позорным явлением. Бойцы Саранского полка во время своего формирования помогли местным Советам и комбедам в борьбе против кулачества. Они реквизировали у сельских богатеев излишки хлеба, одежду, обязывали их поставлять лошадей и повозки. Кулачество оказывало яростное сопротивление, которое нередко перерастало в открытые вооруженные выступления. Но подразделения полка быстро подавляли эти контрреволюционные вылазки кулачества.

Коммунисты Саранского полка проделали большую работу по укреплению комбедов и местных органов Советской власти, часто выступали как уполномоченные укомов РСДРП(б). Все это значительно повысило революционную сознательность и боеспособность личного состава Саранского полка.

В середине октября 1918 года, закончив формирование, Саранский полк принял участие в боях с белогвардейцами. 23 октября, действуя в 1-м эшелоне 15-ой Инзенской дивизии, он решительной атакой овладел Красным Яром, а на другой день, взаимодействуя с другими частями 1-й революционной армии, Инзенская дивизия овладела г. Бугурусланом[1].

После недельного отдыха в Бугуруслане 1-й Саранский стрелковый советский полк начал наступление в районе села Ключи и Мордовского Бугуруслана. 30 октября здесь разгорелись ожесточенные кровопролитные бои. Враг не только упорно сопротивлялся, но и переходил в контратаки. Обстановка осложнилась. В это время ЦК партии и Советское правительство решили перебросить 15-ую Инзенскую дивизию на Южный фронт, где белые армии готовили общее наступление на Москву.

В первых числах ноября 1918 года Инзенская дивизия начала сниматься с фронта. Саранскому полку было приказано прикрывать эту операцию. Больше десяти дней он стойко сдерживал все нарастающие удары белогвардейцев и, с честью выполнив задание командования, передал боевой участок частям 4 Армии и отошел в Сызрань.

27 ноября 1918 года 1-й Саранский полк начал свое движение на Южный фронт. Открывалась новая страница его героической истории.

Во время переброски частей Инзенской дивизии на Южной фронт группа войск противника под командованием белогвардейского генерала Гусельникова выдвинулась к Новохоперску.

---

[1] ЦГАСА, ф. 37744, д. 1, л. 3.

стремясь перерезать железнодорожную магистраль Пенза — Ртищев — Воронеж, что ставило под угрозу переброску частей Инзенской дивизии на Южный фронт.

Из штаба 8 армии командиру дивизии Лацису сообщили, что противник атаковал станции: Таловая, Абрамовка, Новое Колено и занял станцию Урюпинскую. Силы противника в этом районе состояли из шести пехотных полков и значительной группировки кавалерии. Белогвардейцы стремились прорваться к железнодорожной магистрали Поворино — Ярыженская. Командование 15 Инзенской дивизии, быстро оценив обстановку, решило отстоять важные для перегруппировки войск железнодорожные пути. Оно приказало Саранскому полку выгрузиться из вагонов, под прикрытием бронепоезда им. Ленина отбить атаки противника и занять оборону южнее Поворино. Остальные полки должны были поддерживать его боевые действия[1].

Учитывая важность направления, которое оборонял Саранский полк, Лацис поставил в боевые порядки полка пушки Орловской артиллерийской батареи.

Целую ночь окапывались саранские бойцы на Поворинском поле, изо всех сил разбивая мерзлую землю лопатами и кирками. Комиссар полка Карл Озол всю ночь не сомкнул глаз. Он ходил вдоль солдатской цепи: проверял работу, беседовал с воинами о новой боевой задаче, рассказывал о зверствах белоказаков в занятых ими селах, заставлял врачей проверять роты и беречь солдат от мороза и т. д. К утру оборонительные работы были закончены. На поле трудно было заметить, что в окопах лежат тысячи саранских товарищей. Окопы засыпаны снегом, кругом полная тишина, никакого движения.

Но вот забрезжил рассвет, и на позиции Саранского полка обрушилась казачья лавина. Кавалерийскую атаку белогвардейцев поддерживала артиллерия противника. Наши окопы окутались дымом и разрывами вражеских снарядов. Огонь все нарастал.

Но не дрогнули бойцы Саранского полка. Их массированный сосредоточенный ружейно-пулеметный огонь остановил атакующих казаков, а пушки подошедшего бронепоезда обратили их в бегство. Сотни вражеских трупов остались на правом берегу Хопра.

В этом бою особенно отличился комиссар П. Макаров. Будучи тяжело контуженным, он не оставил поля боя, а продолжал руководить обороной 1-го батальона. Обливаясь кровью, он переползал из роты в роту, призывая бойцов Саранского полка к стойкости и мужеству. П. Макаров позволил санитарам унести себя с поля боя только после успешного отражения казачьей атаки.

[1] ЦГАСА, схемы и карты боев Инзенской дивизии на реке Хопер 1918—1919 гг., ф. 1250, оп. 1, д. 5, л. 6.

Первая неудача не обескуражила генерала Гусельникова, он решил снова атаковать подразделение Саранского полка. Не раз еще переходили в наступление белогвардейские части. Бои затянулись почти до середины января 1919 года. Но враг не смог прорвать оборону. Больше того, 12 января полки Инзенской дивизии сами перешли в наступление и наголову разбили группировку генерала Гусельникова.

После этих ожесточенных боев в феврале 1919 года дивизия была отведена на переформировку. Она пополнилась свежими подкреплениями, улучшила свое вооружение и несколько изменила свою структуру: в составе дивизии были созданы бригады. Саранский стрелковый полк вошел в состав 2-й стрелковой бригады 15 Инзенской дивизии, которая вскоре была переброшена к Луганску, где завязала упорные бои с 2-й белогвардейской Донской дивизией генерала Коновалова.

Весной 1919 года в районе Луганска разгорелись кровопролитные бои. Белогвардейское командование во что бы то ни стало хотело захватить Луганск — крупнейший опорный пункт советских войск в Донбассе, который к тому же прикрывал пути на юг Украины и Кубань. Сюда враг стянул огромные силы и бросил их на осажденный город. Луганск героически оборонялся. Окраины города опоясались окопами с проволочным заграждением и минными полями.

Батальоны Красной Армии и рабочие отряды мужественно сдерживали рвущегося противника, который, не считаясь с жертвами, наращивал свои удары. 15 Инзенская дивизия получила приказ отбросить врага от Луганска.

28 марта 1919 года Саранский полк начал наступление на село Екатериновку, что восточнее Луганска. Противник упорно оборонялся. Первая атака красных бойцов была отбита. Перестроив свой боевой порядок, они снова бросились вперед, но вскоре вынуждены были залечь, т. к. на них обрушился огонь вражеской батареи. Только в третий раз Саранский полк стремительным ударом захватил село Николаевку, обойдя Екатериновку. Потеря с. Николаевки резко ухудшила положение белоказаков. Дело в том, что это село находилось всего в пяти километрах от Луганска и было расположено на высоте, которая господствовала над всей окружающей местностью и пригородами Луганска.

Казаки решили вновь овладеть Николаевкой. Под прикрытием тумана они ринулись в атаку на позиции Саранского полка. Но им не удалось застать врасплох наши подразделения. Как только атакующие цепи появились на склоне высоты, они были встречены дружными залпами красноармейцев. Враг отступил, он понес большие потери. Отбив все атаки белогвардейцев, 2-я бригада сама перешла 2 апреля в наступление.

[1] Памятка бойцу-сивашцу, г. Николаев 1934, стр. 4.

Бойцы Саранского полка наступали на главном направлении удара, имевшего целью разбить вражеские подразделения в районе хутора Веселенького и отбросить его дальше от Луганска. Наступление началось успешно: противник был сбит с занимаемых позиций и начал медленно отходить. Однако освободить хутор Веселенький с ходу Саранский полк не смог. Очень сильно устали бойцы, стремительность атаки понизилась. В это время в боевых порядках Саранского полка появился старый коммунист комиссар 15 Инзенской дивизии Звеник. Оценив обстановку, он решил развить наметившийся успех и не дать возможности казакам закрепиться в хуторе Веселеньком. Он личным примером воодушевил солдат, сам повел их в атаку. Бойцы Саранского полка ринулись к хутору и овладели им. Но пуля пронзила грудь комиссара. Он умер на руках бойцов[1].

Бои продолжались. В середине апреля 1919 года генерал Краснов бросил на Луганск новые крупные силы. Сражение приняло чрезвычайно напряженный характер. Такие села, как Политзовка, Вергунка, Николаевка, Суходол, по нескольку раз переходили из рук в руки. Особенно тяжело пришлось Саранскому полку, на участке которого противник проявлял наибольшую активность.

Особенно тяжелый и продолжительный бой пришлось выдержать бойцам Саранского полка 16 апреля 1919 года. Юго-восточнее г. Луганска наше командование решило нанести удар по противнику в районе деревень Мельник и Четурин. В темную весеннюю ночь (около 1 часа ночи) полки бригады пошли в атаку. Бойцы Саранского полка наступали вместе с красноармейцами 364 полка. Нашим частям не удалось нанести внезапный удар. Противник обнаружил атакующие цепи и открыл ураганный огонь. Вскоре он решительно контратаковал наши подразделения. Разгорелся ожесточенный встречный бой, продолжавшийся четыре часа. Красноармейские цепи вынуждены были отойти на исходные позиции. Перестроив свои боевые порядки, 1-й Саранский полк при активной поддержке артиллерии во взаимодействии с Орловским и Мценским полками в 7 часов утра снова перешел в наступление. Враг упорно сопротивлялся. Тогда наши бойцы пошли в штыковую атаку. Противник не выдержал натиска, казаки дрогнули и побежали. Роты Саранского полка ворвались в село Политровка, где захватили много трофеев и пленных.

Но противник не думал сдаваться. Генерал Коновалов спешно провел перегруппировку своих сил и бросил их против наших бойцов. На участке Саранского полка в атаку шли 1,5 тысячи казаков, их активно поддерживали 6 артиллерий-

[1] Памятка бойцу-сивашцу, стр. 5.

ских орудий и большое число пулеметов. Закипел тяжелый, кровопролитный бой. Двадцать шесть часов наши подразделения успешно отбивали все возрастающие атаки белогвардейцев, но затем наши силы иссякли — не хватило боеприпасов, в ротах были большие потери личного состава, сказывалась и усталость в непрерывных боях, в которых бойцы Саранского полка находились уже 18 суток. Учитывая создавшуюся обстановку, командование Инзенской дивизии решило оттянуть свои полки в пригороды Луганска[2].

Развивая свои действия, кавалерия белогвардейцев ринулась к Луганску и вышла в третьей декаде апреля к реке Луганчику. В этих упорных оборонительных боях Инзенская дивизия понесла большие потери[3].

В наиболее тяжелую обстановку попали наши бойцы у деревни М. Вергунка. Несколько раз этот населенный пункт переходил из рук в руки. Бойцы Саранского полка стояли насмерть, защищая дальние подступы к Луганску. Но большие массы белой кавалерии измотали уставшие подразделения. Полк вынужден был отойти на окраины Луганска.

Понимая, что одними силами Инзенской дивизии нельзя удержать Луганск, городской комитет партии обратился к местным рабочим. Следует сказать, что рабочие Луганска еще раньше готовились к боям с врагами революции: они прошли допризывную подготовку, научились хорошо владеть оружием, очень высоким был их морально-политический дух. К вечеру 26 апреля несколько сот рабочих влились в состав поредевших бойцов Инзенской дивизии.

Узнав о пополнении наших сил, противник решил значительно сузить фронт своих атак и нанести решительный удар вдоль балки Бибиково. На рассвете 28 апреля отборные силы 8 кавалерийской дивизии обрушились на наши боевые порядки, прорвали оборону и после кровопролитного боя захватили южную часть г. Луганска.

Однако наше командование не потеряло управления войсками. Командир Инзенской дивизии решил немедленно восстановить положение. Против казаков был двинут последний резерв командования — особый кавалерийский полк. Его атаку поддержал артиллерийско-пулеметным огнем бронепоезд «Углекоп». Враг был выбит из Луганска. Больше того, 30 апреля части Инзенской дивизии перешли в общее наступление, но значительно превосходящие силы противника остановили их. Бойцы Саранского полка вынуждены были перейти к обороне у балки Сухая, а затем снова отойти к Луганску, т. к. белым удалось вклиниться между Инзенской и Московской

[1] ЦГАСА, ф. 1250, оп. 1, д. 205, л. 227.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 228.

дивизиями. В эти тревожные дни враг неудержимо рвался к городу, бойцы Саранского и Орловского полков упорно оборонялись на окраине города. Но другие подразделения 8-й Красной Армии продолжали свой отход. 3 мая реввоенсовет 8-й армии приказал Инзенской дивизии сняться с занимаемых позиций, оставить Луганск и отойти к Острогожску[1].

Приказ был выполнен. 38 суток вели ожесточенные бои бойцы Саранского полка под Луганском с превосходящими силами противника. Многие из них сложили свои головы. Но полк остался боеспособной частью Инзенской дивизии и готовился к новым боям с белогвардейскими ордами.

В июне-июле 1919 года Саранский полк, как и вся 15-я дивизия, отдохнул и доукомплектовал свои подразделения в районе Острогожска и Коротояка. В него пришли новые люди, поступили пополнения оружием и боеприпасами, но бойцы и командиры полка свято хранили и развивали его боевые традиции.

В августе 1919 года Саранский полк опять был в боях с врагами революции, теперь уже у города Бирюч, у стен которого разгорелись кровопролитные схватки с конницей Мамонтова и Шкуро. Бои достигали наивысшего напряжения в последних числах августа. Положение наших бойцов еще больше осложнилось, когда в полку неожиданно разразилась эпидемия тифа. Ситуация стала угрожающей. Только неимоверными усилиями всего медицинского персонала и самих бойцов удалось в конце августа побороть тиф, унесший в могилу многих красноармейцев и командиров полка, в их числе прославленных ветеранов полка — В. Завьялова, С. Василенко и др.[2].

В сентябре 1919 года Саранский полк, действуя в авангарде Инзенской дивизии, успешно действовал в районе Коротояка. Но активные наступательные действия этого соединения не были своевременно поддержаны другими частями нашей армии. Вырвавшись вперед, Инзенская дивизия попала в окружение в районе Купянска и Коротояка. Развернулись тяжелые оборонительные бои. Не хватало боеприпасов, продовольствия, снова появились случаи инфекционных болезней. Но бойцы не падали духом. Командование дивизии, тщательно подготовив операцию на прорыв, блестяще осуществило ее, в результате чего все наши подразделения с боем вышли к Козлову. Здесь Саранскому полку намечалось дать отдых.

Однако события сложились иначе. Успешно развивающееся наступление армий Деникина потребовало в октябре 1919 года напряжения всех сил молодой Красной Армии. Было не до отдыха, и бойцы Саранского полка ринулись в новые бои с белогвардейцами. Они успешно участвовали в победоносных

[1] ЦГАСА, ф. 1250, оп. 1, д. 205, л. 116.
[2] ЦГАСА, ф. 37744, оп. 1, д. 1, л. 16.

операциях по освобождению Воронежа и Орла, где значительно приумножили свою боевую славу. Особенно отличились бойцы Саранского полка в боях у станции Давыдовка. В упорных ожесточенных боях с 9 октября по 1 ноября 1919 года Саранский полк разгромил превосходящие силы белых, опрокинул их в Дон и занял этот важный опорный пункт их обороны. В этих боях вновь отличился политком 3-го батальона Саранского полка П. Макаров, который поднял залегшие цепи бойцов в атаку и первым ворвался на вокзал станции, успешно отбивая все контратаки деникинцев. Он не покинул боя до подхода наших основных сил, хотя был тяжело контужен. Не меньшее геройство проявил и командир 2-го взвода Саранского полка И. Пронин. В жарком бою он заменил раненого командира роты, сам был ранен, но продолжал руководить наступающей цепью и захватил пристанционное здание Давыдовки. Так же мужественно и умело воевали бойцы полка М. П. Липатов, П. Миронов, С. Кулагин, С. Гордеев, В. Белов, М. Трофимов, А. Саранцев и др. Почти все они погибли в этих боях[1].

Развивая наступление, Саранский полк в составе Инзенской дивизии, участвовал в освобождении Луганска, а затем шел с бойцами 8-й армии на Ростов. В этих кровопролитных боях полк понес серьезные потери, быстро восполнить которые не представлялось возможным. Поэтому командование 26 декабря 1919 года решило расформировать эту часть.

Так прекратил свое существование 1-й Саранский советский стрелковый полк. Более 400 суток провел он в непрерывных боях и походах, пройдя в общей сложности свыше 3 тыс. километров. Его славные бойцы, командиры и политработники не раз громили и обращали в бегство белочехов, колчаковцев, конников Краснова и Гусельникова, Шкуро и Мамонтова, «добровольцев» Деникина и др.

Мужественные воины Саранского полка с честью пронесли свое боевое знамя сквозь огонь сражений и прославили своими подвигами имя нашего города Саранска. Это имя было начертано на боевом знамени полка и не раз повторялось тысячами воинов в труднейшие минуты боев и походов. В истории наших вооруженных сил наш Саранский полк являлся единственной войсковой частью, носившей имя города Саранска — столицы современной Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики, за жизнь и процветание которой отдали свои жизни лучшие бойцы и командиры Саранского полка.

[1] ЦГАСА, ф. 37744, оп. 1 д. 1, л. 19.
[2] ЦГАСА, ф. 37744, оп. 1, л. 26.

К ИСТОРИИ ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВСКОЙ АССР
(о мишарях)

М. Г. САФАРГАЛИЕВ

На территории Мордовской АССР насчитывается 75 населенных пунктов, где полностью или частично живут татары, именуемые в этнографической литературе мишарями.

Татарское население Мордовии имеет нечто общее с татарами, живущими в соседних с нами Пензенской, Рязанской, Горьковской, Ульяновской областях, а также с мишарями Татарской и Башкирской АССР, несколько отличающимися от так называемых казанских татар. Наличие некоторой общности татарского населения Мордовии с мишарями других областей свидетельствует об общности их происхождения. В официальных же актовых материалах XVII—XVIII вв., когда речь идет о мишарях Башкирии, они именуются не иначе как «татары алатырские, саранские, темниковские»[1].

В связи с этим история татарского населения Мордовской АССР представляет значительный интерес и для исследователей истории татарского населения в соседних с Татарской АССР областях и при изучении «Мещерской проблемы» в целом.

Предлагаемая вниманию читателей статья ставит своей целью попытаться осветить историю татарского населения Мордовии, в первую очередь его происхождение, насколько это позволяет состояние источников.

Надо оговориться, что история происхождения татарского населения МАССР не изучена, хотя вопрос о мишарях ставится уже давно. Впервые она была поднята В. В. Вельяминовым-Зерновым еще в 60-х г. XIX века. В татарском населении (мишари) Пензенской, Симбирской, Тамбовской губерний В. В. Вильяминов-Зернов видел «отатарившиеся остатки прежней мещеры (мочаров и можаров)», являвшихся «одного происхождения с мордвой, т. е. финского»[1]. Точка зрения В. В. Вильяминова-Зернова, ставшая традиционной, впоследствии была поддержана частично В. В. Радловым[2], С. П. Толстовым и др. исследователями.

«Я склонен считать,— писал С. П. Толстов,— что в лице русской мещеры и татар-мишарей мы имеем остатки одного и того же древнего племени, часть которых отатарилась,— другая же часть обрусела»[3]. Основанием для такого вывода сторонникам мещерского происхождения западных татар, в том числе и мордовских, по-видимому, послужил тот факт, что в устройстве двора, печи и одежды (рубашки) западных татар (в данном случае касимовских) имеется нечто общее с мордовским[4].

Попытка С. К. Кузнецова установить генетические связи современных мишарей с так называемыми летописными мещерями, заселявшими, как и мордва, низовья реки Оки еще во времена начальной летописи[5], все же нуждается в научном обосновании.

Как заметил советский исследователь Б. А. Куфтин, в «Повести временных лет», где перечисляются народности и племена восточной Европы (мордва, мери, мурома, весь и др.) совсем не упоминается о мещерях. Не знает их и автор «Слова о погибели русских земель», писавший в начале XIII в. Мещера не упоминается и у готского историка Иордана, писавшего в VI в. Название «мещера» впервые появляется лишь в конце XIV века в договорной грамоте Великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем Олегом Рязанским (1382 г.) в значении «Мещерские места», «Мещерская страна». В этой грамоте название «Мещера» употребляется не как этническое, а как географическое понятие, в смысле территории, исключительно заселенной татарами и мордвой[6].

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, 1939, М.—Л., стр. 214, 292, 302.

[1] *В. В. Вильяминов-Зернов*, Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. 1, 1863, СПБ, стр. 31.

[2] Труды IV археологического съезда в России, т. 1, 1881, Казань, стр. 17.

[3] *С. П. Толстов*. Итоги и перспективы этнографического изучения национальных групп Нижегородской губернии, в сборнике «Культура и быт населения центрально-промышленной области», 1929, М., стр. 158—159.

[4] *В. А. Куфтин*. Татары касимовские и татары-мишары центральной промышленной области, в сборнике «Культура и быт населения центральной промышленной области», 1929, стр. 142.

[5] *С. К. Кузнецов*. Русская историческая география, ч. 1, М., 1910, стр. 15, 97.

[6] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XV—XVI вв., 1950, стр. 29, 44. В Рязанской обл. мещерником называли боровую, кислую землю, не годную ни в покос, ни под пашню, мещерны означал: невежливый, неуклюжий, мешерат—мокнут, намокают. (В. Даль, Толковый словарь, т. II, 1935, М., стр. 330). Под мещерой в XVI—XVII вв. подразумевался край, занимавший обширные пространства на Оке, Мокше, Цне, заселенный мордвами и татарами-мишарями. (Ю. В. Готье, Десятины по Владимиру и Мещере, 1910, М., стр. 55—56.)

Указания о мещерах как об этнической группе впервые появляется лишь в московских летописных сводах XVI в. (Воскресенский, Софийский, Никоновский и др.), когда слово «мещеры» ретроспективно вводится в «Повесть временных лет» в значении названия племени. При этом слово «мещери» в указанных летописных сводах заменяет собой то название племени черемисов, то мери, в той фразе текста «Повести временных лет», где перечисляются народы, жившие на Оке[1].

Ф. Ф. Чекалини, возражая сторонникам мещерского происхождения западных татар, склонен был видеть в современных мишарях прежних буртасов[2]. Эта точка зрения, являющаяся на первый взгляд весьма заманчивой, в наши дни была поддержана Б. А. Васильевым в работе «Проблема буртасов и мордвы»[3]. Б. А. Васильев, во многом поддерживая доводы Ф. Ф. Чекалини, почему-то отбросил правдоподобные предположения своего предшественника, находившего сходство языка мишарей с половецким языком. Примеры, приведенные Б. А. Васильевым из мишерского (вернее половецкого) календаря, дают право искать генетические связи мишарей отнюдь не с древними мещерями, относившимися к угро-финской группе народностей, а с половцами[3].

* * *

При решении вопроса о происхождении татарского населения Мордовской АССР, да и мишарей в целом, большое место должно отводиться данным языкознания, этнографии и антропологии. К сожалению, этот вопрос не привлек до сих пор внимания исследователей. Специальное научное учреждение — Казанский филиал Академии наук — главным образом занималось изучением истории и культуры казанских татар; быт, культура мишарей изучаются, к сожалению, лишь от случая к случаю. Несколько лет тому назад Казанским филиалом Академии Наук СССР были организованы диалектологическая и фольклорная экспедиции в Мордовию, где проживает более или менее компактно татарское население. Однако данные этих экспедиций до сих пор еще не опубликованы.

Между тем материалы диалектологической экспедиции значительно обогатили бы наши знания о татарском населении нашей республики.

Татарское население Мордовии, как и татарское население Рязанской («касимовские татары»), Пензенской, Ульяновской областей в языковом отношении несколько отличаются от казанских татар, образуя особый мишарский, или западно-татарский диалект. Западно-татарский диалект, хотя и имеет некоторые особенности в области фонетики и грамматики, в то же время, как отмечал еще Г. Ахмаров, в склонениях имен, спряжениях глаголов, в синтаксическом расположении слов у мишарей «нет никаких отступлений» от языка казанских татар, являющегося татарским литературным языком[1].

Характерной особенностью западного татарского диалекта является цоканье. Например: цац (волос) — вместо литературного чач, оц (три) — вместо оч, оракцы (жнец) — вместо уракчи, пыцак (нож) — вместо пычак и т. д. Гласные «у» произносятся как «о», осак (осена) — вместо усак, ордак (утка) — вместо урдак.

Двухгласные «ай» у мишарей произносятся сокращенно, без краткого «й». Например, ада (пойдем) — вместо айда, атам (говорю) — вместо айтам. В лексическом отношении язык татарского населения Мордовии отличается от литературного татарского языка (т. е. казанского), во-первых, наличием в нем большего количества русских слов, как, например, лан (лен), сад (сад), плуг (плуг), цып (цеп), грабля (грабли), митла (метла), зба (изба) и др.,[2] тогда как у казанских татар для обозначения этих слов имеется собственная татарская терминология. Это, во-первых. Во-вторых, в мишарском диалекте сохранились такие слова, как арана (конюшня), кура (жердь), нюешь (угол), кузы (ягненок), куй (овца), кучкарь (баран), ут (трава) и др., имевшиеся в половецком языке, ныне не употребляемые в литературном татарском языке. Поэтому В. А. Богородицкий был, безусловно, прав, когда находил много общих черт между языком половецким и мишарским[3]. Та же мысль позднее была высказана Н. К. Дмитриевым, одним из крупных знатоков тюркских языков[4].

Сопоставление языка мишарей с языком куманов (половцев), сохранившимся в половецком словаре (Codex Cumanicus), полностью подтверждает доводы В. В. Радлова, В. А. Богородицкого и др. о сходстве языка татарского населения Мордовии с языком прежних половцев, составлявших когда-то основную массу кочевого населения Золотой Орды. В половецком словаре мы находим те же цоканья, как у мишарей: акца — вместо окча, ацык — вместо ачык, алацек — вместо ала-

---

[1] *Б. А. Куфтин.* Материальная культура русской мещеры, ч. I, 1926, М., стр. 16—17.

[2] *Ф. Ф. Чекалини.* Мишары и буртасы по сохранившимся о них памятникам. Труды VIII Археологического съезда, т. III, 1890. М., стр. 73.

[3] Вопросы этнической истории мордовского народа, изд. АН СССР 1960 г.

[1] *Г. Ахмаров.* О языке и народности мишари. Известия об-ва истории, археологии и этнографии при Казанском ун-те, т. XIX, Казань, 1903, стр. 117.

[2] *Г. Ахмаров.* Указ. соч. стр. 94, 113—114.

[3] *В. А. Богородицкий.* Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, стр. 17.

[4] Происхождение казанских татар. Казань, 1948, стр. 125.

чак, орта — вместо урта, ортак — вместо уртак, ада — вместо айда, атам — вместо айтам, и т. д. и т. п.

Родство татарского населения Мордовии с половцами в языковом отношении может быть объяснено только тем, что татарское население нашей республики образовалось, главным образом, из выходцев из Золотой Орды, состоявших преимущественно из половцев[1]. Кочевники Золотой Орды, переселившись в районы, заселенные мордовским или русским населением, никогда не составляли сплошного массива, занятого однородным населением.

Расселившись по обширному краю в виде отдельных островков и оставаясь в окружении русского или мордовского населения, что мешало им общаться между собой, татары Мордовии больше чем где-либо в других местах сохранили особенности половецкого языка, в то время как у казанских татар этот архаизм быстро утратился.

* * *

Среди татарского населения Мордовской АССР до сих пор сохранилось предание об их приходе в Мордовию с юга из Золотой Орды. Об этом же говорится в наказе татарских мурз Пензенского и Саранского уездов, данных при выборе депутатов комиссии уложений 1767 г. В этом наказе татары, как бы объясняя свое происхождение, писали: «В древние времена рода нашего предки, служилые мурзы и татары от своего усердия и желания выходили в высокославную Российскую ... империю из Золотой Орды, что ныне именуется Акстуба»[2].

О заселении татарами бассейна реки Мокши и ее притоков, имеется ряд данных. Как правило, когда речь идет о появлении татарского населения в мещерах, в основу берется родословная мещерских князей, опубликованная в «Бархатной книге». В этой родословной говорится: «В лето 6706 (1198) князь Ширинский Бахмет, Усеннов сын, пришел из Большой Орды в Мещеру и Мещеру воевал, и засел ее, и родился у него сын Беклемиш, и крестился Беклемиш, и назван Михаилом, в Андреев городке поставил храм Преображения, и с собою крестил многих людей. У князя Михаила сын князь Федор, у Федора Юрий, и князь Юрий был на Дону, пришел из Мещеры к в. к. Дмитрию Ивановичу с своим полком.

У Юрия сын князь Александр». У этого Александра, названного почему-то Уковичем, в 1382 г. в. к. Дмитрий Донской купил Мещерские места[3].

[1] *В. В. Радлов*. О языке куманов, Записки имп. Ак. наук, т. 48, кн. 2, стр. 253, Спб., 1864. W. Radloff. Das turkische Sprachmaterial des Godex Cumanicus, St. Pet., S. 2, 5, 15, 68.

[2] Сборник русского исторического общества, т. 115, 1903. СПБ, стр. 333.

[3] Бархатная книга, ч. III, 1787 г., стр. 239, Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI. Примечание 275.

Приведенная нами родословная, составленная гораздо позже (XVII) в., довольно запутана. Основатель династии мещерских князей Бахмет (Махмет-Мухаммед) Усенов никак уже не мог прибыть в Мещеру и завоевать ее в 1198 г., когда еще в восточной Европе не было никаких монголов или татар. Отнести ее к 1298 году, как это делают некоторые историки, тоже нельзя. Мещерский князь Юрий Федорович был современником Дмитрия Донского, пришедшего ему на помощь во время Куликовской битвы в 1380 г., но он, судя по родословной, являлся праправнуком вышеупомянутого Бахмета. Следовательно, приход Бахмета Усенова в Мещеру надо относить к более раннему периоду, а не к 1298 году.

В фондах бывшего Саровского монастыря, ныне хранящихся в Центральном Государственном архиве МАССР, имеются родословные татарских князей: Седахметовых, Анчуриных, Кугушовых, Тенишевых, Еникеевых, Енгалычевых и др., составленные на основе более старинных родословных в начале XVIII в. Родоначальником татарских князей в родословной назван некий Бехан «из Золотой Орды». О нем буквально говорится следующее: «При великом князе Дмитрии Ивановиче и сыне его Василии Дмитриевиче был из Золотой Орды князь Бехан, а житие имел на устье меж рек Сарова и Сатика, к которое место по запустошении ево (по другой редакции) «от мору» и от рати рязанской, на том старом гродище, а ныне на том месте построена Саровская пустыня.

А в то же время оный князь Бехан по власти Золотой Орды царя, владел многими окрестьинстними городами и другими жилищами татарскими и мордовскими». Далее перечисляются его потомки в таком порядке: «князь Бехан, роди князя Ханубека, Ханубек роди князя Худай-Бердия. Худай-Берди роди князей Касима, Кутая и Мурата, князь Кутай рода Седехметия, князь Седихмет роди Анчуру[1].»

Приведенное нами «родословное летописных князей Седхамаковых» составлено в 1712 г., спустя несколько столетий после самих событий, во многом напутано. Его составитель называет Бехана современником Дмитрия Донского, в то же время уход Бехана из района Сарова к берегам Мокши он относит ко времени «рати Рязанской», т. е. к 1365 году, когда рязанские войска, преследуя князя Тагая, дошли до бассейна реки Мокши. Есть все основания отнести появление Бехана в Мордовии к более раннему периоду. Тем более в татарской версии

[1] Центральный государственный архив МАССР, ф. 1, л. 35, л. 135, д. 991, л. 11. Сыновьям и внукам вышеуказанного князя Акчуру, Кудашу, Булату, Буляшу, Кулаб приписывается основание современных сел Темниковского р-на: Адаева, Итякова, Аксела, Шавы, Ченашева, Дашкино Митрелы. Насколько ей можно верить, трудно установить. В 1952 году при раскопке Итяковского городища Темниковского р-на сотрудниками Мордовского научно-исследовательского института была обнаружена в числе других вещей медная бляха, выбитая ханом Тохтамышом в 1382 г.

этого предания, сохранившегося у татар Темниковского района, (пишущему эти строки) удалось услышать в 1941 году этот же рассказ у татар дер. Тювеева, правда, в нескольких вариантах, в которых князь Бехан называется воеводой хана Батыя.

О раннем заселении татарскими мурзами Мордовии свидетельствует факт появления на мордовских землях ряда татарских городов (Темников, Наровчат), основанных задолго до Дмитрия Донского. Город Темников, ныне районный центр Мордовии, являющийся одним из старейших городов Поволжья, был основан одновременно с городами Тюмень в Сибири и Тюменью на Северном Кавказе, возникшими на месте ставки темников монгольских военачальников над десятитысячными войсками после введения монголами этого института в 1257—59 гг.

Город Наровчат на Мокше, ныне рабочий поселок Пензенской области, был известен как областной центр ханов Золотой Орды с 1314 г., хотя надо полагать, что он возник раньше этого года. О возникновении этого города существует следующее предание: «Жила мордва, и правила ею вдовая княгиня Наровчатка. Мордва охотилась, земли обрабатывала, в лесах борти с пчелами водила по много. Но пришла лихая година — татары пришли воевать мордовскую землю. Но собрала княгиня свое мордовское войско и вышла воевать с татарами. Сильно и ловко бились-сражались. Дело было зимой, сражались на льду, по реке Мокше. Одолели татары мордовку, почти вся мордва легла. Как увидела Наровчатка, что побито ее войско, не смогла смотреть и бросилась с конем в прорубь и утонула»[1]. Это предание относит основание города ко времени захвата Мордовии монголо-татарскими завоевателями в 1239 г.

Завоевание мордовских земель и закрепление их за отдельными влиятельными фамилиями (буляк—подарок, пожаловать, отсюда «беляк»), должно быть, шло двумя волнами. Первая волна — вскоре после прихода Батыя в Восточную Европу, когда крупным монгольским феодалам были пожалованы земли за их участие в походе монголов.

Вторая волна началась, по-видимому, в середине XIV в. в период феодальной междуусобной борьбы в Орде, происходившей с 1359—1380 гг., когда многие татарские феодалы вынуждены были бежать из районов Сарая на окраины государства и, пользуясь анархией и безвластием, попытались образовать здесь самостоятельные княжества. Например, под 1361 г. в Рогожской летописи сообщается о появлении в районе реки Пьяны татарского князя Сикиз-бея, который «обрився рвов», т. е. построил себе крепость «ту седи»[2]. Тогда же в районе города Наровчата появляется другой татарский князь Тагай, выходец

[1] *А. П. Анисимов.* Песни и сказки Пензенской области, 1953, Пенза, стр. 26—27.

[2] Рогожский летописец, стр. 71.

из Бездежа. «Отняв Наровчать и все ту сторону он» сам себя княжаша»[1]. В тех же русских летописях под 1377 год сообщается о появлении в пределах Мордовии царевича Арабшаха, пытавшегося так же, как перед этим князь Тагай, образовать здесь независимое от ханов Золотой Орды татарское княжество[2]. К этому времени, должно быть, и относится массовое переселение татар в Мордовию из районов Ахтубы, Астрахани, Бездежа. Вероятно, поэтому татарское население МАССР и называет себя выходцами из Сарая, Ахтубы и Астрахани.

В результате притока татарского населения из Золотой Орды в бассейн Мокши и ее притоков произошла концентрация татарского населения, группировавшегося вокруг городов. Об этом свидетельствует появление таких городов, как Темников (имеется в виду «старый город», вблизи современного г. Темникова), Наровчат, Кадом, Елатьма и Касимов. Особенно заметную роль в истории местного края сыграли города Наровчат и Касимов, как административные центры татар в Мещерском крае. Город Наровчат, судя по археологическим раскопкам, представляется нам одним из значительных городов Золотой Орды, торгово-ремесленным центром, ставшим одним из улусных (областных) центров Золотой Орды в Мещерском крае, где была сосредоточена ханская администрация по управлению мордвой[3].

Здесь находился монетный двор ханов Золотой Орды, в котором они с 1314 г. чеканили свои монеты. После 1367 г. город Наровчат до начала XVI в. в источниках более не упоминается. Надо полагать, что с распадом Золотой Орды он утратил свое значение улусного центра. В связи с этим прежняя улусная администрация распалась на более мелкие административные деления, на белячества, своего рода мелкие княжества, управляемые татарскими князьками.

В сохранившихся актовых материалах XVII в. в пределах современной Мордовии упоминается более 15 беляков, преимущественно расположенных на реке Мокше и ее притоках: Кучуковский, Темниковский, Киржатский, Каржатский, Ерыхтинский, Телядимский, Кулунчаковский, Кирдянский и др. В состав этих беляков входило в одинаковой мере как татарское, так и мордовское население, подвластное тому или иному татарскому князю или мурзе. Ерыхтинским беляком правил князь Акири, Киржанским—князь Тениш, Темниковским беляком — князь Еникей, Телядимским — князь Енгалыч и т. д.

[1] ПСРЛ, т. IV, стр. 10—11, стр. 13, т. IX, стр. 233.

[2] ПСРЛ, т. IV, стр. 73, т. V, стр. 236.

[3] *А. А. Кротков.* К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства. Известия Об-ва обследования и изучения Азербайджана, № 5, 1928, Баку, стр. 76. При раскопках Наровчата А. Е. Алиховой в 1961—62 гг. были обнаружены остатки больших каменных сооружений, являющихся следами то ли мавзолея, то ли бани или другого сооружения.

Размеры этих беляков иногда были довольно значительными. Так, в состав Киржатского беляка входило 24 села, Ерыхтинского — 22 села и т. д.[1]. Среди исследователей до сих пор нет единого мнения о характере этих беляков. А. А. Гераклитов рассматривает беляки как податное объединение, «базирующееся на общности владения угодьями или их пользования»[2]. П. Н. Черменский, на наш взгляд, совершенно правильно видит в беляке объединение, нечто вроде небольших княжеств, основанных на вотчинском праве[3].

О мордовско-татарских беляках и о правах держателей беляков до их присоединения к России не сохранилось достоверных данных. Более или менее подробные сведения о беляках имеются лишь в актовых материалах XVI—XVII вв., когда их владетели сделались вассалами московских государей. Если принять во внимание, что московская администрация придерживалась еще установившихся «в старину», т. е. при татарах, порядков, то можно будет восстановить, хотя бы приблизительно, состояние беляков до их присоединения к России. В XVI в. владетели беляков, как и прежде, собирали ясак (оброк) с людей своего беляка, судили за «душегубство и разбой». Население же обязано было «чтить .., и слушать» их потому ж, как было преж сего»[4]. Короче говоря, татарские князьки в своих беляках пользовались всеми правами феодалов.

Татарско-мордовские беляки не являются исключением, присущим только данной территории: беляки имели место и в других местах, ранее подчиненных татарам. В Крымском ханстве белячество имело место еще в большей мере. Держатели крымских беляков вели себя в своих беляках как подвластные государи: раздавали земли в лены своим людям, производили суд, собирали подати и т. д. и т. п.[5].

Владетели Крымских беляков, будучи сами по себе феодалами, владели огромными земельными угодьями, состоящими из пахотных земель, сенокосов, бобровых гонов и бортных ухожаев, то же самое, хотя и в меньших размерах, имело место и в Мордовии. Для примера можно взять князя Енгалыча Бедишева, стоявшего во главе кадомской и телядимской мордвы. Даже в 1649 году, когда род Енгалычевых уже оскудел, он имел огромные владения земли по рекам Ваду, Цне, Мокше,

[1] *А. А. Гераклитов.* Мордовские беляки. Известия Краеведческого института по изучению южно-волжских областей, № 2, 1927, Саратов, стр. 105—106.

[2] *А. А. Гераклитов.* Указ. соч. стр. 104.

[3] *П. Н. Черменский.* Указ. соч., стр. 60—61.

[4] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 1. Саранск, 1940, стр. 148.

[5] *С. В. Бахрушин.* Основные моменты истории Крымского ханства. «История в школе» № 3, М., 1936, стр. 47.

включая в себя значительную часть земель Торбеевского района, часть Темниковского р-на Мордовской АССР и часть Кадомского р-на Рязанской обл. В 1684 г. после крещения двух Енгалычевых им было возвращено 750 четей одних только пахотных земель, не считая сенокосов, бобровых гонов и бортных ухожаев[1].

Князю Енгалычеву не уступали владения князей Кугушевых, родоначальников князей Тенишевых, Енакеевых, которые занимали часть территории Темниковского, Краснослободского и Торбеевского районов Мордовской АССР, им принадлежал и город Темников. Все это являлось родовым достоянием князя Теница.

В 1585—86 гг. только в одной темниковской вотчине князя Еникеева в обработке пахотных земель было занято 38 крепостных и 8 холопов[2]. Татарские князья и мурзы здесь владели крепостными крестьянами из татар и мордвы. В 1614 г. в Темниковском уезде было 607 крестьян и бобылей, принадлежавших татарским князьям и мурзам[3].

* * *

С распадом Золотой Орды на новые феодальные объединения и образованием двух соединений татарских ханств (Казанского и Касимовского) татарское население Мордовии оказалось между двумя враждебными лагерями. Такое положение было чрезвычайным для того, чтобы порвать вассальные обязательства перед ханами и чувствовать себя в своих беляках независимо и от Казани, и от Касимова, хотя в период наивысшего расцвета Казанского ханства (середина XV в.) его граница в некоторых местах подходила к реке Мокше. Касимовское ханство, будучи сравнительно небольшим татарским государством, притом зависящим от Москвы, не могло подчинить темниковских татар. Предание же, когда-то имевшее распространение среди татар дер. Митряла бывшего Пурдошанского района Мордовии. об их принадлежности к касимовским ханам, необоснованно и не подтверждается никакими данными[4].

Татарское население Мордовии подвергалось большим опасностям со стороны своего восточного соседа Казанского ханства. Казанские ханы, как правило, при своих походах на

[1] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. II, 1940, Саранск, стр. 59—62. Еще в XVII в. Енгалычевым принадлежали Старый Кадом, дер. Бедишево, Кормлачева, Петровка, Андреевка, Черемных, Ждановка, Павловка и др.

[2] *Н. А. Рожков.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1898, стр. 175.

[3] Документы и материалы по истории МАССР, т. I, ч. II, Саранск, 1951, стр 231.

[4] *В. К. Магницкий.* К вопросу о тамбовских и казанских татарах. Известия Об-ва арх., ист. и этнограф., т. XII, 1895. Казань, стр. 467.

Русь разоряли владения татарского и мордовского населения, принадлежавшие местной татарской феодальной знати, в то время как с запада не было никаких опасностей.

Поэтому татарская знать начинала ориентироваться на Русское государство.

В 1509 г. великий князь Василий III «пожаловал князя Адашова сына Акчуру княжением на мордва, на Конялской, со всем потому же как было то княжение за отцом его за князем Одашом и за дядя его за князем Седехматом»[1]. Пожалование князя Акчуру «княжением» на Коняльской мордве в районе села Пурдошки Темниковского района Мордовской АССР, ранее принадлежавшего его предкам, произошло, вероятно, после того, когда Акчура признал себя вассалом великого князя. То же произошло в 1528 г. с князем Тенишем, владевшим до этого городом Темниковым. За добровольное присоединение к Москве ему, кроме Темникова, были пожалованы сельцо Верхнее Выжово и деревня Козлово в Подлесной волости. «Кто у него в том сельце и в деревне учнут жити людей и наши наместници и тиуны тех его людей несудять ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличными, а владеть тех своих людей князь Тенишев. А случаться с местной тем его людям с городскими людьми или волостными и наши наместницы и волостели и их тиуны тех его людей судят, а князь Тениш или его прикащикам с ними его судит, о посудом делятся пополи. А кому будет чего искать на князе Тениша или на его прикащика, и по его сужу аз, князь великы или наш боярин»— говорится в грамоте, определяющей права и привилегии князя Тениша Кугушева[2].

В 1536 г. князю Еникею, сменившему умершего отца своего Тениша, было пожаловано право «судить и вязать тарханов и башкир и можаром, которые живут в Темникове», по старине потому ж как наперед его судил и вязал отец его Тениш»[3]. Еще в марте 1534 г. великий князь Иван IV по их челобитной пожаловал двум другим братьям Тениша — Кудашу и Исею «на Веркшее дворы себе ставити и пашни пахати, а кто у них в том починке учнут жити люди, и тем их людям не надобя моего великого князя дани, посошной корм ничиже не принят, им посошная служба, ни наместнича корм, ни мордовских князей пошлины, а наместники Мещерские у них и мордовские князья тех их людей не судить, ни в чем не всылать к ним ни по что, а владеют и судят тех своих людей Тювея и его детей

[1] *А. Любимов.* Краткий исторический очерк мордовского народа в сборнике «Мордовское население Пензенской губернии в прошлом и современном состоянии», Пенза, 1927, стр. 14. Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 1, 1940, Саранск, стр. 217.

[2] Известия Тамбовской ученой архив. комиссии, вып. XXIV, 1899 г., стр. 31—32.

[3] *Л. П. Черменский.* Указ. соч., стр. 65.

сами во всем или кому прикажут, а кому будет чего искати на Тювея и на его детям и на их приказчикам и по их суду язь князь Великий или мой дворецкий». Сохранив за князем Еникеем город Темников, Московское правительство в 1536 г. решило построить под Темниковым новый город Темников, мотивируя это тем, что старый город стал «мал и некрепок»[1]. Новый город, построенный в 1536 г., должен был стать опорным пунктом Русского государства в его дальнейшем продвижении на Восток. Выгодное географическое положение города, его военно-оборонительный характер способствовали быстрому росту города. В 1538 г. в г. Темникове впервые появляются воеводы, стрельцы, пушкари, здесь же создается уездная администрация, отдельно от шацкой уездной администрации.

Татарская феодальная аристократия в лице князей и мурз, сохранившая за собой все прежние права и привилегии, вступая на службу к великому князю, образовывала одну из категорий служилых людей, усердно служивших новому правительству.

Во время похода на Казань в 1552 г. темниковские татары во главе с князем Еникеем Тенишевым приняли участие во взятии Казани. Когда Иван IV дошел до Алатыря, «пришел ко государю Еникей князь темниковский со своими темниковскими татарами и мордвою, а на Алатыре зделал до государя три моста»[2]. В 1553 году «Еникей князь с мордвою темниковскою» принимал участие в подавлении выступления казанских татар[3], через два года, в 1555 г., «с темниковскими людьми Еникей князь Тенишев» снова принимал участие в подавлении восстания казанских татар[4].

Правительство Ивана IV высоко оценило заслуги князя Еникея. При образовании Темниковского уезда в 1558 г. первым воеводой этого города оно назначило «Еникея князя Тенишева»[5]. Татарская феодальная знать за свои услуги приобретает ряд привилегий и новые земельные участки. В 1554 г. Иван IV «пожаловал... Емаша мурзу да Исяша мурзу Тенишевых детей Кугушева сыхратинские мордвы Кучукова беляка ясаком, как был тот ясак дан Шенчуре да Мешаем, а наперед того тот ясак был за казанским князем Малишем сыном»[6].

[1] ПСРЛ, т. XIII, стр. 199, XX, стр. 513.

[2] ПСРЛ, т. XIII, стр. 199, XX, стр. 513.

[3] ПСРЛ, т. XIII, стр. 210, 506—507.

[4] *П. Н. Милюков.* Древнейшая разрядная книга, М., 1901, стр. 170.

[5] *П. Н. Милюков.* Древнейшая разрядная книга, М., 1901, стр. 192. Доходы от Темникова, как и прежде, шли в пользу приемников князя Еникея. С 1614 г. Келамай мурза, князь Кулунчаков, собирал оброки и пошлины от г. Темникова «по государеве, царевеи В. К. Федора Ивановича какова государева грамота дана отцу его князе Кулунчакову князю Енакиеву». (Материалы для истории статистики и археологии города Темникова и его уездов. XVII—XVIII ст. Темниковская десятина, Тамбов, 1890, стр. 34).

[6] Документы и материалы по истории МАССР, ч. 1, 1940, Саранск.

До присоединения к Русскому государству темниковские татары на юго-востоке граничили с Казанским ханством по реке Мокше, и вряд ли их граница шла дальше этой реки. Современное село Тенишево Краснослободского района и село Тенишево по реке Шуструй Торбеевского района в начале XVI в. являлись крайними селами, принадлежавшими темниковским татарам.

Во второй половине XVI в. в связи с ликвидацией Казанского ханства татарская феодальная знать, участвовавшая в колонизации русским государством восточных районов, приобрела ряд новых территорий на северо-востоке, востоке и на юго-востоке от Темникова. Еще в 1552 г., когда Казанское ханство не было ликвидировано, Иван IV «пожаловал... кадомского Исенея мурзу Мокшева сына Бутакова княжением над рязановскою (эрзенскую — М. С.) мордвою Кирдяновского беляка, как было княжение за Сумаров князей Муратовым сыном Телепмшейкова, а иметь ему с тое мордвы ясаку по старине, потому как имел Сумарок князь Муратов... а Судичи та мордва Исенею князю Мокшеву одному». В 1559 г. Кирдановская мордва была отдана его брату мурзе Девию, вступившему на место своего брата[1].

В 1586 г. Кадомским татарам Алтышу Алтышеву «с товарищами 20 человек» были пожалованы поместья во вновь организованном Арзамасском уезде. В Юрьевской пустоши было «дано но человеку... по 15 чети в поле, а два по тому ж»[2]. В 1595 г. «по челобитью арзамасских татар, которые переведены из Кадомы», им было дано поместье «на мельцанской и на атяшевской роспаши» в и оклади в 335 чети... и на атяшевском 55 чети в одном поле»[3].

В 1602 г. Пажюку мурзе Крымчакову «за реку за Пьяну» в том же Арзамасском уезде было отведено «поместье дикого поля на пашню 63 чети с полуосминою в поле, а в дву по тому же к Арзамасской его вотчине, к 57 четим бес полуосмины, в его окладу, во 100 в 20 чети сполна»[4].

В 1629 г. в Арзамасском уезде, согласно данным разрядной книги, насчитывалось 216 князей и мурз из татар[5].

С образованием в 1565 г. Алатырского уезда служилым людям Темникова стали раздавать земельные угодья в этом районе. Еще до основания города, в 1563 г. Давлеткильдей был пожалован Кирдюшевским беляком. Мордовское население по реке Суре, деревням Сара, Кирдяева, Черная Промзина, Тарханово были обязаны платить ясак князю Давлеткильдееву. Немного позже «Алатырского города Баюш мурза Разгильдееву за его многую службу в том же Алатырском уезде было дано княжество»[1]. Тогда же «Арзамасские князи, мурзы и татарва» были «испомещены в Алатырском уезде»[2]. В 1614 г. темниковский татарин Токубулат Досеев «в Олатырской уезд на житье сошел»[3]. В 1613 г. темниковскому мурзе Алакаю Еникееву было отдано поместье на Суре[4], к тому времени нужно отнести появление татарских сел: Енгалычева, Кайбичева, Ломаты, Дракино, Наймано и др.[5].

В 1629 г. из 1684 служилых татар (т. е. мишарей) большинство находилось во вновь образованных уездах: в Арзамасском — 216, в Алатырском — 420, остальные еще оставались на своих старых местах: в Касимовском уезде — 409, Кадомском — 250, Темниковском — 389 служилых татар[6].

В источниках сравнительно плохо отражены данные о появлении татарского населения в центральных районах МАССР в бассейнах рек Инсара, Иссы, Сивинь. Под 1622 г. упоминается бортный ухожай на речке Инзере, принадлежавший темниковскому мурзе Кутутыеву[7]. Получив в 1631 г. поместье по тем же рекам Инзер и Пишля, касимовец Сарай мурза Уразай Емашев положил начало возникновению современного города Рузаевка и, быть может, села Татарская Пишля[8]. В 1635 г. по челобитию Темреказия и Казыбекова им было пожаловано поместье Токмово, однако более массовое появление татар в этих краях начинается в связи с постройкой сторожевой черты, идущей от Тамбова на Симбирск, начатой в 40-х гг. XVII в.

В 1642 г., в связи со строительством города Саранска сюда были переведены из «темниковского города мурзы и татаровья»[9] для несения сторожевой службы. Тогда им были отведены поместья вблизи г. Саранска, в нынешнем Лямбирском районе. В 1640 г. «за темниковскими за служащими мурзами и татарами за Утешем Енгальдеевым сыном Обдуловым с товарищи за сорокью человеки» отводились «усадище под Оксяринским лесом на Черемисове Полянке (современное татарское село Черемишево — М. С.) по обе стороны речки Талосланской и к усадищу дикого поля на пашню добрые земли триста двадцать чети в поле, а в дву потьму ж сена по обе стороны речки Таласлонской до речки Пемзы и меж пол по

[1] ЦГА МАССР, ф. 1, д. 14, л. 92—93.
[2] Документы и материалы по истории МАССР, т. 1, Саранск, 1940, стр. 161—162.
[3] Там же, стр. 167—168.
[4] Документы и материалы по истории МАССР, т. 1, Саранск, 1940, стр. 196.
[5] Книги разрядные, т. II, 1855, СПБ, стр. 216.

[1] Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского инст. № 479, лл. 4—6.
[2] Документы и материалы по истории МАССР, т. 1, 1940, стр. 225.
[3] *А. А. Гераклитов,* Материалы по истории мордвы, 1931, стр. 23.
[4] Документы и материалы по истории МАССР, т. 1, ч. II, стр. 230, 1951.
[5] Там же, стр. 351, 353.
[6] Книга разрядная, т. II, СПб, 1855, стр. 199, 200, 296.
[7] *И. Д. Воронин,* Очерки и статьи, 1957, Саранск, стр. 179.
[8] Там же, стр. 128—129.
[9] Документы и материалы по истории МАССР, т. 1, ч. II, стр. 414.

вражкам и по конец поль шестисот сорок копен. Да за ними ж усадища под лесом Юрня Помрою на речке Нярбренской (Лямбирской — М. С.) и к усадищу дикого поля на пашню добрые земли двести чети в поле, а в два по тому ж... И всего за ними за Урешем мурзою Обдуловым и с товарищи за сорокью человеки в четырех местах дикого поля на пашню... восемьсот чети в поле, а в дву...»[1].

Появление ряда сел в современном Ромодановском районе, как-то: Черемишево, Пензятка, Тараспала, Лямбирь, Щербаково (последнее упоминается в 1682 г.)[2] — надо отнести к сороковым годам XVII в. В 1681 г. в источниках упоминается еще одна ныне не существующая деревня Мазенярех, принадлежавшая князьям Еникеевым[3].

Со строительством города Инсара в 1646 г. для заселения Инсарской засеки из Темниковского уезда были направлены для несения сторожевой службы служилые люди — темниковские татары. Как и в других местах, переведенцам были розданы поместья, например: братья Енаковы получили тогда поместье вблизи г. Инсара[4], тогда же были отданы поместья темниковскомутатарину Енакаю Едигерову[5].

Из поместья князя Кугушева в Инсарском уезде впоследствии возникла дер. Сидоровка[5]. Число татарских служилых людей, получавших поместья в Инсарском уезде, на этом не ограничивалось, в одной из грамот 1675 г. приводится более десятка татарских фамилий, имевших здесь поместья[6].

Ко второй половине XVII в. служилые татары, участвуя в колонизации земель, расположенных на юге, юго-востоке современной Мордовии, выходят далеко за ее пределы. С основанием г. Керенска (1636 г.) на диком поле за Керенским и Шацким валами получили поместья дети князей Кугушевых, Тенешевых и др.[7]. В 1648 г., когда приступили к строительству г. Корсуни, вышел царский указ, обязавший Курмышского воеводу Чечалова произвести перепись неверстанных Курмышских мурз и татар[8]. По переписи курмышских татар, детей и братьев, и племянников, и захребетников оказалось 386 человек, бобылей 27 человек, захребетников 25 человек, третишников и половинников — 15 человек, всего 435 человек, «и все они были взять на службу в Корсун и во все города и в остроги, которые устроены подле Корсунской засеки на вечное житье»[1]. В 60-х гг. XVII в. продолжается заселение служилыми татарами-мишарями верховьев рек Суры, Узы и других районов теперешних Пензенской и Саратовской областей, и им же дается преимущество в заселении и колонизации территории современной ТАССР.

Еще в 1658 г. при освоении земель по рекам Большой и Малый Черемишан, Шишма там появились мишари из Арзамаса, Темникова и Саранска[2].

В нашу задачу не входит освещение истории появления темниковских татар, т. е. мишарей, в пределах современной Татарской АССР (в Чистопольском, Буинском, Шугуровском и др. районах), так и история заселения мишарями Башкирской АССР, где они появляются довольно рано (в Бирске — в 1664 г., под Уфой — 1683[3]), принимая активное участие в колонизации восточных окраин русского государства.

К тому времени в районах, где первоначально жили мишари, земельные фонды давно уже были исчерпаны, кроме того, татарским служилым людям приходилось часто сталкиваться с влиятельными боярскими фамилиями и монастырями. Поэтому служилые люди из мишарей охотно шли на восток, где им предоставлялось больше льгот при освоении восточных окраин. В результате этого значительная часть татарского населения МАССР оказалась вне пределов Мордовии. По переписи 1926 г. из 242640 мишарей на территории Мордовии проживало 135900 человек.

Когда-то татарские буржуазные националисты всяческими путями пытались натравить казанских татар на мишарей, чтобы разобщить один и тот же народ. Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец всем преградам, мешавшим более тесному сближению мишарей с остальной частью татарского народа.

По мере всестороннего развития татарской социалистической нации исчезают местные особенности в языке, быте и других областях культуры. Пройдет немного времени и название «мишари» уйдет в область предания.

---

[1] Документы и материалы по истории МАССР, т. 1, ч. II, 1951, стр. 415—416. Речка Лямбирка упоминается под 1684 г. Труды Пензенской учен. арх. ком. К III, 1906, стр. 144.
[2] Там же, стр. 377—378.
[3] Там же, стр. 374—375.
[4] Там же, стр. 330.
[5] Там же, стр. 337.
[6] Документы и материалы по истории МАССР, т. 1, ч. II, 1951 г. стр. 415—416. Речка Лямбирка упоминается под 1684 г. Труды Пензенской учен. арх. ком. К III, 1906, стр. 301.
[7] Там же, стр. 421.
[8] *В. Хохряков.* Материалы для истории города Пензы, Труды Пензенской ученой арх. комиссии, к. 1, 1905, Пенза, стр. 29.

[1] *А. М. Мерцалов.* Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв. Симбирск, 1900, стр. 22.
[2] *Г. Перетяткович.* Поволжье в XVII и начале XVIII в. Одесса, 1882, стр. 143—144, 158—159, 169.
[3] *В. А. Новиков.* Сборник материалов по истории Уфимского дворянства. Уфа, 1904, стр. 669. Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, 1936, М.—Л., стр. 147, 302.

РЕФОРМА 1863 ГОДА В УДЕЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ МОРДОВИИ

Л. С. РЯБИНСКИЙ

Одно из центральных мест в работах ряда советских исследователей занимает изучение истории трудящихся масс Поволжья.

Большое значение в этом направлении имеет выяснение того, как в национальных районах Среднего Поволжья в середине XIX в. была проведена крестьянская реформа, ибо проблемы социально-экономической истории этих народов, образования наций, роста и развития рабочего и крестьянского движения можно решить в известной степени лишь на основе исследования результатов данной реформы для всех разрядов крестьян в этом национальном районе России.

Настоящая работа является попыткой осветить вопрос о реализации реформы 1863 года среди удельных крестьян Мордовии.

Отдельные вопросы этой реформы нашли освещение в работах Г. И. Богатиковой и Н. П. Гриценко, которые правильно указали на приукрашивание результатов реформы 1863 года дореволюционными историками и на ошибки отдельных советских исследователей, не отметивших наличия отрезков у удельных крестьян и делавших неверные выводы о сохранении и даже увеличении наделов удельных крестьян в ходе реформы.

В статье Г. И. Богатиковой «Реформа 26 июня 1863 года в удельной деревне» на основе анализа уставных грамот и сводных таблиц по уставным грамотам приводятся интересные данные о числе неподписанных крестьянами уставных грамот по губерниям, что характеризует силу протеста крестьян против «освобождения», говорится об отрезках и их причинах, о крестьянском движении как до, так и после реформы[1] и т. д. Но в итоге она приводит средние цифры о сокращении землепользования крестьян по всем 20 губерниям на 3,5%[2]. Не оправдано

[1] «Исторические записки», 1958, т. 63, стр. 94, 97, 106, 108, 109 и др.
[2] Там же, стр. 122.

применение автором средних цифр по губерниям и в характеристике землепользования крестьян. Ведь сам же автор справедливо замечает, что «за... средними данными скрывалось чрезвычайно неравномерное распределение земли в пределах одной, по величине надела, местности той или иной губернии...»[1]. Следует также отметить, что данные сводных таблиц, приведенные Г. И. Богатиковой, требуют проверки. Они не дают ответа на вопрос о причинах отрезки земель, отказа крестьян от подписания грамот и т. д.

Н. П. Гриценко в своей работе приводит убедительные данные об отрезках по уездам и отдельным селениям Среднего Поволжья[2], о крестьянском землепользовании и по другим вопросам. Однако и он допускает ошибочное утверждение о том, что «многие удельные крестьяне получили земли меньше, чем это определено Положениями 1861 года». (Гриценко неправильно принимает по некоторым уездам 600 сажен за 0,6 десятины, по Карсунскому уезду — 1200 сажен, т. е. 0,5 дес. — за 0,12 дес. и т. д.). В действительности только по 4 уездам из 16, отмеченных Гриценко, удельные крестьяне получили земельный надел меньше высшего по Положению 19 февраля (а не «почти в половине уездов Среднего Поволжья», как утверждается в работе). Существуют также значительные расхождения и в итогах по имениям и приказам с данными таблицы по уездам[3]. Упущениями названной работы являются: отсутствие развернутого источниковедческого обзора и недостаточное освещение вопроса проведения реформы в национальной деревне.

Наиболее полная, развернутая оценка реформы 1863 года дается в работе П. А. Зайончковского, в которой он, уделяя главное внимание помещичьим крестьянам, правильно вскрывает и характер реформы среди удельных крестьян России. На основе уставных грамот и сводных таблиц по ним П. А. Зайончковский осветил ряд вопросов реализации реформы 1863 г. В его исследованиях приводится таблица землепользования и отрезков по губерниям, вскрываются причины отрезков, приводятся дифференцированные данные о распределении надельной крестьянской земли, характеризуется рост крестьянского движения и т. д.

Рассматривая вопрос о реформе среди удельных крестьян Мордовии, мы опираемся главным образом на архивные данные. Основным источником для написания работы явились уставные грамоты, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ, фонд 515—«Главное управление уделов»). Из этого фонда взяты сведения о до-

[1] Исторические записки, 1958, т. 63, стр. 65.
[2] *Н. П. Гриценко*, Удельные крестьяне Среднего Поволжья (очерки), Грозный, 1959, стр. 537, 542.
[3] Там же, стр. 532—533.

реформенном и пореформенном наделе крестьян, об отрезках, разверстании и обмене земель, выкупных платежах и о классовой борьбе в период проведения реформы и т. д.[1]. В работе были использованы и другие материалы этого фонда. Наиболее интересными из них являются табели поземельного сбора по Алатырскому удельному имению за 1857 год со сведениями о доходности крестьянских земель. В Центральном государственном архиве Чувашской АССР нами выявлен и использован «Отчет о состоянии Алатырского удельного имения за 1857 г.», ведомости о землях, находящихся в личной собственности удельных крестьян до реформы 1863 года.

Следует, однако, отметить, что не все данные источников одинаково достоверны. Наибольшей ценностью и достоверностью обладает такой массовый источник, как уставные грамоты. Они фиксировали землепользование и платежи удельных крестьян, составлялись и проверялись на глазах самих крестьян. Гораздо менее достоверными являлись статистические сведения губернских статистических комитетов, на основании которых составлялись отчеты губернаторов и многие статистические работы[2].

* * *

Накануне реформы 1861 года на территории современной Мордовии[3] из 282788 крестьян-мордвы обоего пола удельных крестьян было 107191 человек (38%), государственных — 141457 (50%) и владельческих — 34140 (12%)[4]. В 50-х гг. XIX в. в уездах, вошедших в состав Мордовской АССР, мордовское население составляло 37—38%[5]. Из приведенных выше данных видно, что большинство крестьян-мордвы (88%) были государственными и удельными.

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 71—84, 161, 239, 258—265; 1864 г. (о классовой борьбе крестьянства).

[2] См. Липинский, Симбирская губерния. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба), ч. I, СПБ, 1868 г.

[3] При работе над данной темой мы берем территорию современной Мордовской АССР, образовавшуюся из значительной части бывших Саранского, Инсарского, Наровчатского и полностью Краснослободского уездов Пензенской губернии; Ардатовского, части Алатырского, Курмышского и Карсунского уездов Симбирской губернии, Темниковского и Спасского уездов Тамбовской губернии; части Лукояновского и небольшой части Сергачского уездов Нижегородской губ.

[4] Обработка данных «Списков населенных мест Российской империи». СПБ, 1863—1866 гг.
т. XXV, стр. XXVII, XXVIII;
т. XXX, стр XXIV, XXV, 23—34, 49—55, 65—73, 82—91;
т. XXXIV, стр. XXIX, XX;
т. XXXXII, стр. XXXVI, XXXVII, 111—128.
(при подсчете данные по всем уездам взяты полностью).

[5] Очерки истории Мордовской АССР, т. 1, Саранск, 1955, стр. 228.

Для характеристики реформы среди удельных крестьян Мордовии взяты районы с наиболее значительным мордовским удельным крестьянством — бывшие Алатырский, Ардатовский и Карсунский уезды Симбирской губернии. Удельная мордва входила в основном в состав Алатырского удельного имения, управляемого Алатырской удельной конторой. К 1 января 1857 г. по этому удельному имению (Алатырский, Ардатовский и Курмышский уезды Симбирской губернии) насчитывалось 88162 души мужского пола удельных крестьян, а также подчиненных удельному ведомству лашман 11326 душ[1]. В их пользовании находилось 320068 десятин земли, или в среднем по 3 дес. 1233 саж. на душу мужского населения[2]. Симбирская губерния в целом относилась к черноземной полосе с 3-польным севооборотом[3]. Однако в Алатырском уезде, расположенном на северо-западе губернии, наряду с черноземом, имелись и песчаные почвы; в Курмышском уезде, на юго-западе губернии, наряду с черноземом, были песчаные и суглинистые почвы[4]. Чистый доход с крестьянской земли[5] едва покрывал платежи и повинности[6]: на 1 рубль чистого дохода приходилось 92,6 коп. платежей (включая казенные подати, удельный оброк, земские повинности, сбор продовольствия)[7]. Недоимки по Алатырскому удельному имению за 1857 г. по всем платежам составляли 215699 рублей 63 коп.[8]. Урожаи хлебов, как правило, были очень низкие. По всему удельному ведомству в 1859 году было посеяно 2047092 четверти хлеба, а уродилось 5975787 четвертей — урожай сам — 2,6[9]. Во «всеподданнейшем отчете» за 1859 г. министр императорского двора сообщал, что «...против 1858 г. хлеба родилось менее на 3388680 четвертей»[10] и объяснил это повсеместной засухой в Приволжском крае, в то время как главная причина упадка хозяйства в этот период заключалась в господстве феодально-крепостнической системы. Крестьянам совер-

[1] ЦГА ЧАССР, ф. 193, оп. 1, д. 1237, 1857.

[2] Там же, л. 29 об.

[3] *Ю. А. Ямсон*, Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, СПБ, 1877, стр. 140.

[4] Архив Маркса и Энгельса, т. XIII, Госполитиздат, М., 1955, стр. 185.

[5] В среднем 1 руб. 90 коп. с десятины земли.

[6] В среднем 1 руб. 76 коп. с десятины земли (с души 6 руб. 17 коп).

[7] Цифра выведена путем обработки данных 9 ревизии о доходности земли по приказам Алатырского удельного имения за 1857 г. (ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 10, д. 4316, 1865 г.), табели поземельного сбора по Алатырской удельной конторе и сведений о платеже тех же удельных крестьян за тот же период (см. Липинский, Симбирская губерния, т. 2, стр. 458—459, 462—466, 486). Так как в табелях поземельного сбора указан только валовой (нормальный) доход, то для получения чистого дохода из валового дохода отминусованы издержки производства, составлявшие 37,26% валового дохода (последняя цифра взята по соседней, Пензенской губернии).

[8] ЦГА ЧАССР, ф. 193, оп. 1, д. 1237, л. 6.

[9] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 1, д. 71, 1860 г., л. 95 об.

[10] Там же, л. 96.

шенно не хватало земли, сенокосных угодий и выгонов. Обеспеченность скотом была также чрезвычайно низка.

Ввиду того, что доход с земельного надела не мог обеспечить минимальные потребности крестьянской семьи, то единственным выходом для поддержания хозяйства считались промыслы. О распространении отхожих промыслов можно судить по данным паспортной статистики. По Алатырской удельной конторе (217239 душ обоего пола) в 1859 г. было выдано 12 двухгодичных паспортов, 1152 годовых и 1010 — полугодовых, всего на сумму 2563 руб. 70 коп[1]. Примерно в таких же размерах оставалось отходничество и в следующие, 1860—1862 гг. с небольшим колебанием в сторону увеличения в 1860 г. и последующим спадом в 1861—1862 гг.[2]. При этом следует учесть, что большинство крестьян при отходе на сравнительно короткое время, например на летние полевые работы в близлежащие губернии, паспорта не брало, а многие крестьяне занимались промыслами по месту жительства.

* * *

Трудовые массы национальных районов находились под гнетом местных помещиков и богачей, с одной стороны, русских феодалов и царского самодержавия — с другой.

За десятилетие до реформы 1863 года классовая борьба в удельной деревне особенно обострилась. На усиление эксплуатации со стороны удельного ведомства крестьяне ответили массовым протестом. Они жадно прислушивались ко всякого рода толкам и слухам о свободе, особенно в период подготовки реформы помещичьих крестьян[3].

Громадные размеры принимают в это время порубки удельными крестьянами леса как принадлежащего уделу, так и помещикам. В ряде случаев порубки леса совершались целыми селениями и сопровождались избиением чиновников удельного ведомства[4].

В период проведения реформы 1861 г. удельные крестьяне выступали против царизма совместно с другими разрядами крестьян.

Борьба удельных крестьян как помещичьих, так и государственных с каждым годом усиливалась и приобретала все более резкие формы. В таких условиях правительство Александра II вынуждено было пойти на отмену крепостного права.

Вопрос о реформе среди удельных крестьян был поставлен почти одновременно с подготовкой отмены крепостного права

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 1, д. 71, л. 218.

[2] Там же, д. 72, 1861 г., л. 270; д. 73, 1862 г., л. 346; д. 74, 1863 г., л. 193.

[3] См. *Н. П. Гриценко.* Отмена крепостного права в удельной деревне Среднего Поволжья и волнения крестьян в связи с реформой 1863 г., «Ученые записки» Грозненского пединститута, 1956 г., № 9, стр. 65.

[4] ГАУО, ф. 122, д. 27, лл. 1, 1 об. за 1858 г.

на помещичьих крестьян. В результате работы секретного особого комитета, учрежденного Александром II в 1858 г., были изданы царский указ 20 июня 1858 г. и «Правила» 26 августа 1859 г. «Указ» и «Правила» в силу ряда оговорок и условий имели весьма ограниченное применение. После опубликования «Положений 19 февраля 1861 г.» подготовка реформы в удельной деревне вступила в новый этап. 5 марта 1861 г. вышел именной указ министру двора с предложением начать эту подготовку среди удельных крестьян на основании «Положения 19 февраля», а 26 июня 1863 г. было утверждено «Положение о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных». Оно, в отличие от «Положения 19 февраля», по истечении двух лет переводило удельных крестьян в разряд собственников путем обязательного выкупа земельного надела с обязанностью вносить в казну «...в течение 49 лет выкупные за приобретаемые ими земли, платежи...».

Согласно общему положению осенью 1863 г. было начато составление уставных грамот и по Алатырской удельной конторе. Оно, ввиду грабительских условий, шло медленно. К 1 января 1864 г. было составлено только 36 грамот[1]. К сроку, т. е. 26 июня 1864 г., составление уставных грамот закончилось лишь по одной Нижегородской удельной конторе[2], а по Алатырской — только к концу 1864 г.[3].

Составление и введение в действие уставных грамот по трем уездам Мордовии (Алатырский, Ардатовский и Карсунский) ввиду сильного сопротивления крестьян было завершено только к сентябрю 1865 г. Отказ крестьян от подписания уставных грамот принял массовые размеры. По трем вышеназванным уездам из 231 грамоты остались неподписанными 72 (31% всех грамот), причем по мордовским селениям неподписанных грамот было больше (33 грамоты из 98, т. е. 33%), чем по русским (39 грамот из 133, т. е. 23%)[4].

Отказ принимать уставные грамоты был одной из форм протеста мордовских удельных крестьян против социально-экономического и национального угнетения и более тяжелых, чем для русских крестьян, условий «освобождения». Непосредственными причинами отказа крестьян от подписания грамот были отрезки от надела, предоставление плохих земель, отрезки по разверстанию без замены другими угодьями и др. Так, крестьяне мордовского села Налитова и дер. Большие Чукалы Моргинской волости Алатырского уезда Симбирской губернии отказались от подписания грамоты, заявив, что «земля их песчаная, малоурожайная, и не стоит того оброка, который назначен по

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 1851, 1864.

[2] Там же, л. 67.

[3] Там же, лл. 148, 171, 188, 216.

[4] Обработка уставных грамот по трем уездам. ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 71—75, 258—265.

уставной грамоте»[1]. Отказались принять уставную грамоту и крестьяне с. Кирзяти той же волости, которым была отведена земля «...дурного качества, перерытая оврагами, затрудняющими свободный проход на участки»[2].

В густонаселенной Симбирской губернии выступления крестьян в связи с введением уставных грамот приняли особенно острые формы[3]. «...волнения крестьян возникали в продолжение всего года,— говорилось в отчете III отделения за 1865 г.,— и почти везде требовали военных экзекуций»[4].

Введение уставных грамот проходило при помощи розг и арестов крестьянских вожаков и присутствия воинской команды в мордовском селе Сыресях Сыресевской волости Алатырского уезда. Только по прибытии 3-х рот Самарского полка были приняты грамоты крестьянами мордовских сел Батушево и Атяшево Атяшевской волости[5]. Уставные грамоты в дер. Коченяевке Коченяевской волости, Касаур, Мамырово Городищенской волости Карсунского уезда были введены в действие лишь по прибытии в села 3-х рот Самарского полка[6].

В условиях острой классовой борьбы департамент уделов издал указ от 18 января 1862 г. «О разрешении затруднений при поверке уставных грамот»[7], по которому грамоты вводились в действие при отказе от подписи их крестьянами. Этот указ чиновники удельного ведомства широко использовали для проведения реформы. Например, из 17 грамот по Наченальской волости Ардатовского уезда крестьянами было подписано только 3. Однако все грамоты были введены в действие, причем в актах поверки грамот мировым посредником значилось: «...при поверке крестьяне... как от выбора уполномоченных, так равно и от подписи сей уставной грамоты отказались и потому при введении ее в действие руководствовался общим циркуляром МВД от 18 января 1862 г. о разрешении затруднений при поверке грамот»[8].

Крестьяне зачастую, ввиду грабительских условий, отказывались принимать даже ранее подписанные поверочные акты.

* * *

Рассмотрим результаты реформы среди удельных крестьян Мордовии на основе анализа уставных грамот. Статья 23 «Положения от 26 июня» провозглашала, что крестьяне получат все земли, которые числятся за ними по табелям поземельного сбора. Однако уже статья 2-я введения предполагала отрезку «излишков против показанных в табелях поземельного сбора основных и запасных земель», а где поземельного сбора введено не было «излишков против высшего или указного размера, согласно местным положениям 19 февраля 1861 г.»[1]. В случае, если земли меньше установленных норм по «Положению 19 февраля», прирезка производилась «из излишних против табеля земель, если таковой излишек в пользовании крестьян окажется»[2]. При отсутствии «излишков» отводилось имеющееся количество земли. Так как в большинстве случаев крестьяне пользовались значительно большим количеством земли, чем значилось по табелю поземельного сбора, то их наделы в результате реформы значительно сократились (из 104236 душ 3-х уездов Мордовии, в том числе мордвы 49624 души, удельные крестьяне не получили по 81 грамоте из 231—35% всех грамот— даже голодной нормы надела, по 15 грамотам — 6 процент.— получили высший надел и по 135 грамотам —59%—надел сверх высшего)[3]. Особенно необеспеченными землей в результате реформы оказались удельные крестьяне Наченальской волости Ардатовского уезда, в которой из 17 грамот по 12 предоставлялся надел менее высшего, того же уезда Ардатовской волости из 18—10 и Бузаевской волости из 13—7 и т. д.[4].

Для характеристики глубины процесса обезземеливания удельных крестьян в результате реформы приведем данные о так называемых «кошачьих» наделах: крестьянам с. Болтаевка Алатырской волости Алатырского уезда был оставлен без прирезки надел 1 дес. 1866 сажен[5], с. Мачказерово Бузаевской волости Ардатовского уезда —1 дес. 2377 сажен, по мордовской дер. Бузаево той же волости —1 дес. 2035 сажен на мужскую душу[6]. Надел менее 3-х десятин на мужскую душу получили более четверти (25,9%) удельных крестьян-мордвы Алатырского уезда Алатырской волости[7].

Всего по трем уездам Мордовии (Ардатовскому, Алатырскому и Карсунскому) менее 3-х десятин на мужскую душу полу-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 73, лл. 68, об. 69.
[2] Там же, л. 83.
[3] В густонаселенной Симбирской губернии удельные крестьяне боролись за всю землю против отрезков (особенно в малоземельных северных уездах губернии, вошедших в состав Мордовии).
[4] Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. II, М.—Л., 1931, стр. 109.
[5] Там же, стр. 111
[6] Там же, стр. 110
[7] Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости, т. III, ч. I, СПБ, 1862, стр. 6—9.
[8] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 81, лл. 8—61.

[1] ПСЗ. 2-е собр., отд. 1-ое, т. 38, № 39792, 1863.
[2] Там же. Такого рода прирезка нами обнаружена только по 2 грамотам (см. ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 70, 1864, лл. 1—2, 30).
[3] Обработка данных ведомостей о земельных наделах по уставным грамотам. ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 70, 257, 1964 г.
[4] Там же, д. 70.
[5] Там же, л. 43.
[6] Там же, л. 30.
[7] Обработка данных уставных грамот по Алатырской волости, ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 71, 1864 г., лл. 1—107.

чило более 1/5 удельных крестьян (по 46 грамотам из 231)[1]. Из них примерно такая же часть мордовских крестьян была наделена мизерными клочками земли менее 3-х десятин[2] (по 13 грамотам из 98, составленных на мордовские селения)[3]. Очень интересные данные о числе наделов в 4—5 и более десятин. Такое количество земли в русских селениях удельные крестьяне получили по 43 грамотам из 133 (32% всех грамот); по мордовским же селениям — по 13 грамотам из 98, или менее 13% всех грамот[4]. Это дополнительное свидетельство национального бесправия мордовского народа и его угнетения со стороны царского правительства и удельных чиновников. Мордовское удельное крестьянство в среднем до реформы имело в пользовании земли на 720 сажен на душу меньше, чем русские удельные крестьяне, после реформы — на 360 сажен[5].

Землепользование удельных крестьян 3-х вышеназванных уездов, по подсчетам данных уставных грамот и сводных таблиц по ним, сократилось в среднем на 3% за счет отрезков, произведенных по 92 грамотам из 231 (40% всех грамот) и на 11612 дес. земли из 380195 дес. общего количества земли удельных крестьян трех уездов Мордовии до реформы[6]. По русским селениям было отрезано 8528 дес. по 62 грамотам из 133 (46% всех грамот), по мордовским селениям — 3064 дес. по 30 грамотам из 38 (30% грамот). Меньшее количество грамот, по которым произведены отрезки в мордовских селениях, объясняется тем, что мордовские удельные крестьяне лишились большого количества своих земель еще до реформы (разница между показаниями табеля поземельного сбора и инструментального измерения была меньше, чем в русских селениях). Так, по сведениям двух уездов — Алатырского и Ардатовского — на 110610 дес. надельной земли в русских селениях разница между данными табеля поземельного сбора и инструментального измерения 3287 дес., а в мордовских — на 143589 дес. — 3076[7]. Таким образом, судя по меньшему количеству «излишней» земли у мордовских крестьян, у них были произведены значительно большие

[1] Обработка данных ведомостей о земельных наделах по уставным грамотам. 1864 г. ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 70, 257.

[2] Там же.

[3] В русских селениях из 38 грамот по 18 крестьяне получили также наделы менее 3 дес. ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 70, 257.

[4] Там же.

[5] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, дд. 71—75, 76—80, 258—265.

[6] Обработка уставных грамот по Алатырскому, Ардатовскому и Карсунскому уездам Симбирской губ. ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, дд. 71—75, 76—81, 258—265, 1864 г.

[7] Обработка данных уставных грамот по Алатырской, Атяшевской, Моргинской, Сыресевской и Урусовской волостям Алатырского уезда. ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, дд. 71—75, 1864 г.; Ардатовской, Киржеманской, Бузаевской, Козловской, Лобаскинской волостям Ардатовского уезда. ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, дд. 76—81, 1864 г.

отрезки. В ряде селений отрезки достигали большой величины. По мордовской дер. Атрать Алатырского уезда Моргинской волости отрезано 207 дес. из 1185 дес. (17% всей земли)[1], по селу Сары той же волости и уезда 226 дес. из 513 (более половины всей земли)[2], по мордовским селениям Атингеево, Салдаманово и Шандрово Лукояновского уезда Нижегородской губернии отрезано земли 1541 дес. из 5056 дес. (30% всей земли)[3].

Сокращение и без того недостаточных и неполных наделов крестьян царскими чиновниками мотивировалось необходимостью уничтожить чересполосицу в связи с наличием в удельном лесу крестьянских сенокосов, за снижение оброчных и выкупных платежей. В донесении Симбирского губернатора от 28 июня 1860 г. говорилось, что «недоразумения по большей части происходят в том, что конторы, при отобрании у крестьян пашен и покосов, понижают прямо оброк, не заменяя их другими угодьями...»[4]. Так, в грамоте на мордовское село Налитово и дер. Большие Чукалы Алатырского уезда предусматривалась отрезка 302 дес. 2300 сажен крестьянского сенокоса в удельных лесных дачах со сложением с крестьян части оброка[5]. В грамоте говорилось: «Состоящая в пользовании крестьян земля в количестве 302 дес. 2300 сажен заключается в сенокосных полянах, расположенных среди удельного леса, почему и следовало бы на основании 56-й статьи Положения произвести разверстание, при котором в крестьянский надел взошло бы некоторое количество лесного пространства, годного под расчистку, но как крестьяне ни на какое разверстание не согласны и вблизи их дачи нет других сколько-нибудь одинаковых по достоинству удельных угодий, то и представляется необходимым на основании статьи 58-й, п. 4-го Положения, поляны эти обратить во владение удельного ведомства в числе 302 дес. 2300 сажен таким образом, чтобы 38 дес. 500 саж., следовавшие к отрезке за излишеством, оставить в крестьянском наделе, а за остальные 264 дес. 800 саж. сложить с крестьян причитающуюся за эту землю годовую оброчную плату...»[6].

Подобные отрезки со сложением части оброчных и выкупных платежей наблюдались и по 6 грамотам Нагаевской, Городищенской и Чумакинской волостей Карсунского уезда[7]. В грамоте на мордовское село Атяшево Ардатовской волости имели место отрезки другого типа — за счет уменьшения ширины почтовой дороги[8]. Как говорилось выше, у крестьян отре-

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 71, л. 27, 1864 г.

[2] Там же, л. 97 об.

[3] Там же, д. 161, л. 11, 1864 г.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1221, оп. 66, VI д-во, д. 22, л. 109 об., 1865 г.

[5] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 73, лл. 63, об. 64, 1864 г.

[6] Там же.

[7] Там же, д. 257, лл. 40—41, 43—45, 50—51.

[8] Там же, д. 72, л. 93.

зались земли, образующие разницу между показаниями инструментального измерения и табели поземельного сбора. Однако результаты обработки уставных грамот по Алатырскому и Ардатовскому уездам говорят о том, что по 4 грамотам из 24 на русские селения (16% всех грамот) и по 4 грамотам из 19 на мордовские селения (21% всех грамот) отрезки превышали излишки инструментального измерения[1]. По грамоте на русское село Кирзять Моргинской волости Алатырского уезда отрезано 83 дес. крестьянского покоса в удельной лесной даче «со сложением с крестьян причитающейся с них за эту землю годовой оброчной платы»[2], по мордовскому селу Налитово и деревне Большие Чукалы аналогично отрезано 302 дес. 2300 сажен (12% всей земли крестьян)[3]. Приведенные данные говорят об относительно больших размерах отрезков земли у мордовского крестьянина.

Удельным крестьянам, которые не платили поземельного сбора, а состояли на подушном оброке, отводили наделы по высшей или указанной норме согласно «Положению 19 февраля». Если размер их надела не достигал этой нормы, то отводилось фактическое количество земли. Излишки же против высшего надела подлежали отрезке. Так, в удельном селении Пандас Лукояновского уезда, где поземельный сбор введен не был, была отрезана 181 дес. крестьянской земли сверх высшего земельного надела[4]. У удельных крестьян не только отрезали «излишки» инструментального измерения, но у них отбирали лучшие земли общественной запашки, расположенные близ селений[5], лишив права пользования лесами. Статья 33 «Положения от 26 июня 1863 г.» утверждала, что удельные оброчные статьи, поля под бывшей общественной запашкой, лес (за исключением селений с переложным и смолокурным лесным хозяйством) не подлежали включению в крестьянский надел и оставались в распоряжении удела[6]. На территории Мордовии почти в каждой грамоте оговаривалось право удельного ведомства на все оброчные статьи, леса, мельницы, торговые площади, рыбные ловли и т. д., которые зачастую оставались внутри крестьянских наделов. Все это порождало чересполосицу и малоземелье в землепользовании удельных крестьян, вынуждало их после реформы за выкупную плату арендовать

[1] Обработка данных уставных грамот. ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 71, 73—81, 258—265, 1864 г.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 73, л. 79, 1864 г.
[3] Там же, лл. 63, об. 64.
[4] Там же, д. 161, лл. 56, 56 об., 1864 г.
[5] В среднем по 6 удельным приказам Симбирского имения, по данным 1828 г., крестьянское землепользование уменьшилось от 3 до 4-х процентов. См. Н. П. Гриценко, Удельные крестьяне Среднего Поволжья, Грозный, 1959, стр. 322—323.
[6] ПСЗ, 2 сбор., отд. 1, т. 38, 1863 г., № 39792, л. 686.

необходимые угодья у удела. Так, по уставной грамоте на мордовскую деревню Кабаево Сыресевской волости Алатырского уезда крестьянам было предоставлено 2 дес. 1589 сажен земли на душу из платежа оброка 2 руб. 86 коп. в год[1], снимавшаяся же в аренду земля обходилась им по 8—11 руб. за десятину[2]. Прибегать к аренде вненадельных земель заставлял удельных крестьян и острый недостаток необходимых угодий.

Широкие возможности для ограбления удельных крестьян предоставляло разверстание угодий, проводившееся уделом, как правило, с целью отрезки лучших крестьянских земель или укрупнения своих участков. Разверстание было обязательным для крестьян и необязательным для удела[3]. Статья 58 (п. 5) «Положения» говорила о предоставлении крестьянам при разверстании земель, равноценных по возможности достоинствам тех участков, которые от них отходят[4], что на практике, как правило, не соблюдалось. Так, по уставной грамоте на дер. Новая Жабина Киржеманской волости Ардатовского уезда в надел крестьянам было предоставлено 65 дес. кустарника за такое же количество крестьянской пахотной земли[5]. «От крестьян в распоряжение удела поступает 19 дес. 675 саж. пашни, находящейся среди удельного лесного насаждения, а взамен того удельный лес в количестве 19 дес. 675 саж. удобный под расчистку, поступает в надел крестьянам д. Сыресевой»[6],— говорится в другой грамоте на дер. Сыресево Сыресевской волости Алатырского уезда. В мордовском с. Киржеманы Ардатовского уезда крестьяне получили 362 дес. оврагов за 247 дес. удобной земли[7]. Таких примеров можно было бы привести много. Всего из 161 грамоты двух уездов Мордовии— Алатырского и Ардатовского — было фактически (под видом разверстания) отрезано по 26 грамотам (11 русских и 15 мордовских) 3114 дес. удобной крестьянской земли, взамен которой крестьянам отводилось такое же количество удельных угодий под кустарником и мелкими лесными зарослями, болотами и оврагами[8].

В результате реформы увеличились оброчные и выкупные платежи удельных крестьян. По статьям 3, 76, 84 «Положения 26 июня» размер оброка не должен был увеличиться даже при дополнении наделов до норм, определенных «Положением

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, л. 20, 1864 г.
[2] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губерния, ч. I. СПБ, 1868. стр. 358. (Сост. Липинский).
[3] ПСЗ, сбор. 2, отд. I, т. 38, 1863, № 39792.
[4] Там же.
[5] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 78, л. 33 об.
[6] Там же, д. 74, 1864 г., л. 2 об.
[7] Там же, д. 78, 1864 г., л. 84, 84 об.
[8] Там же, оп. 74, д.д. 73, 74, 70, 78, 79, 80, 1864 г. (Обработка данных уставных грамот по Алатырскому и Ардатовскому уездам).

19 февраля», и снижался в случае, если оказывался выше оброков бывших помещичьих крестьян до их уровня. На самом деле, так как землепользование удельных крестьян Мордовии[1], как говорилось выше, уменьшилось в среднем на 3% за счет отрезков, а размер оброчных платежей остался прежним, то сумма платежей с десятины надельной земли возросла.

Выкуп земли удельных крестьян производился на основе «Положения 19 февраля». Выкупная сумма за надельные земли, приобретавшиеся крестьянами в собственность, представляла из себя капитализированный из 6% оброк. Оброчные платежи, являвшиеся одной из форм докапиталистической земельной ренты, сохранили и после реформы свой характер. С переводом удельных крестьян на выкуп оброчные платежи становились выкупными, платимыми в течение сорока девяти лет. Поэтому удельные крестьяне, как и помещичьи, выкупали не только землю, но и свои феодальные повинности, свою личность. Удельные крестьяне 3-х уездов Мордовии ежегодно выплачивали уделу выкупную сумму 354748 руб. 25 коп. (в том числе мордовские крестьяне — 165739 руб. 91 коп.[1]), за 49 лет они должны были внести громадные деньги — свыше 17 млн. руб., что почти вдвое превышает действительную стоимость земли в тех местностях.

* * *

Подведем некоторые итоги проведения реформы 1863 года в удельной деревне Мордовии.

1. Основное средство производства в данной местности — землю (в значительной части чернозем) — большинство удельных крестьян получило в совершенно недостаточном количестве (более трети — менее высшей нормы, пятая часть — менее 3-х и даже 2-х дес.), что не могло обеспечить нормальное ведение хозяйства крестьян и обеспечить их необходимыми продуктами питания.

2. У крестьян-мордвы средний земельный надел был меньше, чем у русских крестьян как до, так и после реформы. Вместе с тем у них были менее развиты также крайние группы крестьян с высоким и низким наделом. Это говорит как о национальном угнетении мордовского народа, так и заставляет предположить, что несколько ниже был уровень дифференциации среди мордовских крестьян Алатырской удельной конторы.

3. Отрезки у удельных крестьян 3-х уездов Мордовии составляли в среднем 3%, причем судя по меньшему количеству «излишней» земли у крестьян-мордвы, у них были произведены относительно бóльшие отрезки.

[1] Взяты 3 уезда Мордовии: Алатырский, Ардатовский и Карсунский.
[2] Обработка данных сводных таблиц по уставным грамотам. ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, дд. 70, 257, 1864 г.

4. Разверстание и обмен земель с целью ограбления крестьян имели в Мордовии большое распространение. Этим способом у крестьян было отрезано значительное количество земли.

5. Несмотря на то, что удельные крестьяне по «Положению 26 июня» избавлялись юридически от опеки удела, развитию капиталистических отношений в Мордовии мешали крупные феодально-крепостнические пережитки: малоземелье, чересполосица, кабальная аренда, громадные выкупные платежи, вынужденная привязанность к своему клочку земли.

6. Тяжесть положения крестьян при относительно слабом развитии промыслов обусловила остроту классовой борьбы в малоземельной и густо населенной Симбирской губернии (выступления лашман, неподписание уставных грамот, выступления против местного начальства и удельных чиновников), которая в отдельных случаях неповиновения выливалась в открытую борьбу со своими эксплуататорами.

СООБЩЕНИЯ

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЗА РЕВОЛЮЦИЮ

(о П. И. Путиловой)

В. Я. СИЛЕНОК

Среди славных имен борцов революции, отдавших свою жизнь за установление и упрочение Советской власти в Мордовии, следует назвать Прасковью Ивановну Путилову — 18-летнюю коммунистку, видного работника ВЧК, трагически погибшую в 1918 году в селе Яковщина Рузаевского района Мордовской АССР во время кулацкого мятежа.

П. И. Путилова родилась в 1910 году в далеком г. Минусинске Красноярской губернии.

Рано началась революционная деятельность юной героини. Уже в 1916 году, когда она училась в 6 классе гимназии, ее приняли в нелегальный революционный кружок, куда входили и ее товарищи по учебе К. Липинская, Б. Сафьянов, К. Лаптев и молодой служащий банка, член большевистской партии с 1915 года К. С. Бузулуков. Кружком руководила местная учительница А. И. Столярова, ранее сосланная в г. Минусинск на поселение за подпольную революционную деятельность. В кружке занимались главным образом изучением произведений Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и др.

Однако постепенно молодые подпольщики все больше стали обращаться к непосредственным вопросам революционной деятельности, что являлось прямым следствием связи того кружка (она осуществлялась через И. С. Бузулукова) с небольшой большевистской группой политических ссыльных, в составе которой были Е. Д. Стасова, Спундэ А. П., Голубков А. П., будущий муж Путиловой П. И. — Пфафтородт (Бруно) и др.

Подпольный молодежный кружок успешно работал до конца 1916 года. А после Февральской революции, ввиду выезда многих политических ссыльных в центральную Россию, кружок прекратил свое существование.

После победы Февральской буржуазно-демократической революции общественно-политическая жизнь в г. Минусинске заметно оживилась. В городе часто проходили многолюдные митинги и собрания, организованные большевиками, меньшевиками и эсерами. Паша и ее друзья стали регулярными участниками всех мероприятий, проводимых большевиками. На собраниях и митингах, организованных большевиками, обычно присутствовали рабочие, солдаты и беднота. В одно из мартовских воскресений 1917 года Паша Путилова и Ксения Липинская присутствовали на собрании строительных рабочих, организованном большевиками. После собрания подруги заявили о своем решении вступить в ряды партии. В комитете большевиков им выдали программу и устав партии, а через две недели в этом же клубе их приняли в Коммунистическую партию. Вот как вспоминает об этом незабываемом событии подруга Паши, ныне персональная пенсионерка К. И. Липинская. «Как были дороги и какими значительными нам казались эти маленькие красные билетики, с которыми у нас началась новая жизнь. Мы считали себя после вступления в партию вполне взрослыми людьми, хотя нам было всего по 17 лет» («Воспоминания участников Октябрьской революции в Минусинском уезде», стр. 82).

Вскоре в ряды Коммунистической партии вступили и другие члены вышеназванного подпольного молодежного кружка — Кеша Лаптев и Борис Сафьянов. Всего минусинская городская организация РСДРП(б), созданная в первых числах марта 1917 года, насчитывала около 30 человек. Она успешно боролась против эсеро-меньшевистского влияния среди трудящихся города. Вступив в большевистскую партию, П. Путилова и ее товарищи — К. Липинская, К. Лаптев, Б. Сафьянов повели борьбу против соглашателей среди учащейся молодежи. Особенно в этом нужном и важном деле отличилась Паша, чей непререкаемый авторитет отличницы учебы и верного товарища все больше помогал большевикам склонять молодежь на свою сторону.

После Февральской революции коммунисты г. Минусинска большое внимание уделяли организации профсоюзов. До свержения самодержавия здесь не было ни одной профсоюзной организации. В первые месяцы 1917 года большевики организовали в городе профсоюзы печатников, строительных рабочих, мукомолов, колбасников, сапожников и др.[1]. Меньшевики и эсеры оказывали упорное сопротивление большевикам в деле организации и сплочения трудящихся города, но постепенно они все больше и больше стали сдавать свои позиции. Народные массы пошли за большевиками, и в этом была немалая заслуга и П. Путиловой, умело и энергично работавшей в профсоюзах г. Минусинска[2]. После окончания с золотой медалью гимназии Паша Путилова целиком отдалась партийной работе.

[1] Воспоминания участников Октябрьской революции в Минусинском уезде. 1957 г. стр. 6.

[1] «Воспоминания...», стр. 84.
[2] Газета «Молот», 12 сентября 1918 г.

Ее избрали секретарем в Совет рабочих и солдатских депутатов, в то же время она была распространителем большевистской печати—«Правды», «Красноярского рабочего» и «Товарища», как член культурной лиги обучала грамоте солдат гарнизона. Вместе со всеми коммунистами города она принимала активное участие в митингах, собраниях и демонстрациях.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции П. Путилова выехала вместе с мужем в Петроград, муж П. И. Путиловой в это время работал председателем исполкома Минусинского Совета, он был членом РСДРП с 1906 года. В Петрограде Прасковья Ивановна принимала активное участие в Октябрьском вооруженном восстании, находясь в боевых отрядах Красной гвардии.

С первых дней создания ВЧК П. И. Путилова стала одной из активных ее сотрудниц. Вначале она работала секретарем-делопроизводителем, а затем следователем по спекулятивным делам, часто выезжая на боевые операции. С организацией иногороднего отдела ВЧК, куда она переходит работать, П. И. Путилова начинает принимать активное участие в борьбе с саботажем и внутренней контрреволюцией в ряде областей страны. Она участвовала в работе Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий в июле 1918 года. Принимала участие в губернских конференциях ЧК в Великих Луках и Витебске. За этот период своей деятельности П. И. Путилова снова зарекомендовала себя, как отмечали видные руководители ВЧК, твердой революционеркой, коммунистом, беззаветно преданным делу пролетарской революции, обладающим хорошими организаторскими способностями[1].

Успешно работая в центральных органах ВЧК, П. И. Путилова все больше рвалась на передний край борьбы с врагами революции. Она не раз просила отправить ее на фронт или в прифронтовую полосу для борьбы с контрреволюцией. Ей пошли навстречу. Летом 1918 года она была вызвана в Москву, где получила назначение для работы в органах ЧК тыла Восточного фронта, являвшегося тогда решающим фронтом борьбы молодой Страны Советов с внутренней контрреволюцией и иностранной интервенцией.

В мае 1918 года вспыхнул контрреволюционный мятеж белочехов. В. И. Ленин призвал трудящихся Советской России к скорейшему разгрому этого опасного очага контрреволюции, подчеркивая, что это задача первостепенной важности для молодой Страны Советов. Для борьбы с белочехами, к которым присоединилась большая масса белогвардейского офицерства, была быстро создана 1-я Революционная армия Восточного фронта под командованием М. Н. Тухачевского и В. В. Куйбышева.

[1] «Еженедельник ЧК», № 1, Москва, 1918 г., стр. 18.

25 мая 1918 года белочехи захватили г. Пензу и развернули наступление в сторону станции Рузаевка. Современная территория Мордовии стала прифронтовой полосой Восточного фронта.

Партия, Ленин послали на решающий фронт борьбы с контрреволюцией лучших работников ЦК, ВЦИК, ВЧК. Среди них была и Прасковья Ивановна Путилова, выбравшая именно этот участок борьбы еще и потому, что здесь сражался её муж Г. Бруно.

В августе 1918 года П. И. Путилова прибыла на работу в органы ВЧК станции Рузаевка. Рузаевка была в то время важным опорным пунктом тыла 1-й Революционной армии Восточного фронта.

С возникновением Восточного фронта в Рузаевке и её уезде политическое положение резко обострилось. Пользуясь тем, что все основные партийные и советские силы были посланы на фронт, кулаки, запугивая население, срывали организацию комбедов, чинили всевозможные препятствия продотрядам в сборе излишков хлеба для голодающих трудящихся Петрограда и Москвы. В руководстве Рузаевского уисполкома до июля 1918 г. было засилье «левых» эсеров, которые почти не принимали никаких мер против распоясавшегося кулачества, выступая против хлебной монополии. Дело резко изменилось, когда председателем Рузаевского уисполкома вместо эсера был назначен коммунист А. И. Юрасов. Но окончательно уисполком от «левых» эсеров был освобожден только в начале августа 1918 года.

Кроме посланцев ЦК партии и ВЦИК, в прифронтовой полосе Пензенской и Симбирской губерний большую политико-массовую работу проводили агитаторы политотдела Первой армии под руководством В. В. Куйбышева.

В результате совместных усилий местных партийных и советских органов, агитаторов политотдела Первой армии, а также посланцев Москвы, Петрограда и других городов положение в прифронтовой полосе резко улучшилось, трудовое крестьянство поняло, что их заклятыми врагами были и остаются кулаки. В этот период кулачество начинает открыто вести борьбу против Советской власти.

Особенно усиливаются выступления кулачества осенью в период наибольшего изъятия хлебных излишков. На территории Мордовии в августе-ноябре 1918 года было несколько кулацких мятежей, в том числе в селах Яковцина бывшего Рузаевского уезда, Глушково бывшего Инсарского уезда и Лада бывшего Саранского уезда.

С приездом в Рузаевку Путилова П. И. сразу же принялась за организацию борьбы с контрреволюционерами в Рузаевском уезде. Бывший член Рузаевского уисполкома Царев А. Ф. сообщает, что тов. Путилину (Путилову) он знал как хорошего чекиста по борьбе с контрреволюцией. При обысках, где участвовала

тов. Путилова, обнаруживалось, кроме оружия, много скрытых ценностей и запасов продовольствия[1].

4 сентября 1918 года в ЧК Рузаевки поступили сообщения о контрреволюционной пропаганде, проводимой в окружающих селах и деревнях монахинями женского Знаменского монастыря близ с. Яковщина. Монахини, подстрекаемые игуменьей, при активной поддержке кулачества развернули летом—осенью 1918 г. агитацию против социалистических мероприятий в деревнях Мордовии. Они пытались сорвать организацию комбедов, всячески тормозили работу новых опорных пунктов социализма среди мордовского крестьянства. Главным средством их борьбы являлась политическая дезориентация тружеников деревни, преднамеренное извращение и провокационное истолкование деятельности Советской власти в деревне. Большинство монахинь Знаменского монастыря с первых дней победы социалистической революции в Мордовии были открытыми врагами Советской власти. Особенную ненависть к Советам они питали за то, что еще 17 ноября (31/X) 1917 года, узнав о победе революции в стране, крестьяне села Яковщина Инсарского уезда разгромили Знаменский монастырь, который долгие годы жестоко эксплуатировал окружающее русское и мордовское крестьянство. После этого удара монастырь уже не смог оправиться, многие монахини покинули его стены и расселились в близлежащих деревнях и селах, распространяя вокруг лютую ненависть к революции. Они вместе с кулаками пытались посеять недоверие тружеников деревни к Советам и комбедам, к продразверстке и продотрядам и т. д. Всю эту контрреволюционную работу направляла настоятельница Знаменского монастыря Слепцова, имевшая также тесную связь с Пайгармским женским монастырем.

Особенно усилилась контрреволюционная деятельность монахинь и кулачества осенью 1918 года. Она направлена была главным образом на срыв продовольственной политики в деревне. Вот об этом и сообщили 4 сентября в ЧК Рузаевки. Во второй половине этого же дня П. И. Путилова вместе с четырьмя красноармейцами выехала в село Яковщина проверить эти факты и в случае необходимости произвести аресты среди этих скрытых врагов революции.

Вечером 4 сентября 1918 года работники ЧК были в с. Яковщина. Быстро узнав о их приезде, настоятельница монастыря с помощью монахинь и кулачества подготовила открытое контрреволюционное выступление. Стараясь вовлечь в него окружающее крестьянство, монахини пустили провокационный слух о том, что продармейцы будут отбирать весь хлеб у крестьян. Утром 5 сентября в Знаменский монастырь, где остановились П. И. Путилова и красноармейцы, ворвались кулаки, монахини и ими обманутые отдельные крестьяне. Толпа кричала и

[1] За власть Советов. Саранск, 1957 г.

грозила группе Путиловой расправой. Чекисты во главе с П. И. Путиловой не растерялись. Путилова вышла навстречу озлобленной толпе и уверенно начала разъяснять крестьянам цель своего приезда. Боясь, что мужественная коммунистка разоблачит провокацию кулаков и монашек, монахини и кулаки бросились на П. И. Путилову, и один из подлых убийц ударил ее чем-то твердым по голове. П. И. Путилова упала. Озверелые кулаки и монахини с кольями и кирпичами в руках набросились на ее поверженное тело.

Так погибла юная героиня революции, коммунистка, видный работник ВЧК Прасковья Ивановна Путилова.

Совершив свое грязное дело, кулаки и монахини пытались скрыться в ближайшем лесу. Но в этот же день, т. е. 5 сентября 1918 года, красноармейские отряды из Рузаевки и Инсара выловили их, и они предстали перед военно-революционным трибуналом. Выражая волю трудящихся, он приговорил настоятельницу монастыря Слепцову, ее прислужницу-монашку и пять других активных участников кулацкого мятежа к расстрелу.

8 сентября 1918 года состоялись торжественные похороны П. И. Путиловой. Проводить в последний путь юную героиню революции вышли все трудящиеся Рузаевки. От здания Рузаевского уисполкома похоронная процессия под траурные звуки духового оркестра в сопровождении почетного караула двинулась на площадь, которая находилась тогда рядом с паровозным депо, теперь рядом с клубом им. Ухтомского. Здесь состоялся траурный митинг. Все выступавшие взволнованно говорили о мужестве и беспредельной преданности делу партии и революции П. И. Путиловой, с гневом клеймили ее подлых убийц и клялись до конца довести дело революции, за которое, не колеблясь, отдала свою юную жизнь П. И. Путилова.

Затем прогремел оружейный салют. Светлый образ юной коммунистки, присланной из Москвы, навсегда остался в памяти трудящихся Мордовии.

О ЯСАКЕ И МОРДОВСКОМ БЕЛЯКЕ[1]

В. П. ЯМУШКИН

Во всех платежных документах первой четверти XVII века за пользование бортными ухожаями в Алатырском, Темниковском, Кадомском уездах и Верхоценской волости Шацкого уезда неизменно встречаются названия «ясак» и «беляк». Выражаемые этими терминами понятия до сих пор не получили общепринятого объяснения. В учебной и научной литературе ясаком обычно называется какой-то довольно неопределенный вид платежа. В «Очерках истории Мордовской АССР» в разделе о податях и повинностях мордовского населения в XVII веке приводится цитата из исследования А. А. Гераклитова, где написано: «...мордва дер. Уды, Арзамасского уезда, в 1677 году с 19 дворов платила данных 78 коп., ясаку — 71 коп., полоняничных — 26 коп., ямских — 2 рубля 45 копеек, стрелецкий хлеб — 8 руб. 98 копеек, посопного хлеба — 6 руб., за пустые выти — 10 руб., за десятинную пашню — 5 руб. 28 коп.». В самих «Очерках» о ясаке с мордовского населения сказано: «Мордва уплачивала еще и ясак, который в XVII веке все более принимал денежную форму»[2].

Но что конкретно представлял из себя ясак, для кого и какой цели он взимался, чем он отличается от других платежей и во всех ли уездах он был одинаков и т. д. — все эти вопросы ни в «Очерках», ни в исследованиях Гераклитова не только не раскрыты, но и не поставлены. А без правильного объяснения сущности ясака, взимаемого с мордвы, затрудняется понимание своеобразия феодальных отношений и феодальных повинностей мордовского населения.

В одном из номеров журнала «Вопросы истории» за 1956 год опубликована интересная статья научного работника Чувашского научно-исследовательского института В. Д. Дмитриева[1]. Автор справедливо отмечает, что в исторической литературе и научной и учебной о ясачном обложении народностей Поволжья в составе Русского государства существует самое разноречивое представление — взимаемый с них ясак смешивается с ясаком Сибири, Приуралья и т. д. Совершенно верно также его утверждение, что неодинакова была в различных местах и социальная природа ясака (дань, рента, налог). Излагая сущность ясака в районах бывшего Казанского царства и его изменения, автор попутно сделал вывод, что обложение мордовского населения бывших уездов: Арзамасского, Нижегородского, Кадомского и Темниковского в XVI—XVII вв. было аналогично платежам русских крестьян черных земель и что мордовские и русские бортники этих мест за пользование лесами для охоты облагались небольшим ясачным оброком[2]. Совершенно верно, что обложение мордвы в этих уездах за пользование землей и лугами было аналогично платежам русских крестьян. Но никак нельзя согласиться с трактовкой В. Д. Дмитриева об обложении ясачным оброком мордовского и русского бортничающего населения якобы за пользование охотничьими угодьями. Такое представление находится в полном противоречии с документальными данными. Автор очень убедителен в своей критике неправильных определений ясака и суждений о нем, которые делаются без учета местных исторических и экономических особенностей того или иного района. Но когда он делает попытку дать обобщение о взаимном ясаке с мордовского населения различных уездов и тоже без учета особенностей каждого из них, сам становится на неправильный путь. Как видно из ссылок, В. Д. Дмитриев составил свое суждение о мордовском ясаке как обложении за пользование удобными для охоты лесами только на основании документов, собранных в первом томе сборника по истории Мордовской АССР. Документы эти извлечены из «Актов писцового дела», изданных Веселовским, «Арзамасских поместных актов», им же собранных, и сборников Нижегородской архивной комиссии. Все они относятся к мордве Нижегородского и Арзамасского уездов и позволяют составить некоторое, довольно неясное представление о ясаке лишь с мордвы этих уездов и совершенно не могут дать правильного понимания сущности ясака, взимавшегося в других уездах с мордовским населением. Ясак с Кадомской, Темниковской, Алатырской и Цненской мордвы в XVII веке отличается от ясака, упоминаемого в Арзамасском и Нижегородском уездах.

В писцовых книгах и столбцах приказных изб первых четырех уездов ясак во всех без исключения случаях взимается

---

[1] Печатается в порядке обсуждения. Редколлегия «Трудов» просит читателей высказать свое мнение по данному вопросу.

[2] «Очерки истории Мордовской АССР», том I, 1955 г., стр. 120—121.

[1] В. Д. Дмитриев. О ясачном обложении в Среднем Поволжье. «Вопросы истории», 1956 г., № 12.

[2] Указанная статья, стр. 109.

только с бортных ухожаев, которые представляли из себя комплекс почти всех промысловых угодий того времени. Бортный ухожай обычно состоял из ряда хозяйственных объектов «со всяким вотчинным угодьем. С сычем, земцом и с орловым, и ястребцовым гнездом, и со пнем, и с колодою, и стоячим деревом, и с бортною делью и со пчелами старыми и молодыми, и с луги, и с озеры, и с истоки, и с малыми текучими речками и с полями и с липяги, и с дубровами, и с рыбного и бобрового ловлею, и со всяким становым зверем, с лосем, и с козою и свиньею»[1]. Охота в этом комплексе была лишь одним из промыслов. Рыболовные угодья и бобровые гоны большею частью отмечались особо, и платежи с них взимались также особо. Для того, чтобы иметь ясное представление о платежах с бортных ухожаев Кадомской, Цненской, Темниковской и Алатырской мордвы, привожу из огромного количества записей такого рода некоторые примеры. В столбце по Темниковскому уезду, относящемуся к тридцатым годам XVII века, совладельцы четырех бортных ухожаев деревень Керетиной, Волгапина и Инзеры должны были «оброку платит... с тех вотчин старого 6 пуд с четью пуда меду, а новоприбылого пуд с четью пуда меду, да с того меду пошлин 6 алтын полдве денги, а ясашных денег старого рубль 20 алтын, 5 денег, да новоприбылой 5 алтын. Да старой и новоприбылой за три куницы без пол пол пол треть куницы — рубль 6 алтын платит с полуденьгою да с куницы пошлин по... денге»[2]. Или другая запись этого же столбца, относящаяся к татарам деревни Инзеры-Сююшу и Литбаеву с товарищами, с которых причиталось за пользование бортными ухожаям в двух местах «оброку... старого полупуда меду, да новоприбылого 5 гравен, с меду пошлин 3 денги, ясашных денег старого 6 алтын с полуденгою да за полкуницы... чет старого 5 алтын, за новоприбылую за полчет 10 денги пошлин полденги»[3].

«Мордва деревни Морша (ныне гор. Моршанск) — Кечатка да Кичемарка Копашевы, да Познячка Памшев за пользование бортным ухожаем платили: пуд меду,... ясаку с меду 8 алтын 2 денги, куничных 6 алтын 4 денги, пошлин с меду 5 денги, с полукуницы пошлин полуденьги»[4].

Таким образом, как видно, платежи с бортных ухожаев здесь состояли из меда, выплачиваемого натурой и редко заменяемого деньгами, пошлины с меда, выплачиваемого только деньгами, вторых пошлин с меда, взимаемых тоже деньгами, под названием ясака, куничных и пошлин с них, выплачиваемых тоже только деньгами.

---

[1] *Пискарев П. И.* Документы... Мамонтовой пустыни. Тамбов, 1887 г., № 3.

[2] ЦГАДА, столб. Кад. и Темник. прик. изб. № 32, л. 3—23.

[3] Там же, л. 3

[4] ЦГАДА, Саранская приказная изба, столб. 57/201, л. 57—58.

Такой же пятистатейный платеж взимался за пользование бортными ухожаями и в Алатырском уезде[1].

Ясак, как видно из приведенных записей, выступает лишь в качестве одной из платежных статей с бортных ухожаев. Термин ясак как название известного платежа, несомненно, имеет свое происхождение из Золотой Орды и Казанского ханства, употреблялся потом и в практике русского делопроизводства, но только в отношении платежей татарским феодалам в Мещере и мордовскому князю Куломзину[2].

Размером бортного ухожая и его качествами с точки зрения рентабельности определялось количество выплачиваемого меда, размеры пошлин с него, второй пошлины с меда — ясака и куничных с пошлинами. К концу XVIII века пошлинные, ясачные и куничные деньги обозначались без подразделения по статьям — суммарно, формулой «денежных всяких доходов».

Ясачное обложение в этих уездах распространялось на мордву, русских и нефеодальные слои татарского населения, пользующихся бортными ухожаями. Татарские и мордовские князья за пользование бортными угодьями ясачных денег не платили.

Для уяснения сущности ясака, взимаемого с населения Алатырского, Темниковского, Кадомского уездов и Верхоценской волости, необходимо остановиться на происхождении этого вида платежа. Известно, что еще задолго до объединения русских княжеств в единое централизованное государство с центром в Москве на службу к московскому царю поступали выходцы из различных татарских орд — татарские князья. За службу они получали от московских князей разного рода пожалования в виде сборов с различных доходных мест: мельниц, мостов, кружечных дворов, пошлин с разбойных дел, поземные и полавочные с посадов и в виде права на получение с мордовских бортных ухожаев пошлин, называвшихся по монголо-татарской терминологии ясаком. Московские князья, как известно, отдавали татарским феодалам когда-то в кормление целый ряд подмосковных городов: Серпухов, Звенигород, Каширу, Юрьев, Сурожек и Мещерский городок на Оке, который впоследствии стал называться Касимовым[3].

Но больше всего татарских князей было размещено в обширной Мещере, простиравшейся между Русскими княжествами и Золотой Ордой. В пределах местности под названием Мещеры находились и мордовские земли. Значительная часть Мещеры в силу своего пограничного положения не могла быть использована русскими феодалами. Из городов Мещеры в большей мере были защищены от татарских набегов города: Шацк, Кадом и

---

[1] Списки с писцовых книг письма и меры Д. Пушечникова, 1624—1626 гг. Древлехранилище Саратовского ун-та.

[2] Там же.

[3] *Вельяминов-Зернов.* Касимовские цари и царевичи, т. I предис. стр. 4.

Елатьма. Они и отдавались в кормление русским феодалам. В 1426 году Василий Темный жалует некоего А. Г. Раслу с сыном Кононом в местничье кормление городами Елатьмой и Кадомом[1]. В 1508 году московский князь Василий Иванович жалует крупного и знатного московского феодала Протасья Акинфовича Протасьева торговыми пошлинами в Мещере и Мещерском уезде[2]. В 1589 году жалуются в наместничье кормление города Елатьма и Кадом сыну Протасья Акинфовича — Келарю Протасьевичу[3]. Отдавалась русским феодалам в кормление и наиболее ассимилированная часть мордвы. В 1491 году московский князь Иван III жалует в кормление представителя московской феодальной знати—Никиту Васильевича Ознобишина кирдановскою мордвою[4]. А. А. Гераклитов в своем специальном исследовании о кирдановской мордве[5] пришел к выводу, что кирдановская мордва в конце XV века находилась на юго-востоке от Муромы и была подведома ей. В настоящее время, да и двумя веками раньше, в этой местности мордвы уже не было, видимо, она давно обрусела.

Но с большей части мордвы предоставлялось право взимать известные пошлины татарским феодалам. В более ранний период, когда на территории мордовских поселений возникали татарские образования в виде княжеств, видимо, все платежи за пользование бортными ухожаями шли в пользу господствующих татар.

Наиболее древними и знатными татарскими родами в Мещере, и в том числе среди мордвы, получавшими право взимать известные платежи, были князья Кугушевы, Янгалычевы и Ишеевы и др. Родоначальником Кугушевых был Бехан — современник Д. Донского. Князья Енгалычевы ведут свое начало от выходца из Золотой Орды в XV веке — князя Мамы.

С какого времени стал взиматься с Кадомской, Алатырской, Темниковской и Цненской мордвы ясак, точно установить невозможно. Но сохранившиеся документы о пожаловании мордовским ясаком свидетельствуют о большой давности этого платежа. Под 1554 годом в грамоте Ивана IV читаем: «Пожаловал есми Емаша мурзу да Исяша мурзу Тенишевых детей Кугушева, Сыхретинские мордвы Кучукова беляка, ясаком, как был тот ясак Шакчуре да Мешаю, а наперед того тот ясак был за казанским князем за Мамышем с сыном[6]. Таким образом, Сыхретинская мордва до мурз Кугушевых платила ясак некиим Шакчуре да Мешаю, а раньше того — казанскому князю Мамышеву.

[1] Акты XIII—XVII вв. ЧОДР, 1898, кн. II, док. 6.
[2] Там же, док. 73.
[3] Там же, док. 239.
[4] Др. Рос. Вивлиофика, т. XV, док. 5.
[5] *А. А. Гераклитов.* Кирдановская мордва, Саранск, 1927 г.
[6] ИТУАК, вып. 24, прил. 2-е, стр. 32.

Этот документ показывает также, что Кугушевым предоставлялось право взимать платежи лишь с части Сыхретинской мордвы, а именно, с Кучукова беляка. Значит, Сыхретинская мордва состояла из какого-то количества беляков, один из которых именовался Кучуковым.

С массовым притоком русского населения в районы мордовских поселений последние оказывались расслоенными на отдельные куски. Эти районы с более или менее сплошным мордовским населением получали именования по названию рек, селений и урочищ. В Нижегородском уезде в первой четверти XVII века отмечалась мордва: Запьянская, Вадцкая, Сескинская, Татарская, Березпольская, Борцовская, Теперевская, Терюшевская и Бакшеевская[1]. Кстати, большинство названий станов произошло от названий компактных групп мордовского населения.

Предоставленное тому или иному феодалу право взимания ясака становилось большею частью потомственным правом.

В 1608 году темниковский мурза Ишей Барашев просил царя Шуйского за его, Барашева, 35-летнюю службу и понесенные при этом лишения пожаловать его «деда и брата его княжением». В доказательство правоты своих претензий Барашев писал: «А дед его князь Акчура был пожалован княженьем на Суконяльскую мордву, а после деда его тем княжением был пожалован брат его двоюродный, князь Сатан Кулаев, сын Акчурин, и брата его князь Сатая не стало, а детей после его не осталось»[2]. Просьба Ишея Барашева была удовлетворена. С вступлением на престол Михайла Федоровича это пожалование было подтверждено, и царь «ни в чем ее рушити не велел».

Наследственно переходящий ясак с размножением рода дробился между потомками, из которых каждый получал свой жребий.

В 1606 г. на имя Лжедмитрия I поступила челобитная от вдовы темниковского князя Колунчака Еникеева — Салтаны с дочерью и двумя сыновьями, где она за выслуги ее мужа просила пожаловать ее и дочь поместьем на прожиток. Вдова с дочерью в поместье получила деревню с 50-ю четями земли. В отношении же сыновей в пожаловании было сказано: «Да мы же пожаловали княж Кулунчаковых и ее Салтаниных детей Килмамая мурзу да Ураз мурзу, отца же их выслугою поместьем и тамгою и с посаду поземными и полавочными и мордовским ясаком отца их жеребьем одиннадцатью рублем с четью»[3].

По многочисленным столбцам Кадомской и Темниковской приказных изб, содержащих большое количество платежных списков, а также по писцовой книге 1622 года о ясачных сборах

[1] ДНУАК, т. IV, отд. III, стр. 9—127 или Докум. и мат. по ист. МАССР, т. I, док. 42.
[2] ИТУАК, вып. 23, прил. 2-е, стр. 102.
[3] ИТУАК, вып. 23, прил. 3-е, стр. 31.

с Цненской мордвы[1] не представляется возможным установить назначение неизменно упоминающегося ясака. Правда, стереотипно повторяющиеся платежные статьи: мед, пошлина с меда, ясак, куничные и пошлины с них — создают о ясаке впечатление как о своеобразной пошлине. В списке с писцовой книги Д. Пушечникова 1624—1626 гг. очень ясно прослеживается персонифицированный и пошлинный характер ясака. Здесь так же, как и в других уездах, по сложившейся финансовой практике после описания бортных ухожаев тех или иных владельцев указывается размер причитающихся платежей. И вот в этих записях с полной ясностью показывается, во-первых, персональный характер назначения ясака и, во-вторых, то, что ясак является пошлиной. О владельцах бортными ухожаями деревни Кирдяпино записано: « А оброку с тое вотчины платят 18 пуд с полупудом меду да ясачных денег Кирдюшевского беляка 4 рубли 14 алт. 4 денги да государева ясаку рубль 30 алт. 2 деньги да 2 куницы»[2].

Здесь, как видно, ясачные деньги в размере 4 руб. 14 алтын и 4 денег называются деньгами Кирдюшевского беляка, а стереотипно помещающиеся в столбцах Кадомской и Темниковской приказных изб под названием пошлин с меда названы деньгами «государеву ясаку». Значит, в практике приказного делопроизводства XVII века термины ясак и пошлина были равнозначащими понятиями. В приведенной записи различаются два вида ясака или пошлин: Кирдюшевского беляка и государевы. Последующие записи в этой же книге поясняют значение, или вернее назначение, ясака, названного в записи ясаком Кирдюшевского беляка. О платежах владельцев бортными ухожаями деревни Кирдяево сказано: «А оброку с тое вотчины и знамен платит 5 пуд с полупудом меду да пошлины с пуда по 5 денег да ясаку князь Девлет-Кильдеевского 25 алтын»[3]. Здесь ясак, определявшийся в предыдущей записи, как ясак Кирдюшевского беляка персонифицирован и выступает в качестве пошлины князю Девлет-Кильдееву. Так же сказано о владельцах деревни Лунги: «А оброку им платит 16 пуд меду да ясачных денег 30 алтын, за куницу 4 алт. да князь Кежедеевского ясаку платят 10 алтын...»[4]. Такое же назначение ясака, или пошлины, определенному лицу из татарских феодалов находим и во многих других записях этой книги.

В итоговых данных о платежах по всему Алатырскому уезду персонально назначаемые под названием ясак деньги в общую сумму, идущую в государеву казну, не включаются. «И всего с Олаторской мордвы по новому письму и мере 1330 пуд и 6 гривенок меду, пошлин с пуда меду по 5 денег. Итого 33 рубли 8

[1] ЦГАДА, столб. Саранской прик. избы, № 57/201.
[2] Список с писцовой книги письма и меры Д. Пушечникова, 1624—1626 гг., Саратовский ун-т, древлехранилище, л. 7.
[3] Там же, лл. 11—12.
[4] Там же, л. 114.

алтын, 3 денги, 207 куниц без чети куницы, а за куницу деньгами по 13 алт. по 2 денги»[1].

Во второй половине XVII века ясачное обложение мордовского населения как выплата специальной пошлины тому или иному татарскому феодалу с бортных ухожаев утратило свое прямое назначение, ибо главным источником становится земля с рабочей силой, но продолжало взиматься под таким же названием и поступать уже в распоряжение государственной казны. Поэтому вместо прежнего постатейного перечисления видов налога и пошлин все денежные доходы государства обозначались формулой «денежных всяких доходов». Таким образом, ясак с мордвы Алатырской, Кадомской, Темниковской и Цненской взимался только с бортных ухожаев и имел персонифицированный характер. В первой четверти XVII века в этих уездах никогда не допускалось смешение ясака с пошлинами с меда и куничных. В некоторых случаях в Алатырском уезде, в записях Пушечникова, вместо определения «государева ясака» встречаются определения «казанского ясаку»[2].

Несколько различается ясак, взимавшийся с населения Арзамасского уезда, от ясака с Алатырской, Кадомской, Темниковской и Цненской мордвы.

Наиболее полное представление о ясаке с Арзамасской мордвы можно составить по писцовой книге от 1677 года[3]. Эта книга представляет большой интерес, в ней приводятся сравнительные данные четырех предыдущих несохранившихся переписей и дозоров: писцовых книг Измайлова от 1628 года, дозора Янова от 1637 года, дозора Зубова от 1641 года и переписи Лызлова от 1646 года. К сожалению, книга в ряде мест перебита, и переписчики сняли копию с разрозненных листов подряд. Но основное содержание книги устанавливается довольно хорошо.

Ясак в Арзамасском уезде платила вся мордва и бортники подворно, т. е. взимался он с земли. С бортных ухожаев владельцы их тоже платили соответствующие оброки и пошлины, но в числе этих платежей нигде не упоминается ясак как персонифицированная пошлина. Здесь плата состояла из меда, пошлин с него, куницы и пошлин с неё, т. е. состояла только из четырех статей.

Например, всего в Утишном стану значилось на 1677 год мордовских и бортничих 1023 двора, 2460 человек в них, 7 дворов бобыльских, в них 11 человек и 118 вдовьих дворов, в них (имеется в виду мужского пола) 10 человек. Это население за все виды пользуемых земельных и луговых угодий должно было «великого государя денежных доходов и стрелецкого, и посопного хлеба, и за хлеб, и за десятинную пашню, и

[1] Список с писцовой книги письма и меры Д. Пушечникова, 1624—1626 гг., Саратовский ун-т, древлехранилище, л. 479.
[2] Там же, лл. 382, 385.
[3] ЦГАДА, книга 3562.

за пустые выти денег по складу: данных 53 руб. 11 алт. пол четверты денги, ясашных 21 рубль 19 алтын, 2 денги, ямских 171 рубль 8 алт. 3 денги, стрелецкого хлеба 628 чети»[1]. В переводе всех этих платежей на деньги получалась сумма в 2107 руб. 6 алтын, полчетверты денги[2].

Ясашные денги —21 руб. 19 алт. из этой суммы составляли менее одного процента.

Таким образом, ясак в Арзамасском уезде взимался подворно и платился с земли. Происхождение его по наличию имеющихся материалов не представляется возможным установить. Но в качестве предположения можно допустить, что ясак в Арзамасском уезде XVII века является пережитком, сохранившимся с более ранних времен.

В Нижегородском уезде с мордвы, мари, чуваш за пользование бортными ухожаями взимались: оброчный мед, денежные пошлины с него и за куницу[3]. Но иногда пошлины с куниц и белок и здесь называются ясаком, т. е. обозначаются монголо-татарским наименованием. В докладной из Новгородской чети о платежах с мордовских и бортных сел Нижегородского уезда и марийцев, пользующихся бортными ухожаями уезда, сказано: «Да с мордвы и бортников, и с Кузмодемьянские, и с Чебоксарские, и с Ядринские и Курмышские черемисы, которые бортные ухожаи ходят в Нижегородском уезде, за оброчные за 233 куницы с полукуницею и за белки ясачных денег и с меду денежных пошлины 84 рубля 5 алтын с полуденьгой»[4]. Эти пошлины с куницы названы ясаком и в наказе Новгородской чети от 15 сент. 1629 г.[5] Но в извлечении из приходной книги Нижегородской чети за 1614—1615 гг. ясачные с куниц названы пошлинами: «3 бортников же, и с мордвы, и с черемисы за оброчные за 531 куницу с четью и с пошлинами 167 руб. 11 алт. 2 денги»[6].

Таким образом, персонифицированной пошлины, или ясака, как такового, что можно еще было наблюдать в Алатырском, Темниковском и Шацком уездах, в Нижегородском и Арзамасском уездах в XVII веке уже не существовало. Но сохранение термина «ясак» здесь, несомненно, является верным показателем, что некогда осуществлялась известная обязательная плата в пользу татар и в этих уездах.

Но в тех же нижегородских платежных списках, когда дело касается платежа мордвы Нижегородского уезда в Мещерские

[1] Указанная книга, лл. 294—295.

[2] Здесь под ясашными, несомненно, следует понимать государственные пошлины, ибо, как отмечалось выше, в практике делопроизводства в Алатырском уезде государственные и персональные пошлины часто обозначались термином ясак.

[3] См. Действия Нижегород. ученой архивной комиссии, сб., т. VII, стр. 471, Докум. и мат. по истории Мордов. АССР, т. I, стр. 259, док. № 45.

[4] Докум. и мат. по ист. Мовд. АССР, т. I, стр. 268—269, д. № 50.

[5] Там же, стр. 271, док. № 51.

[6] Там же, стр. 233, док. № 38.

города, в частности Елатьму, за белки указывается двойная пошлина, или двойной ясак, один из коих персонифицирован. В извлечении из списка с Нижегородских приходных окладных книг отмечается: «Мордва Нового Можарова, Андосево тоже, у Налетка Кудаева з братьею и с племянники за 30 белок с полубелкою 5 алтын с полуденьгою, ясаку, что платили в Елатьму 40 алтын, да Борклева ясаку рубль 2 гривны»[1].

Знакомство с документами создает довольно определенное впечатление, что термин «ясак», перейдя в обиход русского делопроизводства из Золотой Орды и Казанского ханства и означавший плату в пользу татарских феодалов, сохранялся во всех уездах с мордовским населением. Эта плата взималась только с бортных ухожаев, но в одном месте с меда, в другом с пушнины — куницы и белки. Поземельный сбор ясака в Арзамасском уезде представляется своеобразным изменением некогда получаемого ясака с бортных угодий. Думается, что аналогия с практикой из жизни Цненской мордвы вполне пригодна для объяснения арзамасского поземельного ясака. С Цненской мордвы в первой четверти XVII века за пользование бортными ухожаями взимались платежи медом, за куницу и другие только с владельцев бортными ухожаями. К семидесятым годам XVII века условия для ведения бортного хозяйства, в связи с хищническим уничтожением лесов, решительно изменились. Но правительство не снимало взимание меда в виде обязательного платежа. Только теперь мед брался под названием столовых запасов и со всего населения, вернее с количества земли.

Так, с Моршанского десятка в 1671 году причиталось «великого государя денежных доходов с выти по 10 рублев, да бобыльских денег по рублю по 5 алтын, да столовых запасов по 2 пуда меду, по 2 полтя свиного мяса, по пуду полоть, по полупуду масла коровья, хмелю тож, да стрелецкого хлеба — ржи и овса по 4 юфти с выти, да полоненичных денег по 4 денги со двора»[2].

Хорошо известно, что господство или, вернее, экономическое преобладание татарских феодалов в районах поселений мордовского населения сменилось преобладанием русских феодалов ко второй половине XVII века во всех уездах, а в некоторых и раньше. Ясак в прямом его назначении в XVII веке в большей мере сохранялся там, где дольше сохранялось право татарских феодалов взимать его, но терминологически пережиточно встречался во всех уездах с мордовским населением.

Пошлины с меда и куниц в руках государства были своеобразным резервом для важных пожалований и в более позднее время и не только в пользу татар. Небезынтересно отметить, что в

[1] Документы и матер. по истории Морд. АССР, т. I, стр. 247, док. № 247.

[2] ИТУАК, вып. 45. Переписная книга сел и деревень Верхнецненской волости.

1614 году пошлины с меда и куниц нижегородской мордвы были пожалованы Минину и Пожарскому. В этом году мордвин из деревни Березецкой Нижегородского уезда Вечко Кечемасов «во всех товарищей своих место», перечисляя виды поборов с мордвы, указывал: «Да мы ж, государь, платили твоему боярину князю Дмитрею Михайловичу Пожарскому да Кузьме Минину оброк, за год медвеной и куницы деньгами»[1]. Думается, что пожалование Минина и Пожарского в 1614 году медведным оброком и куницей с Березецкой мордвы было своего рода рецидивом некогда господствовавших порядков, когда право взимания оброков получали только татарские феодалы.

Таким образом, ясак, взимавшийся с мордвы в XVII в., или точнее в первой четверти века, в различных местах имел свои особенности, и его никак нельзя считать одинаковым для всей мордвы. В то время как в Нижегородском уезде он полностью утратил свои прежние черты и в качестве ясака не взимался, в Алатырском уезде еще сохранялся в прямом своем назначении, как пошлина татарскому и мордовскому феодалу. В Кадомском и Темниковском уездах ясак, как некогда взимавшаяся пошлина в пользу татарских князей, выплачивался до конца века, но так как эти феодалы источником своего существования и несения службы имели уже поместья, а не пошлины разного рода, деньги под названием ясачных шли уже в казну государства.

Ясак как налог в пользу татарских феодалов довольно четко прослеживается по сохранившимся документам. Несколько сложнее обстоит дело с уяснением сущности беляка.

В писцовых книгах первой четверти XVII века Алатырского и Арзамасского уездов каждое селение считается принадлежащим тому или иному беляку. В книгах 1624—1626 годов по Алатырскому уезду эти приписки деревень к белякам формулируются так: «Деревня Ардатово на реке на Муравлее, Лунгинского беляка, а в ней мордовских тяглых дворов... И всего в д. Ардатово 20 мордовских дворов»[2]. Так же примерно записывается деление селений по белякам и в Арзамасском уезде. «Деревня Пинетаева, Мещерского беляка, на реке на Озерке..., а в ней мордва...»[3].

Причисление селений Кадомской, Темниковской и Цненской мордвы к тому или иному беляку отмечается только при описании бортных ухожаев и причитающихся с них платежей.

В Нижегородском уезде белячное деление мордовских и бортных поселений в известных архивных документах не встречается.

Мордовский беляк еще в шестидесятых годах прошлого века

[1] Документы и мат. по ист. МАССР, т. I, стр. 229, докум. 34.
[2] ЦГАДА, кн. 3535, л. 4 об.
[3] ЦГАДА, кн. 3562, л. 17 об.

привлек внимание исследователей. А. А. Гераклитов в своей небольшой, но весьма обстоятельной статье «Мордовский беляк»[1] приводит определение беляка исследователями: Белокрысенко, проф. И. Н. Смирновым, Черменским и проф. Любимовым.

Белокрысенко, первый высказавшийся о сущности беляка, полагал, что названием беляк указывалось «на древнейшее деление местного инородческого населения по родам мордовских и татарских мурз и князьков». Но административного значения, по мнению Белокрысенко, беляк не имел.

Проф. И. Н. Смирнов видел в беляке участок мордовской территории, принадлежащий отдельному князьку — мурзе татарского происхождения. Черменский беляк считал тоже земельным владением с мордовским населением, принадлежащим знати татарского рода. В пояснение своей мысли об этих владениях он пишет: «Русские историки называют их «княжением», а татарским обозначением их было слово «беляк». Проф. Любимов беляк определяет как более обширный административно-владельческий татарский район, в состав которого входили и мордовские селения.

В исторической литературе, выпускаемой Мордовским научно-исследовательским институтом, для определения беляка принята точка зрения Черменского с добавлением некоторых пояснений, приводимых Гераклитовым[2].

А. А. Гераклитов, резюмируя высказывания своих предшественников, пишет: «Таким образом, в сущности говоря, ни Смирнов, ни Черменский, ни проф. Любимов не прибавили, кроме более, быть может, современной исторической терминологии, ничего нового к тому, что по поводу беляка сказал 50 лет тому назад А. Белокрысенко: «беляк — это владение отдельного татарского или мордовского князька — мурзы».

Но как видно, расхождения в приведенных взглядах есть. Они касаются национальной принадлежности владельцев беляков — одни считают их представителями только татарской знати, другие — и мордовской. Затем, одни считают беляк административной единицей, другие не признают за ними административных функций. И все же, несмотря на множество высказанных мнений о мордовском беляке, сущность его остается и по сей день нераскрытой.

Что беляк является продуктом феодального общественного строя — бесспорно. В условиях безраздельного господства феодальных начал в XVI—XVII вв., естественно, не могли возникнуть или существовать, не приспособившись к ним, иные, кроме как феодальные, организации. Констатирование феодального

[1] *А. А. Гераклитов.* Мордовский беляк. Саратов, 1927 г.
[2] См. Очерки истории Мордовской АССР, стр. 48—49; статью М. Г. Сафаргалиева «К вопросу об общественном строе мордвы». «Ученые записки» № 13, стр. 86.

свойства беляка нисколько не приближает к пониманию его сущности.

Все приведенные мнения о беляке, как видно, стремятся понять, осмыслить его по аналогии с институтами русского феодального развития, исходят из норм и организаций, сложившихся в условиях русского феодализма и совершенно не принимают во внимание конкретных обстоятельств мордовской жизни, где зародился беляк и существовал.

Сам Гераклитов в понимании беляка подошел значительно ближе к его сокровенности, нежели его предшественники. Он писал: «Мне кажется, есть основание рассматривать беляк не как феод, находящийся по соизволению или пожалованию сюзерена в держании татарского князька, со всеми вытекающими отсюда последствиями, а как податное объединение, базирующееся на общности владения угодьями или их использования»[1]. Дальше, поясняя свою мысль, пишет: «...бортники, ходившие один и тот же ухожай, образовали артель сливщиков, плативших оброк сообща». Поэтому беляк есть объединение плательщиков, а не территория... Совместное пользование угодьем и общий оброк за него образуют беляк[2].

Скрупулезно кропотливый исследователь проф. Гераклитов на основе изучения многочисленных документов и главным образом столбцов приказных изб Кадомского и Темниковского уездов почти вплотную подошел к пониманию беляка. Но в его выводах чувствуется какая-то незаконченность, оторванность его суждений от конкретной действительности. Главное же, он изолированно рассматривает беляк как самостоятельный общественный институт, вне связи с выполняемыми им функциями.

Сам Гераклитов чувствовал, сознавал некую беспочвенность своих выводов, или вернее зыбкость почвы, на которой стоял, и с присущей ему научной добросовестностью и скромностью заявлял: «Я не закрываю глаз на то, что в вопросе о беляке мы находимся пока в области догадок, но мне представляется, что моя версия не менее, если не более вероподобна, чем и бывшая до сих пор в ходу»[3].

Нельзя не согласиться с Гераклитовым, что все допускаемые определения и суждения о беляке, в том числе и его собственные, являются догадками. Но его догадки о беляке, построенные на основе документов, ближе всего к истине.

Всякий общественный институт может быть правильно понят, научно осмыслен только тогда, когда будет установлено, какими потребностями и какого класса вызвано его появление и существование. А эти вопросы во всех приведенных мнениях о беляке не ставились. Суждения велись или полностью или в

[1] Указанная статья Гераклитова, стр. 8.
[2] Там же, стр. 8—9.
[3] Там же, стр. 9.

значительной мере умозрительно, по субъективному восприятию. И опять-таки нельзя не вспомнить добрым словом Гераклитова, который, характеризуя выводы своих предшественников, писал: «К сожалению, ни один из указанных выше исследователей не привел для доказательства своих положений ни одной справки из использованных им источников, ограничившись простым утверждением, и мы потому лишены возможности проверить правильность таких положений»[1].

В первой части статьи говорилось о том, что только татарским феодалам за их службу давалось право на получение в числе многих доходов и ясака с мордовского населения. В Алатырском уезде правом получения ясака пользовался мордовский князь Куломзин. Ясак в XVII веке в виде пошлины взимался с меда и в некоторых местах и с добываемой пушнины почти всегда деньгами. Возможно, что когда-то он получался натурой. Продукт бортничества — мед и в особенности пушнина с давних времен являлись товаром, имеющим большой спрос. Но в каком бы виде ни взимался ясак — натурой или деньгами, нужно было создать объединение плательщиков. Не мог феодал, получивший право на ясак, ездить по дворам и собирать мед или деньги и тем более не мог быть удовлетворен налогом с одного владельца ухожаем. Получение соответствовавшего положению и значимости феодала ясака могло быть обеспечено только от большего или меньшего объединения плательщиков. **У нас нет документов, говорящих об образовании беляков.** Но сама логика вещей, реальная обстановка того времени убедительно говорят, что феодал получал право на ясак с определенной группы людей, занимающихся промыслами в бортных угодьях. **Из потребностей извлечения ясака, таким образом, и возникает беляк, как группа плательщиков определенной территории.**

Таким образом, появление беляка было вызвано потребностями организации сбора ясака. Поэтому беляк не может рассматриваться вне прямого его назначения — получения ясака. Ясак и беляк неразрывно связаны между собой. Всякие аналогии беляка с другими феодальными организациями, возникшими в условиях русского феодального развития, абсолютно непригодны. Беляк является неповторимым феодальным учреждением, возникшим в условиях мордовской действительности, где в силу ряда исторических обстоятельств размещались татарские феодалы, получавшие право на взимание ясака с тяглого и служилого населения, но где мордовское население не превращалось в частновладельческих крестьян, а обязывалось платить лишь пошлины с меда или пушнины.

Наименование беляк, как объясняется в словарной литературе, происходит от татарского «буляк» (пожалование). Зна-

[1] Указанная статья Гераклитова, стр. 2.

чит, с какой-то группы плательщиков давалось право татарскому феодалу получать ясак. Вот этот округ или район, обязанный платить ясак тому или иному феодалу, и назывался татарским словом буляк или беляк. Размеры беляков, т. е. количество объединяемых в беляки плательщиков, не могли быть одинаковыми. Они определялись социальной значимостью получателя беляка.

При таком понимании беляка нет надобности генезис его искать где-то в татарских временах. Он возник ровно тогда, когда установилась практика пожалований ясаком с мордовского населения. В дальнейшем, когда среди мордвы стали селиться и русские и заниматься бортничеством, ясачная повинность распространилась и на них. Получив право на пошлину — ясак с сдаваемого меда мордвой, как основного населения ряда уездов, эта пошлина была распространена и на бортников и служилых татар.

Беляк, будучи пожалованным районом сбора ясака в пользу определенного татарского феодала, несомненно, в начальный свой период получал наименование по имени владельца, что явственно устанавливается по документам. Но по мере размножения потомков получателя беляка ясачная сумма дробилась между ними, каждый из коих получал свой жребий. Названия беляков по именному признаку первых владельцев постепенно забывались, заменялись или вытеснялись более современными. К концу XVI и началу XVII вв. первоначальные — именные названия сохранялись только за некоторыми, очень немногими беляками. Под 1554 годом, как указывалось в первой части статьи, Иван IV жалует детей Кугушева ясаком с Сыхретинской мордвы «Кучукова беляка». В списке с купчей мордвина Петуя Авкеманова, в 1594 году продавшего свой бортный ухожай Пурдышевскому монастырю, его деревня Тотушева значилась «Мурза Гильдеевского беляка»[1]. В книге ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости от 1622 года с мордвы — бортников деревни Мутасева — Неверки Полатова с братом причиталось к уплате «пуд меду Новосельского беляка Валзитова»[2]. Здесь Новосельский беляк назван и Валзитовым. В последующих записях он называется только Новосельским. Старое — именное название по имени Валзитова, видимо, сохранялось только в письменных документах, а повседневно назывался Новосельским.

Кершинский беляк, названный этим наименованием от мордовской в прошлом деревни Керша, назывался и Акчур-Кораевским[3].

В документах XVII века большинство беляков имеет названия, происходящие от наименований селений, урочищ и вообще географической номенклатуры. Так, например, в Алатырском уезде в первой четверти XVII века отмечаются беляки: Кашмурский, Тургаковский, Лунгинский, Сулеменский, Печерский, Кердюшевский, Келдемушевский, Скилишевский и др.[1].

В Кадомском и Темниковском уездах и в Верхоценской волости общими для них показываются беляки: Тялдемский, Кершинский и Кафтежанский и много других беляков в Верхоценской волости с названиями, происходящими от селений. В Арзамасском уезде беляки именуются по названию селений и местностей: Мещерский, Кирдяшевский и т. д.[2].

Данная статья не претендует на полное и всестороннее изложение всех вопросов, связанных с ясаком и беляком. Но изложенные соображения, основанные на анализе документов, кажется, раскрывают сущность ясака и беляка.

Как могли убедиться, суждения о беляке имеют почти столетнюю давность, однако вопрос в результате всех усилий исследователей так и не был решен. Шереметьевский, в свое время описавший столбцы Кадомской и Темниковской приказных изб в количестве 2288 номеров и в несколько десятков тысяч листов, не ставил своею целью исследовать беляк. А когда подошел к описанию по его нумерации столбца № 32, где население делится по белякам, он дал в подстрочном примечании совершенно правильное и краткое определение беляка — **«беляк — ясачный округ»**[3]. С таким определением беляка нельзя не согласиться. Приходится только удивляться, почему и как не обратил внимания на это проф. Гераклитов, который имел стилем научной работы изучение «документов, позволяющих составить собственное, а не заимствованное из вторых рук, мнение...», а доподлинно известно, что он был знаком с этим документом, на что ссылается в своей работе о беляке.

Итак, ясак в том понимании, которое содержится в платежных документах по Алатырскому, Темниковскому, Кадомскому уездам и Верхоценской волости в первой четверти XVII в. является своеобразным платежом татарским и мордовским феодалам, которые за несение службы получали право взимания пошлин с сдаваемого государству бортничающим населением в качестве налога меда. Полученное право взимать пошлину с мордвы распространялось и на русское и татарское нефеодальное население — тяглых, а также и части служилых. Каждому феодалу выделялся район, называвшийся беляком, с населения которого он собирал пошлины — ясак.

---

[1] ИТУАК, вып. 28, стр. 110.
[2] ЦГАДА. Столбцы Саранск. прик. избы, № 57/201, л. 2 об.
[3] Там же, л. 45 и др.

[1] Список Пушечникова.
[2] ЦГАДА, кн. 3535.
[3] ЦГАДА, столбцы Кадом. и Темник. прик. изб., № 32, примеч., помеченное двумя звездочками.

ИТЯКОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

П. Д. СТЕПАНОВ

Городище расположено у с. Итяково Темниковского района Мордовской АССР. Раскапывалось оно в 1951 г. археологической экспедицией Мордовского научно-исследовательского института под руководством П. Д. Степанова[1].

Раскопки велись широкими площадями с послойной регистрацией находок. Было вскрыто на глубину 0,6 м 432 кв. м, разделано же до конца 189 кв. м.[2] Культурный слой был темного цвета, располагался на площади городища неравномерно: в центре всего на 0,3—0,4 м. Он содержал многочисленные прослойки обожженной глины, золы, остатки сооружений, бытовые вещи, кости животных.

Сооружение № 1 представляло из себя глубокую прямоугольную яму, с ровным утрамбованным дном, вырытую в супесчаном грунте, она вскрыта частично. Яма имеет длину 4,7 м, ширину —4,3 м, глубину —2,25 м. На полу ямы по осевой линии оказалась небольшая ямка диаметром 0,5 м и глубиной 0.31 м от стоявшего столба. Никаких следов деревянных стенок и других конструкций не обнаружено.

Перекрытие над ямой сохранилось в западном конце в виде продольно расположенных обгорелых бревен в количестве 8 рядов различной длины и толщины. Помимо продольных бревен, обнаружены поперечные, лежавшие попарно под продольными и на них. Западные концы продольных бревен лежали на краю ямы, а восточные концы упали в яму и лежали на глубине до 1,2 м. Вероятно, они упали в яму до того, как она была засыпана (рис. 3.).

Засыпка ямы была разнообразной и многослойной (рис. 4). Расположение прослоек показывает, что перекрытие над ямой

[1] В экспедиции принимали участие сотрудники ин-та Н. П. Макушин, А. Е. Захаркина и студенты пединститута Жиганов, Канаева, Юткина.

[2] Было собрано 382 № различных вещей, 164 № орнаментированной и 221 вязка гладкой керамики, 307 вязок костей животных.

обрушилось давно, еще при жизни поселка. Образовавшийся провал затем был засыпан мусором.

Трудно решить вопрос о назначении этого сооружения. Считать его жилым нет оснований. Скорее всего это был погреб с обычным плоским перекрытием из бревен. В разных местах на его дне были обнаружены обломки глиняных сосудов. Располагался он в непосредственной близости от наземного сооружения № 2. Погреб был вырыт позднее расположенных по соседству с обеих сторон ям, так как он прорезал их (рис. 5).

Сооружение № 2 было обнаружено на глубине 0,3—0,4 м от поверхности в виде остатков обгорелых бревен и многочисленных остатков глиняной обмазки. Это сооружение было наземным. На протяжении 6 м в длину и от 3 до 4 м в ширину была обнаружена прослойка желтого песка мощностью до 1 м. Эта прослойка песка одним краем налегала на край сооружения № 1. Обожженные бревна лежали горизонтально по линии С—Ю и З—В. Концы части бревен обрушились в яму № 3. На слое песка лежала обширная площадка обожженной глины с мелкими обожженными камнями. В районе, прилегавшем к сооружению № 2, найдено 7 шт. льячек, целых и в обломках, пряслица, ножи и другие вещи.

Обнаруженные остатки сооружения № 2 не дают возможности решить вопрос о назначении его, но несомненно то, что оно было как-то связано с сооружением № 1. Можно предполагать, что в сооружении № 2 была какая-то мастерская.

На городище было вскрыто несколько групп ям, разных по форме, величине и глубине.

Группа I (№ 1, 13, 14, 15, 16, 17, 18) расположена с южной и северной сторон от сооружения № 1, которое как бы врезалось в эти ямы. Все ямы бесформенны. Наименьшая глубина 1,25 м, наибольшая —1,45 м. На дне некоторых обнаружена зола и растительный перегной. Все ямы вырыты в супесчаном грунте и сообщаются друг с другом, представляя одно сплошное углубление с неровным дном (рис. 5).

Группа II (№ 2, 3, 11, 12) расположена с северной стороны сооружения № 2. И здесь все ямы бесформенны и разной глубины — от 1,1 м до 2 м. Здесь также налицо как бы одно сплошное углубление с неровным дном. Оконтурилось это углубление только на глубине 0,8—1,0 м. На дне ям и здесь оказались зола и растительный перегной (рис. 5).

Группа III (№ 5, 6) расположена на площади другого раскопа к С-З от описанных выше. Грубо ямы оконтурились на глубине от 0,6 до 0,8 м. Здесь ямы имеют более правильную форму. Яма № 6 имеет правильную круглую форму с диаметром в 3,25 м и глубиной 1,65 м. С восточной стороны яма имеет проход шириной около 1 м в соседнюю яму № 5, имеющую ту же глубину. В проходе есть порог шириной 0,6 м и высотой 0,5 м над дном ям (рис. 6).

Группа IV (№ 7, 8, 9) расположена по соседству с предыдущей и во многом подобна ей. Яма № 9 округлой формы, диаметром 3,0 м при глубине в 1,6 м. Она также соединяется проходом с ямой № 8 через порог шириной 0,3 и высотой 0,25 м. На уровне этого порога в ямах № 8 и 7 есть приступки высотой 0,5 м от дна.

Все описанные ямы имели слоистую засыпку, с наклонно лежащими к центру слоями, что свидетельствует о засыпании их постепенно разным мусором — обожженной глиной и золой.

В других местах раскопанной площади находились многочисленные прослойки обожженной глины и золы, которые являются остатками кострищ и очагов. Культурный слой над ними был насыщен разными бытовыми вещами, керамикой и костями животных.

Все указанные сооружения свидетельствуют, несомненно, об оседлом образе жизни обитателей поселения на городище, причем принадлежат они в большем числе позднейшим обитателям этого поселения. По многим данным, на поселении обитала какая-то ремесленная группа, ибо многочисленные бесформенные ямы похожи на разработки глины для какого-то производства. О том же говорит и характер сооружения № 2.

* * *

Итяковское городище — памятник двуслойный. Построено оно теми, кто оставил керамику с отпечатками рогожи и ткани на наружной поверхности горшков. Памятники с такой керамикой относятся к I тыс. до н. э. Такой должна быть датировка и Итяковского городища.

Позднее на площадке городища возник новый поселок, который может быть датирован XIV—XVI вв. н. э. Обитатели этого поселка оставили многочисленные сооружения и большое число разных предметов хозяйственного обихода. Весь собранный материал может быть разбит на группы: оружие, орудия труда, бытовые вещи, украшения, керамика, кости животных.

I. Оружие представлено железными наконечниками стрел 3-х типов: плоские ромбические с черешком и манжеткой, ромбические в сечении и мелкие по размеру, плоские листовидные без манжетки. От шестопера («пернач») сохранилось 4 ребра и трубка. Ребра расширяются кверху (табл. I—III).

II. Орудия труда многочисленны и разнообразны. Ножи представлены многими типами — с насадом и накладными ручками. Преобладают ножи с прямой и толстой спинкой и черешком с уступчиком. Ножи с накладной ручкой имеют лезвие и рукоять одинаковой ширины. Размеры ножей различны (табл. III—IV)[1].

[1] *А. Е. Алихова.* Эрзянский могильник XIV в. у с. Гагино. Археологический сборник, II. Саранск, 1959 г., табл. 74. П. Д. Степанов. Паньжинский могильник. Там же. табл. 76.

Топоры представлены обломком мощного круглообушного типа с длинным лезвием и обломком маленького топорика. Эти типы топоров обычны в памятниках XIV—XV вв.[1].

Серп найден в единственном экземпляре и близок современным, с черешком. Найдена пяточная часть косы[2]. Найдены: игла в обломанными ушками, шилья железные и костяные, кочедыки костяные, точильные бруски разные по форме и размерам (табл. I).

Найдены: 2 штуки кресал «калачиковидного типа», крючок от рыболовной снасти, грузила рыболовные боченкообразные, обломок железного пружинного замка, несколько ключей от пружинных замков разного типа, железный светец с двойной развилкой для лучины, железное коромысло от весов, обломки больших чугунных котлов и большое бронзовое блюдо (табл. II—IV)[3].

На городище оказалось несколько вещей, свидетельствующих о литейном производстве. Найдены: шлаки в разных местах, обломки криц, разный лом от медных предметов, 11 штук льячек из глины.

В большом количестве найдены керамические изделия: пряслица, рыболовные грузила и обломки глиняной посуды. Посуда представлена тремя типами: гончарная, есть образцы поливной; лепная — подражающая в форме и орнаментике гончарной и незначительное количество древней с отпечатками рогожи и ткани (рис. 8). Гончарная посуда, вероятно, поступала с базара из татарского города Темникова. Есть обломки кувшинов с узким и высоким горлом и с ручками. Большая часть принадлежит местной грубой посуде в виде горшков с широким горлом, слегка вздутыми плечами, на которых иногда наносился линейный волнистый орнамент (рис. 8).

В культурном слое поселения было найдено немало предметов украшения и других вещей. Бусы были из зеленоватого стекла, 1 рубчатая, из синего стекла, из сердолика (5 шт.), из зеленой глазированной пасты, из янтаря (табл. III—IV). Все бусы и привески имеют аналогию с древностями XIV—XV вв.[4].

Найдено несколько бронзовых «сюлгам» трех типов: кольцевая, плоская с рубчатым орнаментом, лопастная литая с хорошо выраженными неширокими правильной формы лопастями, украшенными по краям зернью, и проволочная в виде кольца из круглой проволоки с неправильными расплющенными концами (табл. IV)[5].

Бронзовые браслеты литые, плоские с орнаментом насечкой

[1] *А. Е. Алихова.* Там же. Табл. 73.
[2] Там же. Табл. 73.
[3] Там же. Табл. 72.
[4] *А. Е. Алихова.* Мураиский могильник. МИА № 42. М. 1954 г., стр. 274.
[5] Там же, стр. 274, 275.
П. Д. Степанов. Паньжинский могильник. Рис. 79.

или с желобками, аналогичные древнемордовским XIV в. и 1 браслет плетеный из тонкой медной проволоки (табл. IV)[1].

Заслуживают внимания три предмета, сделанные из железа и являющиеся отделкой деревянных шкатулок. Две вещи украшены затейливым узором, а третья является накладкой к замку (табл. II).

Из других предметов следует отметить несколько резных и точеных вещей из кости: шахматная фигура — пешка, цилиндр с кружковым орнаментом, стрелообразный наконечник, предмет с двумя остриями — принадлежность прядения или ткачества и два навершия рукояток ножей (табл. I—II).

В нескольких местах культурного слоя были найдены зерна ячменя и гороха, все в обугленном виде.

Костный материал в слое был довольно обильный. Преобладали кости домашних животных: лошадей, коровы, овцы. Кости свиньи отмечены всего в 16 случаях. Довольно часты были находки костей птицы (87 случаев), лося (52 случая), рыб (94 случая).

* * *

Изучение вещевого материала позволяет решить вопрос о датировке позднейшего поселения. Большинство вещей относится к золотоордынскому времени, причем к позднему этапу — XIV—XVI вв. Хорошим датирующим предметом является найденная монета. Эта монета чеканена в русском Можайском княжестве при князе Иване Андреевиче (1432—1462 гг.)[2].

На поселении проживали татары-мишари, подведомственные темниковским мурзам[3]. Многие вещи типичны именно для татар. Население было мусульманским, и потому в большом числе мы находим кости лошади, коровы и овцы. Кости же свиньи следует относить к более древнему населению Городецкой культуры.

По всем данным, поселок оставлен оседлыми жителями, занимавшимися земледелием и скотоводством, а также рыболовством и охотой. Раскопанные же сооружения говорят о ремесленном характере поселения. Здесь, вероятно, занимались литейным, кузнечным и гончарным ремеслом.

По имеющимся данным, пока нет возможности определить характер поселения с социальной стороны. Может быть, здесь была усадьба какого-либо татарского мурзы. Население поселка было явно связано с близлежащим татарским городом Темниковым. Так называемый Старый Темников был основан татарами в конце XIV в. как «улусный» центр по управлению мордовскими

[1] *А. Е. Алихова.* Муранский могильник, стр. 277.
П. Д. Степанов. Паньжинский могильник. Рис. 80.
[2] Определение сделано И. Р. Спасским, за что автор выражает свою глубокую благодарность.
[3] *Б. А. Васильев.* Проблема буртасов и мордвы. Тр. ин-та этнографии им. Миклухи-Маклая, нов. серия, т. 6. 53 Карта.

землями. Современный город Темников построен в 1536 г. несколько выше Старого Темникова[1].

Находка ряда мордовских вещей, датируемых тем же временем, что и поселение, свидетельствует о том, что господствующая группа татарских мурз занималась грабежом местного мордовского населения, находившегося в рабской зависимости от захватчиков[2].

Частично раскопанный памятник — Итяковское городище представляет, несомненно, большой исторический интерес, и дальнейшая раскопка его является весьма желательной.

Рисунки Итяковского городища помещаются ниже.

---

[1] Очерки истории Мордовской АССР, т. I. Саранск, 1955 г., стр. 43.
[2] Там же, стр. 48.

Рис. № 1. Общий вид Итяковского городища.

Рис. № 3. Обвалившееся перекрытие в сооружении № 1.

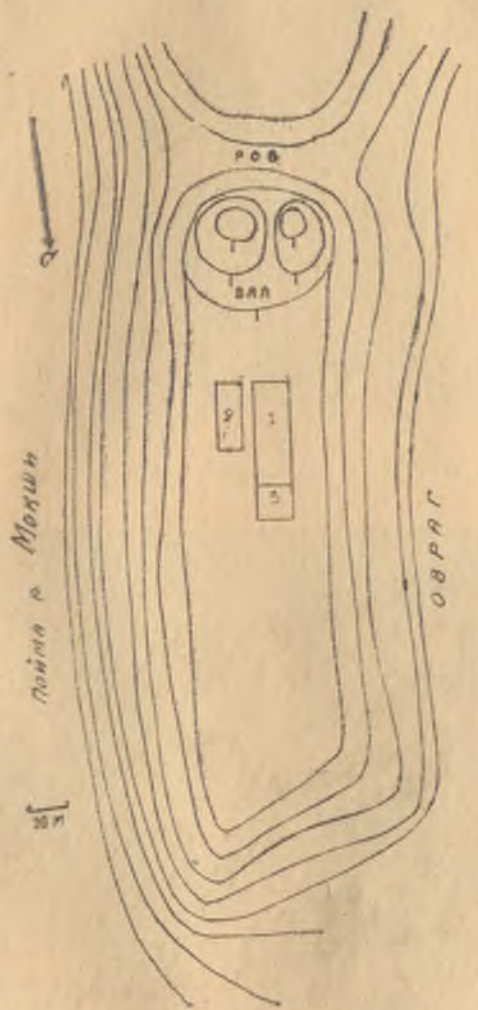


Рис. № 2. План Итяковского городища.

Рис. № 7. Вид расчищенных ям в раскопке № 3.

Рис. № 4. Сооружение № 1.

Рис. № 8. Керамика из культурного слоя городища.

Таблица I. Вещевой материал из культурного слоя городища.

1, 3, 4—костяные кочедыки, *5, 6*—шилья, *2, 7*—бусы, *9, 11, 13*—железные наконечники стрел, *14*—привеска из бусины, *10, 12, 8, 15*—поделки из кости.

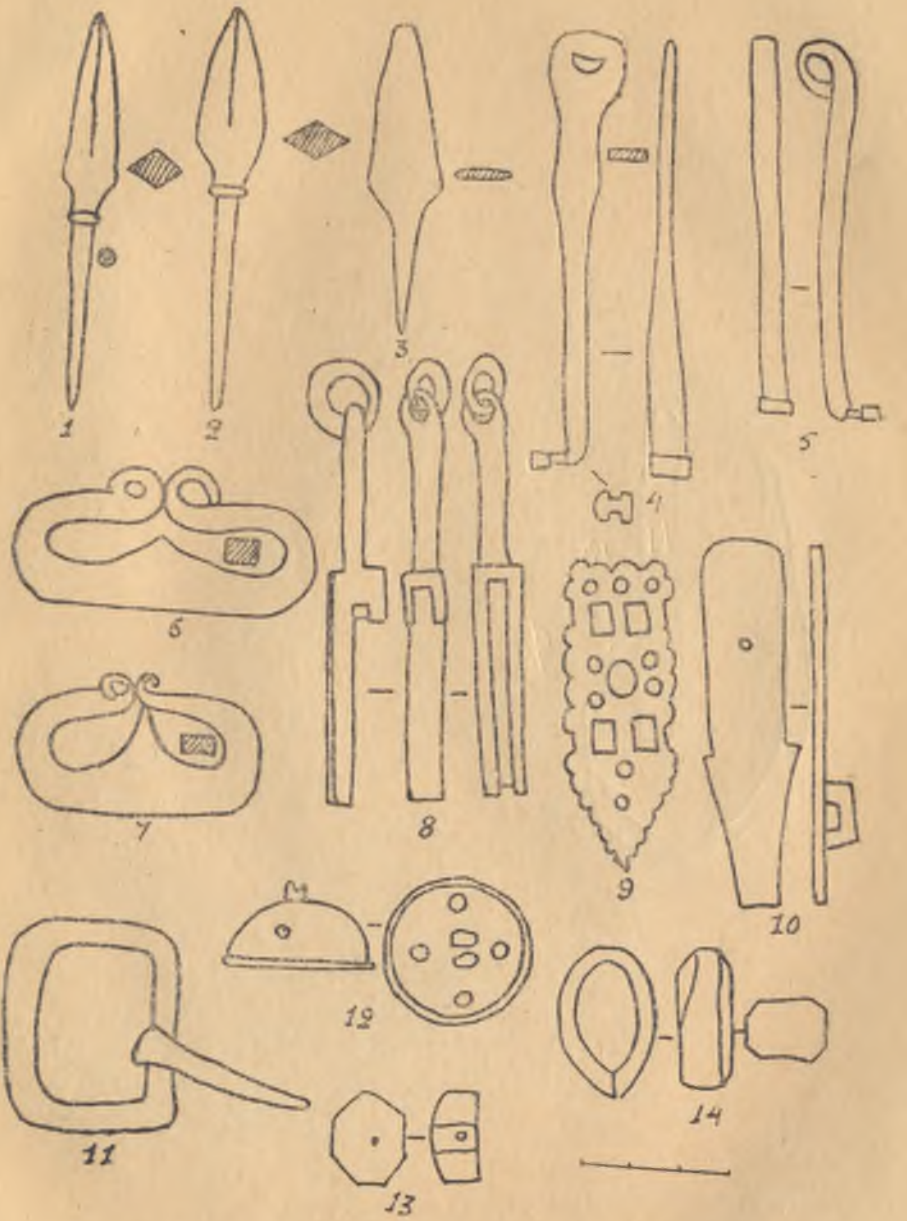


Таблица II. Вещевой материал из культурного слоя городища.

1, 2, 3—железные наконечники стрел, *4, 5, 8*—ключи от замков, *6, 7*—кресало, *9, 10*—накладки от шкатулок, *11*—железная пряжка, *12*—медный бубенчик, *13, 14*—поделки из кости.

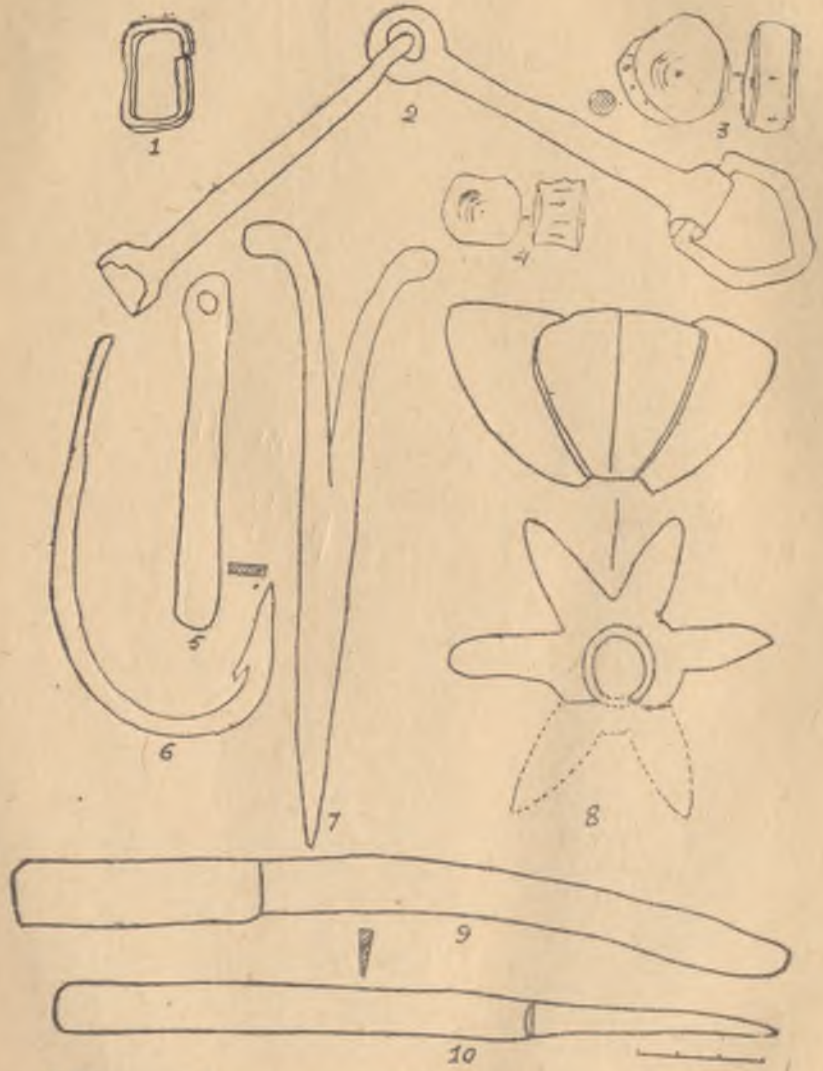


Таблица III. Вещевой материал из культурного слоя городища.

1—железная пряжка, *2*—удила, *3*, *4*—позвонки частиковой рыбы, *5*—крючок от дверного ключа, *6*—рыболовный крючок, *7*—железный светец, *8*—железный шестопер, *9*, *10*—ножи.

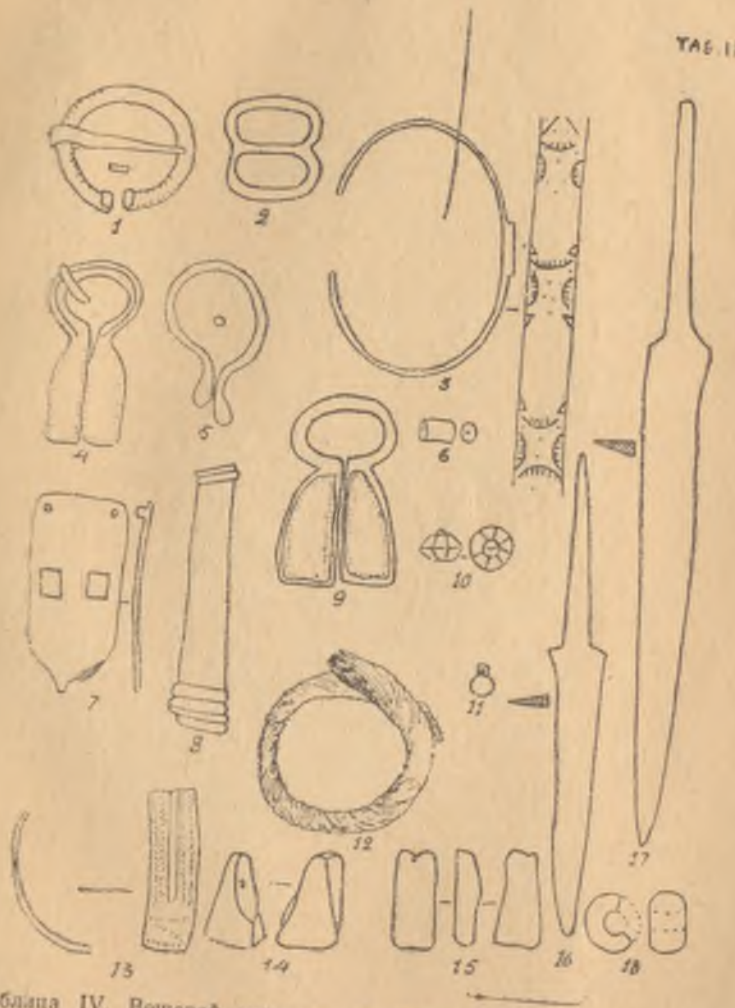
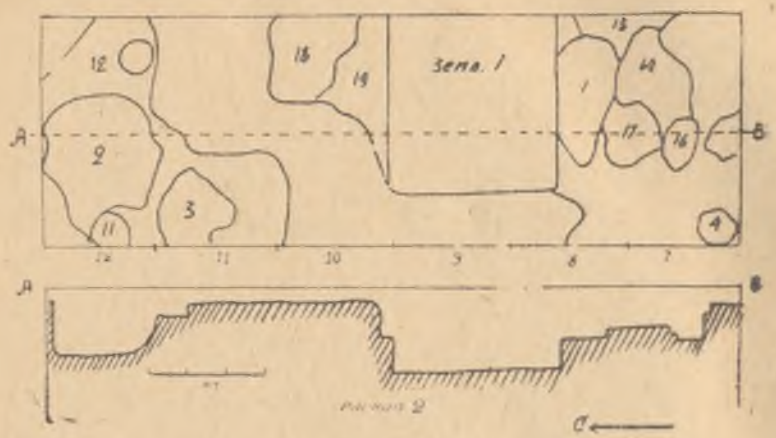


Таблица IV. Вещевой материал из культурного слоя городища.

1, *4*, *5*, *9*—скульганы, *2*—медная пряжка, *3*, *12*, *13*—браслеты, *7*—накладка от шкатулки, *8*—медная трубочка, *6*, *10*, *11*, *14*, *15*, *18*—бусы и привески, *16*, *17*—ножи.



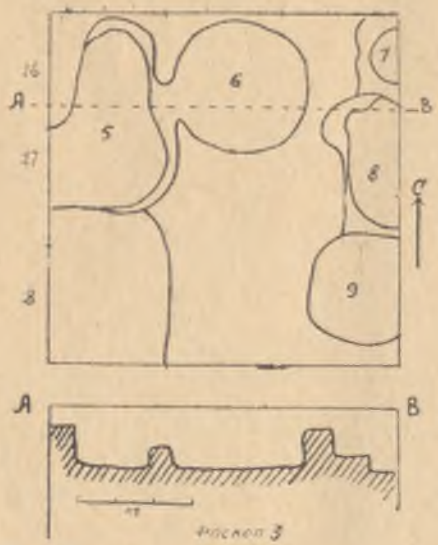


Рис. № 5. План размещения ям и сооружений № 1 в раскопке № 2.

Рис. № 6. План размещения ям в раскопке № 3.

К ИСТОРИИ ВОПРОСА ЗАСЕЛЕНИЯ МОРДОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ СЛАВЯНАМИ

А. В. ЦИРКИН

История взаимоотношений славян с мордовскими племенами давно привлекала внимание русских историков. Этим вопросом в свое время занимались представители дворянской историографии, в том числе Н. М. Карамзин, а позднее крупнейшие буржуазные историки С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. П. Барсов, М. К. Любавский, И. Н. Смирнов и др.

Дворянская историография по вполне понятным причинам не обнаруживала во взаимоотношениях древнерусского народа с мордовскими племенами элементов взаимного культурного обогащения. Их точка зрения сводилась к тому, что русская культура насаждалась среди других племен и народностей насильственным путем при яростном сопротивлении обитателей того или иного края, куда проникали предки русских.

С. М. Соловьев первый обратил внимание на то, что проникновение и заселение древнемордовских земель русскими протекало мирно и, так сказать, незаметно для истории. Правда, и он не избежал великодержавно-шовинистического подхода в оценке роли русской культуры на развитие культуры мордовского народа. В своей «Истории России с древнейших времен» он писал, что в жалком виде представлен быт финских племен. «Они слабы духовно и телесно. У них отсутствуют желания»[1]. Однако важно, что виднейший буржуазный историк весьма убедительно отвергает положение своих предшественников о насильственном освоении территории междуречья Оки и Волги русскими. Но С. М. Соловьев ограничивается лишь изложением летописных свидетельств, указывающих на отсутствие фактов враждебного отношения между русскими и аборигенами края, не вдаваясь в обоснование этого вывода другими материалами исследования. С. М. Соловьев пытался наметить пути заселения северо-восточного края русскими. Преувели-

[1] *С. М. Соловьев,* История России с древнейших времен, т. I, кн. 1, М., 1959, стр. 117—118.

чивая роль географической среды, он считал, что озерные и речные пути влекли русских в дальние земли и что само распространение русских владений следовало по течению рек. Конечно, географическая среда играла при этом известную положительную роль, способствовала ускорению передвижения, но не в этом была суть. Главное определялось уровнем экономического и политического развития Древнерусского государства.

В ходе продвижения русских на северо-восток по озерным и речным путям они неизбежно сталкивались с местным населением, жившим в этих краях. Какой характер носила эта встреча? С. М. Соловьев отвечает, что эта встреча двух народов была мирная, дружелюбная. Ведь племенам не из-за чего было тогда ссориться, так как «земли,— пишет он,— на которой можно было просторно расселиться без обиды друг к другу, было так много»[1].

По мнению С. М. Соловьева, сопутствующими моментами этого процесса были малочисленность племен, заселявших этот край, в том числе и мордовского, обширность и богатство края, близкое соседство, а также то обстоятельство, что проникновение русских в мордовские земли по времени совпало с периодом начала распада родовых отношений у мордвы.

Таким образом, С. М. Соловьев делает вывод, что заселение северо-восточного края русскими носило мирный характер, и поэтому сам процесс в свое время не нашел должного освещения у русского летописца: в силу мирного своего характера он не привлек к себе особого внимания исследователей.

Точка зрения С. М. Соловьева позднее была поддержана С. В. Ешевским, В. О. Ключевским, С. К. Любавским и другими историками конца XIX и начала XX в.

В 50-х годах прошлого столетия в русской исторической науке наметилась тенденция и в сторону сравнительно локализованного изучения истории отдельных княжеств и малых народов. Причем в этих исследованиях, касающихся княжества Рязанского, касимовских царей и царевичей или в целом всего Поволжья, так или иначе освещались отдельные стороны истории мордвы. Заслуживающим внимания в этом отношении является исследование Д. И. Иловайского. Он указывает, что по некоторым признакам народности, обитавшие в области р. Оки, составляли только часть большого мордовского племени. Отмечая, что крайним славянским элементом на востоке в IX в. были вятичи, Д. И. Иловайский обращает внимание на то, что вятичи с верховьев р. Оки продвинулись ниже по ее течению и вошли в соприкосновение с мордвой[2]. Особенно интересно то

[1] *С. М. Соловьев*, История России с древнейших времен, т. I, кн. 1, М., 1959, стр. 62.
[2] *Д. И. Иловайский*, История Рязанского княжества, М., 1858, стр. 3.

место, где исследователь пишет о встрече вятичей с мордвой, которые, видимо, без борьбы продвинулись на север. «Едва ли могли существовать серьезные причины к столкновению с пришельцами при огромном количестве порожней земли и при ничтожности домашнего хозяйства у мордвы»[1]. Земли действительно было много, но вряд ли прав автор, утверждая «ничтожность домашнего хозяйства у мордвы». По-видимому, он не использовал имевшиеся к тому времени данные археологии и свидетельства русских и арабских путешественников, которые отмечали развитое земледелие у мордвы и сравнительно высокий уровень домашнего ремесла.

В 1866 г. была опубликована статья С. В. Ешевского «Русская колонизация северо-восточного края». Автор исследования полностью поддержал и развил гипотезу С. М. Соловьева. Он прямо указывал: «Русские племена, встретившись с финнами, не истребляли последних, как гибнут племена индейцев в Северной Америке и в Океании». И далее: «чужеродцы не обращались в рабов, не причислялись к существам низшей породы и не истреблялись огнем и мечом, на памяти истории нет истребительных стремлений русских. Процесс слияния совершался путем мирным, естественным»[2].

Касаясь причины колонизации земель, заселенных угро-финскими племенами, С. В. Ешевский указывает, что сам процесс был обусловлен соседством славян с этими племенами, в том числе с мордвой, богатством местных лесных массивов, обилием излишней земли, а «подвижность финских племен значительно облегчала само дело колонизации». С. В. Ешевский обратил внимание и на то обстоятельство, как проникали первые поселенцы: сплошной массой или небольшими периодическими группами. «Если бы славянские насельники,— пишет он,— двинулись большою, сплошною массою в это пространство, гоня перед собою туземных обитателей края, то такое движение не могло пройти незамеченным, остаться без резкого следа в народной памяти, если не в летописях»[3].

Следовательно, колонизация протекала, как тонко подмечает исследователь, «тоненькими струями» и, распространяясь в северо-восточном направлении, не уничтожала тех племен, которые встречались на пути. В заключение С. В. Ешевский подчеркивает, что в русских летописях, в народных преданиях нет следов воспоминаний о борьбе угро-финских племен со славянскими насельниками, а еще менее о вытеснении туземцев далеко к северу и востоку или о их истреблении.

В 80—90-е годы прошлого столетия история русско-мордовских отношений вновь привлекает к себе внимание. По пору-

[1] *Д. И. Иловайский*, История Рязанского княжества, М., 1858 г., стр. 9.
[2] *С. В. Ешевский*, Сочинения, т. 3, М., 1900, стр. 608.
[3] Там же, стр. 612.

чению Русского географического общества поездку по мордовским селам сделал один из его видных членов В. Майнов. Вскоре он опубликовал книгу «Очерк юридического быта мордвы», в которой пришел к выводу, что «... в результате долгого общения с русскими к мордве перешло много русских обычаев и особенно в области юридического быта. Такие обычаи, как о главенствующей роли отца в семье, о правах женщины на имущество после смерти мужа, меры весов, размещение домов и планировка улиц в деревнях, архитектурные украшения домов, характер надворных построек — все это, бесспорно, перешло от русских в результате долгого и плодотворного заимствования».

В 1890 г. в Казани вышла работа М. П. Веске «Славяно-финские культурные отношения по данным языка». Поставив перед собой задачу на сравнительно большом языковом материале проследить наличие финских слов в русском языке и каким образом эти слова изменились под влиянием фонетических законов русского языка, М. П. Веске пришел к выводу, что русские, переселяясь с южных земель на север, во многих отношениях находили чужую природу, другой образ жизни и должны были проживать долгое время и большей частью мирно среди населения древнемордовских земель.

По мнению автора, русские, как и другие народы при подобных им условиях, усвоили от мордвы и других нерусских народов названия предметов и явлений, каких они не знали в местах своего прежнего обитания.

Профессор Казанского университета И. Н. Смирнов в своей монографии «Мордва»[2] также отмечал наличие с древних времен тесных связей мордвы с русскими.

Наиболее развернутую теорию о мирном проникновении славян в северо-восточный край дал виднейший ученый, происходивший из мордвы-мокши, В .О. Ключевский. Хорошо зная историю мордовского народа, В. О. Ключевский в своих трудах развил дальше положение С. М. Соловьева и других историков о мирном заселении мордовских земель русскими. В. О. Ключевский, как и его учитель С. М. Соловьев, считал, что русские, расселившись на пустых, незанятых землях, продолжительное время даже не знали, что вообще поблизости кто-либо проживает и лишь, возможно, впоследствии соприкасались с той или иной мордовской общиной, жившей на некотором удалении от мест поселения первых русских.

В. О. Ключевский, говоря о мирной колонизации, все же предполагал, что мирная колонизация не исключала возможных отдельных местных стычек между великорусскими племе-

[1] Журн. «Слово», СПБ, июль 1879 г., стр. 53—95. Его же «Очерк юридического быта мордвы», СПБ, 1885.

дами и мордвой. Но это было редким явлением. «Могли случаться соседские ссоры и брани,— замечает он,— но памятники не помнят завоевательских нашествий и оборонительных восстаний»[1]. Таким образом, происходило заселение, а не завоевание края, не порабощение или вытеснение мордвы, а мирное сожительство.

Он также считал, что расселение русских протекало не крупными массами, а путем просачивания отдельных, небольших групп в районы, заселенные мордовскими племенами. «Указание на такой ход в характере русской колонизации,— пишет В. О. Ключевский,— можно видеть в одной особенности той же географической номенклатуры Великороссии, финские и русские названия сел и рек идут не сплошными полосами, а вперемежку, чередуясь один с другим»[2].

Под воздействием каких причин началась колонизация? Этот вопрос В. О. Ключевский не рассматривает, но он подметил, что более высокий уровень экономического и культурного развития древней Руси способствовал быстрому сближению пришельцев с местным населением. Складывались благоприятные условия для торговых связей и усиленного обмена культурами.

Автор указывает, что и сами русские пришельцы не вызывали у местного населения враждебности. Будучи в подавляющей своей массе сельским населением, испытав массу лишений на прежнем месте жительства и в дальней дороге, встретившись затем с дружелюбным населением, они быстро устанавливали с аборигенами края хорошие, деловые, добрососедские отношения при помощи плуга, а не меча, демонстрируя более высокую культуру производства и быта.

В. О. Ключевский одним из первых поставил вопрос о том, кто были первые колонисты. Говоря о колонистах, появившихся в землях, заселенных финно-угорскими племенами, ученый подчеркивал, что «они принадлежали в своем большинстве к мирному сельскому населению, уходившему из юго-западной Руси от тамошних невзгод и искавшему среди лесов севера не добычи, а безопасных мест для хлебопашества и промыслов»[3].

Делая упор более, чем С. М. Соловьев, на мирный характер русской колонизации, В. О. Ключевский приводит в подтверждение к тому же еще лингвистические данные и примеры из топонимики. Расширив источниковедческую базу данного вопроса, В. О. Ключевский пришел к выводу, что колонизация носила сугубо мирный характер. Поселенцы, растекаясь по междуречью Оки и Волги тонкими струями, селились в про-

[1] *В. О. Ключевский*, Курс русской истории, т. 1. М., 1956, стр. 295.
[2] Там же, стр. 292—295.
[3] Там же, т. 1, М., 1959, стр. 295.

межутках между финно-угорским населением, на открытых пригорках, отыскивая сухие места среди лесов и болот.

Политические последствия русской колонизации земель, заселенных финно-угорскими племенами, таковы, что они, по мнению В. О. Ключевского, привели в конечном итоге к перемещению государственного центра с Днепровья в Верхнее Поволжье, где собирателем всех национальных сил стала Москва[1].

Позднее видный исследователь М. К. Любавский так же, как В. О. Ключевский, пришел к выводу, что русские поселенцы вкрапливались в гущу местного племени маленькими островками. Вкрапливание славян в гущу финно-угорских племен, в частности мордвы, происходило без борьбы, потому что пришлые крестьяне не предъявляли местному населению никаких претензий, они искали и находили свободные удобные земли для хлебопашества. «За небольшим исключением,— замечает он,— все реки и речушки, озера и другие урочища на рассматриваемой территории раннего московского государства носят не русские, а инородческие имена»[2].

Следовательно, М. К. Любавский, как и многие его предшественники, стоял на позициях мирного процесса заселения территории, где проживали мордва, марийцы, коми и другие финно-угорские племена.

Особо следует остановиться на взглядах А. А. Шахматова по этому вопросу. В девятом номере «Известий Российской Академии наук» за 1911 год он выступил со статьей «К вопросу о финно-кельтских и финно-славянских отношениях». А. А. Шахматов прямо указывает, что ряд заимствований вошли из славянского языка в мордовский[3]. Это, по мнению академика А. А. Шахматова, является результатом продолжительного добрососедского сожительства. Несколько позднее он выступил с исследованием «Древние судьбы русского племени», где вновь приходит к выводу о распространении русских в Волго-Окское междуречье и что встреча русских с жителями этого бассейна носила дружелюбный характер[4].

Из историков-краеведов Среднего Поволжья обратили внимание на русско-мордовские отношения, на проникновение русских в земли Мещерской низменности И. И. Дубасов, А. Н. Норцов, А. Мансуров, П. Н. Черменский, А. П. Богданов, А. Г. Рождественский и др. Так, в «Очерках из истории Тамбовского края» И. И. Дубасов пишет, что «мордва исстари

[1] *В. О. Ключевский*, Сочинения, т. 1, М., 1959 г., стр. 295.

[2] *М. К. Любавский*, Образование основной государственной территории великорусской народности, М., 1929, стр. 12.

[3] *А. А. Шахматов*, К вопросу о финно-кельтских и финно-славянских отношениях. «Известия РАН», № 9 за 1911 г., стр. 798.

[4] *А. А. Шахматов*, Древнейшие судьбы русских племен. Петроград, 1919, стр. 35—63.

жила в соседстве с вятичами, что она давнишний и неразлучный их сосед... она исстари была служилым элементом для местных славяно-русских аборигенов-вятичей»[1]. Такого же мнения придерживались и многие другие из местных историков.

В 1912 году вышли «Очерки по истории колонизации Тамбовского края» неутомимого краеведа П. А. Черменского. Автор считает, что колонизация русскими племенами мещеры началась задолго до монгольского периода. Затем колонизационная волна русских стихла. С конца XIV в., когда Золотая Орда начала слабеть, а Русь, наоборот, усиливаться, заселение мордовского края активизировалось. Ставя вопрос: почему русские села носили мордовские названия, М. Н. Черменский отвечает, что это могло быть либо по причине того, что русские поселения возникли на урочищах мордовского племени или потому, что мордовское население уступило влиянию русских, и оно, обрусев, все же сохранило прежнее название[2].

В 1909 г. к изучению данного вопроса подключились археологи. Так, на 3-м областном историко-археологическом съезде в г. Владимире обстоятельный и интересный доклад на эту тему сделал А. В. Селиванов. По его мнению, вещественный инвентарь Борковского и Кузьминского древнемордовских могильников с трупосожжением отличается более тонкой работой, изяществом отделки и сложностью орнамента, указывающих на более развитую культуру, чем инвентарь в обычных погребениях. «К концу VIII в.,— подчеркивает автор,— где-то появляются новые влияния со стороны русских пришельцев, которые вносят свои особенности в культурный материал местного населения, появляются погребения смешанного типа и подготавливается новая курганная культура»[3].

Взгляды С. М. Соловьева, получившие законченную и стройную систему в трудах В. О. Ключевского и других русских исследователей о мирном проникновении и расселении славян в Волго-Окском междуречье, вызвали возражение со стороны известного дореволюционного археолога В. А. Городцова, много сделавшего для выявления памятников древней истории племен, заселявших бассейн рек Оки и Волги.

В вышедшей в 1909 году статье «Древнее население Ря-

[1] *И. И. Дубасов*, Очерки по истории Тамбовского края, вып. 4, Тамбов, 1887, стр. 5—6.

[2] *П. Н. Черменский*, Указ. соч., Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. 54, ч. 1, Тамбов, 1911. Автор под мещерой понимает финские племена мещеру, мордву и буртас, занимавших до татарского нашествия определенные границы своих земель: мещера — по р. Цне и средней Мокше; мордва — по р. Ваду и ее притокам и по Верхней Мокше; буртасы — по р. Буртас и верхней Вороне. См. указ. соч., стр. 227.

[3] *А. В. Селиванов*, О древнейшем населении приокского района, предшествовавшем славянской колонизации. Труды 3-го областного историко-археологического съезда, Владимир, 1909, стр. 15.

занской области» В. А. Городцов, возражая А. А. Шахматову, подчеркивал, что в X веке вятичи колонизовали среднюю Оку и что этот процесс имел враждебный характер, сопровождавшийся изгнанием аборигенов края с насиженных мест.

Исследуя городища, разбросанные по речным бассейнам среди болотистых лугов и дремучих лесов по береговой линии р. Оки, профессор Городцов указывает, что они напоминают как бы одну непрерывную боевую позицию. «В уездах Зарайском, Рязанском, Спасском,— пишет он,— одно городище приходится на 3 версты береговой линии р. Оки». «Ни один высокий обрыв, ни один сколько-нибудь защищенный оврагами береговой мыс не оставался не занятым под укрепление. Но не устояли эти твердыни и перешли они в руки новых славянских хозяев»[1].

«Кто и куда вытолкнул финно-угорское племя из Рязанской области? Можно утвердительно сказать,— пишет В. А. Городцов в своей статье,— славяне оттолкнули финнов или к Северо-Востоку — в сторону современных черемисов, или к Востоку — в сторону современной мордвы»[2].

Таким образом, В. А. Городцов считает, что к X в. все рязанские городища и селения, расположенные по берегам р. Оки, были заняты славянами, что это сопровождалось кровавыми столкновениями пришельцев с аборигенами края.

Еще более отчетливо теорию насильственной колонизации мордовских земель сформулировал М. Н. Покровский в статье «Возникновение Московского государства и великорусской народности» (1930 г.). Выступая против А. Е. Преснякова, М. Н. Любавского, считавших, что пришлые поселенцы ассимилировались с аборигенами края, М. Н. Покровский утверждал, что основным методом образования великорусского племени было завоевание одного народа другими. В качестве решающего аргумента М. Н. Покровский берет пример «борьбы» русских князей за Абрамово Городище, на месте которого был образован Нижний Новгород. Основываясь на этом, М. Н. Покровский сделал несколько поспешный вывод о завоевании русскими князьями мордовских земель. По мнению М. Н. Покровского, методы складывания Великороссии были отнюдь не мирные. Покорение аборигенов края было физическим. «Славянские пришельцы,— пишет далее М. Н. Покровский,— покорили ее с такой легкостью, с какою самих славян за несколько веков перед этим покорили небольшие, но хорошо вооруженные и вымуштрованные отряды норманских викингов[3].

[1] *В. А. Городцов*, Древнее население Рязанской области, М., 1909, стр. I.
[2] Там же, стр. 6.
[3] *М. Н. Покровский*, Возникновение Московского государства и великорусской народности. Соч., т. I, М., 1930, стр. 245.

Не вдаваясь в подробный анализ вышеприведенных положений М. Н. Покровского о вооруженном и грабительском характере проникновения и завоевания мордовских земель русскими, все же нельзя не возразить ему в следующем.

Вооруженное сопротивление обитателей древнемордовских земель начинается в период княжеских захватов, видя в последних устремление князей к установлению феодального господства не только над туземным, но и над всем населением, обитавшим в этих краях к тому времени. Следовательно, мы имеем право в известном смысле и сами вооруженные выступления против князей в ряде случаев рассматривать не только как выступления одной мордвы, но и как движение всех, кто жил в этих краях и не хотел усиления феодальной эксплуатации со стороны русских князей. В этом плане здесь уместно сослаться на профессора А. А. Савича, занимавшегося историей мордвы.

В статье «Очерк истории мордвы» А. А. Савич отмечает весьма любопытный факт о том, что в составе мордовских дружин, борющихся против русских князей, были и русские. В частности, это наблюдается в дружине мордовского князька Пургаса. Эти русские поселенцы, пишет профессор А. А. Савич, на мордовских землях могли оказаться от непосильного феодального гнета в русских княжествах. Эта мысль позволяет рассматривать многие вооруженные столкновения продвигавшихся на восток княжеских войск с местным населением, проходивших в XII—XIII вв. и тем более в ранний период, не как выступления одного народа против другого, а скорее как выступление мордовского и русского народов против князей.

Профессор Саратовского университета П. С. Рыков, не соглашаясь полностью с картиной, нарисованной В. А. Городцовым, замечает, что те укрепленные места по берегам рек, о которых говорит В. А. Городцов, в действительности не являются памятниками кровавых столкновений[1]. «Они,— продолжает профессор Рыков,— говорят более всего о мирной деятельности и значительно меньше о военных столкновениях, которых конечно, не следует отрицать»[2].

Но на материалах Армеевского, Чардымского и некоторых других мордовских городищ П. С. Рыков хотел показать враждебный характер русской колонизации. По его мнению, назначение валов, возводимых вокруг городищ, преследовало оборонительные цели, т. е. сохранить скот и жилье от опустошительных набегов, тем более, что население стало подвергаться опасностям военных набегов. К сожалению, профессор Рыков не иллюстрирует свои выводы, от набегов каких племен строились валы на мордовских городищах. Действительно ли это

[1] *П. С. Рыков*, Очерки истории мордвы. М., 1933, стр. 14.
[2] Там же, стр. 14.

были те самые «тверди», куда мордва пряталась от военных набегов, или это было нечто другое. Однако интересен следующий вывод. Сам автор указывает на небольшие размеры городищ и селищ VII—IX вв. н. э., чуть больше половины гектара. Здесь могло разместиться не более 10—12 хижин. По мнению автора, это были скорее поселения родовых вождей, начальников военных отрядов. Вероятно, появление городищ указывает на признаки разложения родового общества и как следствие этого — межплеменную борьбу. Видимо, этой цели и служили воздвигаемые вокруг небольших городищ валы, а не против русских колонистов, которые для этого времени были редким явлением.

В 1930 году вышла очень интересная книжка академика Ю. Готье «Железный век в Восточной Европе». В этой работе, опираясь уже на обработанный археологический материал в наше, советское время, автор подчеркнул, что славянская колонизация началась на Востоке не ранее VII века н. э., причем на мордовские земли двигалось немногочисленное славянское племя — вятичи. Местом, откуда шла славянская колонизация, явилось среднее течение Днепра. Что несли с собой славянские колонисты? По мнению Ю. Готье, славяне несли с собой высокую по сравнению с мордвой культуру изготовления кузнечных изделий, керамики, они принесли более высокую культуру земледелия. «В могилах славян,— пишет Ю. В. Готье,— оружие редкое исключение. Это мирный народ-земледелец, который любит землю и вольный простор, стремится к ней и захватывает ее, где может»[1]. В своем движении на восток вятичи достигли рубежа бассейна р. Рузы, затем двинулись вниз по реке Москве в лесные массивы рек Сестра и Лома Клинского уезда Московской губернии. Готье указывает, что «соседство между финским и славянским народами было долгое, непосредственное и лингвистические заимствования могли происходить непрерывно»[2].

Таким образом, из приведенных данных следует, что Ю. В. Готье нигде не пишет о кровавых столкновениях русских пришельцев с местным населением. Наоборот, он в разных местах своей книги подчеркивает миролюбие русских, их стремление не к войне, а к хлебопашеству, что свои связи с другими племенами они устанавливали на основе добрососедских отношений.

Наибольший вклад в разработку данного вопроса вносит видный советский археолог А. П. Смирнов. Уже в одной из своих ранних работ он подчеркивал, что колонизация мордовского края сначала осуществлялась не князьями, а рядовым населением[1]. Крестьяне, спасаясь от все усиливающегося гнета, бежали с насиженных мест; они не только не вызывали никаких обострений с аборигенами, но, наоборот, стремились установить с ними добрососедские отношения.

В процессе заселения мордовских земель русскими мордва перенимала культуру русских. Некоторые вещи славян органически вошли в быт, трансформировались и слились с местной культурой.

Так, изучая материалы Крюковско-Кужновского могильника, А. П. Смирнов прослеживает проникновение славянской культуры в быт мордвы, выразившийся не только в обряде захоронения, но и в наборе украшений, сопровождающих покойника[2]. Но главный его вывод состоял в том, что еще в VI в. славянская струя проникла в гущу мордовского населения мирным путем. Влияние русских нашло отражение «как в керамике с типично волнообразным славянским орнаментом, так и в витых плетеных браслетах и семилучевых привесках»[3]. С момента появления мордвы на исторической арене она испытала на себе большое влияние восточно-славянских племен. «С этого времени,— замечает А. П. Смирнов,— начинается мирное сожительство двух соседских народов»[4]. Конечно, в последующее столетие, когда началась княжеская междоусобица, а политический центр переместился с Днепровья в верховье Волги, русские удельные князья начали борьбу за торговую гегемонию с булгарами, и территория мордвы время от времени превращалась в арену кровопролитных битв. Но это уже относится к XII—XIII вв.

В 1952 году А. П. Смирнов вновь обратился к изучению этого интересного явления. По его мнению, первая волна поселенцев русских, просочившихся небольшими группами в древнемордовские земли (инфильтрация), относится к IV—VI векам н. э. «Эти первые пришельцы,— указывает он,— по всей вероятности, шли с юга, с юго-запада. Древние вятичи и племена Приднепровья были первыми представителями славянских племен на средней Оке. В более позднее время мы видим значительный элемент славян, которые не только сумели в новой обстановке сохранить свои этнографические черты, но и окончательно славянизировать аборигенов края»[5]. Возможно, часть русских вещей попадала в мордовские земли в результате оживленной торговли, однако появление ряда предметов труда и быта (особенно

---

[1] *Ю. В. Готье*, Железный век в Восточной Европе, М., 1936, стр. 21.
[2] Там же, стр. 132.

[1] *А. П. Смирнов*, Очерк древней истории мордвы. Труды ГИМ, XX, М., 1940, стр. 143.
[2] Там же, стр. 154.
[3] *П. П. Иванов*, Очерки по истории мордвы VIII—XI вв., Мордовск, 1952 г. Предисловие А. П. Смирнова, стр. 5.
[4] Там же, стр. 9.
[5] *А. П. Смирнов*, Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, М., 1952, стр. 124.

керамические изделия) трудно объяснить только торговыми связями.

Период, охватывающий XII—XIII века, проходит под знаком активной славянизации Среднего Поволжья, в том числе и мордвы. Но уже в это время носителями славянской колонизации были не сельские жители, бежавшие от феодального гнета из Приднепровья, а русские князья, стремящиеся включить племена Среднего Поволжья в свою феодально-финансовую систему. Не приостановило славянскую колонизацию и монгольское нашествие. В конце XIII века тамбовская мордва и северные районы территории Тамбовщины, заселенные муромой, мещерой, буртасами, отошли к Москве[1].

В 1953 году, рассматривая вопрос о заселении бассейна среднего течения Оки в первом тысячелетии н. э., А. Л. Монгайт попутно затронул вопрос о характере и путях славянского проникновения в земли средней Оки. По мнению А. Л. Монгайта, «Элементы славянской культуры стали проникать в среду рязанских могильников в первой половине I тысячелетия н. э.»[2]. Обряд захоронения-трупосожжения—типичный славянский элемент, появился в рязанских могильниках в V—VI веках и распространился постепенно с запада на восток. Например, в самом раннем Кошибеевском могильнике совсем нет трупосожжений, затем далее на восток, в Сергачевском их уже 5—6%, в Борковском и Кузьминском —10%, в самом восточном могильнике, муранском, обряд трупосожжения почти отсутствует.

В землях мордвы, заселенных вятичами, очень мало (но они есть) общих и переходных типов вещей древнемордовского и славянского населения. Их было больше в землях, заселенных кривичами. Но так или иначе А. Л. Монгайт пришел к определенному выводу, указав, что «это был процесс этнического поглощения, а не вытеснения... Вятичи колонизовали земли мордвы, оказали более сильное влияние и что отдельные ветви мордовского племени обрусели так быстро, что обратное влияние казалось в очень незначительной степени»[3].

В недавно вышедшей работе А. Л. Монгайт вновь коснулся вопроса славянской колонизации земель Рязанского течения р. Оки. Автор относит рязанские могильники к предкам мордвы. Некоторые исследователи с этим выводом не согласны. Первоначальная точка зрения в этой работе значительно изменилась и приобрела новое звучание. Если раньше А. Л. Монгайт считал, что трупосожжение — славянский обряд погребения, то теперь автор проявляет большую осторожность в приписывании

[1] *А. П. Смирнов*, указанное сочинение, стр. 155.
[2] *А. Л. Монгайт*, Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э., с. э. XVIII, 1953 г., стр. 167.
[3] Там же, стр. 188.

указанного обряда только славянам. «Нельзя считать трупосожжение,— пишет А. Л. Монгайт,— специфическим признаком только славянской культуры... они характерны для разных народов. Обряд трупосожжения был знаком и славянским и финно-угорским племенам»[1].

Разумеется, факт кремации трупа не говорит только в пользу славянского обряда захоронения, точно так же, как курганное и бескурганное погребение. Но если внимательно проследить детали погребального обряда, устройство могильного сооружения, расположение вещей в погребении, а также различную ориентировку покойников, то эти данные помогают археологии выявить этническую принадлежность погребенного. «Можно сказать,— подчеркивает А. П. Смирнов,— с уверенностью, что наличие трупосожжения в рязанских могильниках — свидетельство проникновения славян и притом мирного[2]. По-видимому, пришельцы не устраивали своих кладбищ для захоронения, а селились вместе с местным населением, совершали погребение на их кладбищах, соблюдая первоначально свои, потом и местные погребальные привычки и традиции.

История взаимоотношений древнерусского и мордовского народов нашла свое освещение и в опубликованных в 1955 году «Очерках по истории Мордовской АССР». Авторы первого тома очерков совершенно правильно отказались от установок М. Н. Покровского и А. Л. Савича и указали на мирный характер проникновения русских в земли, заселенные древней мордвой. «Процессу взаимной связи,— пишут авторы «Очерков»,— в значительной степени содействовало и разложение родового строя»[3]. Более тесное сближение мордвы со славянами было задержано во второй половине I тысячелетия господством хазар, а позднее, в XIII веке, нашествием татаро-монголов на земли Среднего Поволжья.

Совсем недавно институтом этнографии имени Н. И. Миклухо-Маклая Академии наук СССР были изданы труды, посвященные этнической истории мордовского народа[4]. Среди ряда статей, опубликованных в этих трудах, нашей темы непосредственно касается (хотя и с этнографической точки зрения) статья о расселении мордвы. Автор работы В. И. Козлов приходит к выводу, что одной из форм проникновения русских на мордовскую территорию было не враждебное проникновение, а основанное на мирных взаимоотношениях групп русских «вольных» поселенцев на хозяйственно слабо освоенные мордовские

[1] *А. Л. Монгайт*, Рязанская земля, М., Изд. АН СССР, 1961, стр. 79.
[2] См. рецензию на работу *А. Л. Монгайта* «Рязанская земля» проф. *А. П. Смирнова*, «Вопросы истории», № 3 за 1963 год.
[3] Очерки истории Мордовской АССР, т. I, Саранск, 1955, стр. 36.
[4] Вопросы этнической истории мордовского народа. Изд. АН СССР, М., 1960.

земли[1]. По мнению автора, эти взаимоотношения способствовали экономическому и культурному развитию мордвы.

Такова характеристика процесса заселения древнемордовских земель. Дореволюционные работы, опирающиеся главным образом на русские летописи, весьма схематично и не всегда достаточно верно показывали, что процесс этот протекал тихо, мирно и незаметно для истории. Если мысли С. П. Соловьева послужили основой для постановки данного вопроса, то последующие историки, и в первую очередь В. О. Ключевский, подошли к этому историческому явлению намного шире. Помимо сведений из русских летописей, им были введены в научный оборот данные лингвистики и этнографии. Однако многое в истории русско-мордовских отношений оставалось по-прежнему неясным.

Теперь, после большого труда многих советских археологов, предпринявших обширные и систематические раскопки древнейших памятников мордвы, многое проясняется. Результаты многочисленных археологических раскопок дали богатый материал, свидетельствующий о достаточно интенсивных русско-мордовских связях, о достаточно сильном влиянии русского элемента на культуру и быт мордвы, о мирном проникновении русских хлебопашцев в мордовский край.

Распад родовых отношений у мордвы, начавшийся со второй половины I тысячелетия н. э., привел к складыванию территориальной общины, которая включала в свой состав не только членов одного рода, но и пришельцев. Это обстоятельство в значительной мере облегчило мирное проникновение славянского элемента в древнемордовские земли, о чем свидетельствует вещевой комплекс могильников[2].

---

[1] *В. И. Козлов.* Расселение мордвы. Труды института этнография. Том. I, XIII. М., стр. 10.

[2] В 1963 г. арх. экспедиция МНИИЯЛИЭ под руководством А. Е. Алимовой раскапывала Кельгенинский могильник (с. Зарубкино, Торбеевский район МАССР), в вещевом комплексе которого обнаружено много русских предметов. Коллекция хранится в институте, г. Саранск.

К ВОПРОСУ ОТРАЖЕНИЯ ЖИЗНИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ МОРДОВСКОЙ ДЕРЕВНИ В ТРАДИЦИОННОЙ МОРДОВСКОЙ СВАДЬБЕ

А. Г. БОРИСОВ

Свадебные обряды и свадебная поэзия теснейшим образом связаны с историей народа.

В свадебном ритуале и причитаниях можно обнаружить отражение множества самых разнообразных сторон жизни народа, о которых не имеется письменных источников. Хотя многие свадебные обряды носят религиозно-магический характер, но главное в их содержании — это стремление за продолжение рода и создание счастливой жизни молодым.

Известно, что, кроме забот и хлопот по устройству жизни новобрачных (жениха и невесты), нужно было специально предпринять целую серию магических действий, которые якобы предохраняли их от злых духов, от возможной «нечистой силы», от «чар», от колдунов и знахарей. При этом еще необходимо было содействовать благополучию и росту их хозяйства, увеличению поголовья животных, хорошему наследству и т. д.

Заботясь о продолжении рода и явно отдавая предпочтение мужскому поколению, на мордовской свадьбе исполнялись различные обряды, из которых необходимо отметить следующие: сажание мальчика на колени молодым, срывание с невесты фаты мальчиком и т. п. Известно также, что мордовская невеста к венцу шла с распущенной косой, а вернувшись из церкви, ее косу заплетал мальчик. Полагали, что все это будет способствовать продолжению мужского поколения. Можно сказать, что этот обряд был типичен не только для мордвы, но и для многих других народов.

Конечно, имеется некоторое различие в отдельных ритуальных деталях, а суть их одна — борьба добра против зла, желание основать счастливую чету.

Весьма архаичные элементы сохранились в свадебных обрядах мордвы. Например, интересен момент приезда поезжан со стороны жениха за невестой, но из всего этого обращает на себя внимание одна особенность: невестина дружина состоит из одних девушек (называемая по-мордовски «бокасо ялгат»),

которые являются не просто подружками, но и ее защитницами. Эта «женская дружина» вступает «в сражение» с «дружиной жениха», которая предпринимает все усилия для того, чтобы завладеть невестой. Однако все попытки поезжан встречают сопротивление со стороны «дружины невесты», которая достойно отражает все их устремления.

Свита назначалась сразу же после помолвки невесты из 4—6 девиц и находилась при невесте вплоть до ее перехода в дом жениха, все время сопровождала молодую, помогала в приготовлениях, утешала невесту[1]. Этот обычай, на наш взгляд, своими корнями уходит в период матриархата. Об остатках матриархата говорит и такой обряд, когда невесте перед венцом под ноги бросают кнут. Невеста становилась на кнутовище, взглянув в сторону рода жениха, и произносила про себя: «Я пастух, а вы овцы»[2].

Аналогичный по своему сходству обряд зафиксирован М. Е. Евсевьевым в мордовских селах бывшего Саранского уезда. «Во время венчания поезжане и посторонние наблюдают, кто первый наступит на подножник — жених или невеста. Кто первый наступит, тот и будет властвовать над другим»[3].

Многие элементы мордовской свадебной обрядности носят ярко выраженный патриархальный характер. Известно, что с возникновением патриархальной семьи отец становится распорядителем всей жизни домочадцев.

Известный русский исследователь XVIII в. академик Лепехин, проезжая по районам расселения мордовского народа, в своих путевых записках писал: «В женитьбе своих детей отцы имеют совершенную власть и не требуют на то ни малейшего детей согласия. Когда отец вознамерится женить сына своего, то прежде подсылает к невестину отцу посторонних людей и спрашивает, намерен ли он отдать свою дочь за его сына? Когда согласный на то получит ответ, то сошедшиеся с обеих сторон отцы и матери договариваются сперва о калыме, т. е. выкупе, также кому держать свадебные издержки... Калым за невесту 8, 9, 10 рублей...»[4].

В прошлом произвол отца был поистине безграничным, так как процветал патриархальный быт и домостроевские порядки, что, конечно, не могло не отразиться на свадебных обрядах и связанной с ними свадебной поэзии. Постепенно отдельные стороны этих обрядов в корне видоизменились и стали носить чисто символический характер. И сами исполнители часто не придавали многим обрядовым действиям никакого значения, но

[1] *П. Н. Баранов*, Свадебные обряды мордвы. Этнографическое обозрение, М., 1910, № 3—4, стр. 127.
[2] *М. Е. Евсевьев*, Мордовская свадьба, Саранск, 1939, стр. 217.
[3] Там же, стр. 218.
[4] Дневные записки путешествия доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг., СПБ, 1771, стр. 170.

все-таки народ дорожил своими обычаями и продолжал их свято хранить.

Отголоски патриархального быта видны на ряде сохранившихся вплоть до 20-х годов XX века брачных и семейных обычаев. Например, невеста-мордовка на протяжении всей жизни не должна называть уредева (дружка) по имени. При входе уредева она должна стоять, словно на часах, иначе ее могут назвать бесстыдницей[1].

Этот обычай свидетельствует о положении женщины в патриархальной семье и власти мужчины, как главы семьи. Весьма интересным был обряд встречи молодых в вывороченной шубе. Характеризуя данный обряд, бытовавший у мордвы вплоть до XX века, П. Н. Баранов в 1910 году писал: «По прибытии из церкви после венчания свадебный поезд встречает во дворе дома жениха «медведь»... Встречая новобрачных, медведь бьет кнутом жениха, приговаривая: «Умей жену учить... Вот как надо учить, помни»[2].

Аналогичный обряд наблюдался и у соседних народностей, так, у чувашей, когда молодую вели из родительского дома, то ставили ее на телегу, а молодой подъезжал верхом на лошади и ударял жену плетью три раза[3]. По-видимому, названные обряды являются продуктом патриархата и подчеркивают исключительную власть мужчины.

Очень интересная, говорящая о своей архаичности номенклатура родства, которая своими корнями уходит в глубь родоплеменного строя. У мордвы, главным образом у эрзи, по отношению к конкретному лицу все родственники, за исключением родителей, разделяются на старших и младших. Возьмем, например, слово «ляляй»— так называют старшего брата, отцова брата, брата матери, старшего сына дяди, то есть если все эти родственники старше данного человека, но моложе его отца. Или слово «патяй»— так называют старшую сестру и всех старших теток при тех же условиях, что и при наименовании дядей. Этими же словами называют и всех своих односельчан, если «она» и «он» старше того или иного лица. В ряде сел до сих пор используют эти слова — «ляляй» и «патяй» как средство обращения к старшим.

О своем древнем происхождении говорит и наименование родственников, связанных со вступлением в брак молодых, т. е. обращение их к родителям. Так, жених в мордовской семье (у эрзи) называет родителей невесты «низани» (теща), «вата» (тесть)[3].

Профессор М. Ковалевский писал о существующей в XIX

[1] *М. Е. Евсевьев*, ЦГА МАССР, ф. 267, д. 28.
[2] *П. Н. Баранов*, Свадебные обряды мордвы. «Этнографическое обозрение» М., 1910, № 3—4, стр. 127—128.
[3] *А. Кийков*, К истории семьи и брака у башкир, татар, мордвы и чуваш. Башкирский краеведческий сборник, № 2, Уфа, 1927, стр. 55.

веке системе родства угро-финских народов: «У вотяков, черемисов и мордвы в названиях родства можно отметить... лица различаются друг от друга не по степени кровной близости к данному человеку, а возрастом. За исключением отца, матери, все прочие родственники делятся на две группы родственников, старших и младших»[1].

Элемент общности в номенклатуре родства у угро-финских народов объясняется исторически и своими корнями уходит в глубь веков первобытнообщинного строя, где все члены общества делились именно на две категории: старших и младших. Все старшие по отношению к младшим были старшими братьями, а женщины старшие по возрасту — старшими сестрами, независимо от степени родства.

Свадебные обычаи народа и причитания вызывали и вызывают значительный интерес этнографов, историков, фольклористов и лингвистов. Обряды и свадебная поэзия представляют собой огромную познавательную ценность, так как в них сохранилось многое со времен седой старины. Складывались они постепенно, сообразно с условиями жизни народа, а потому в них нашли отражение многие уклады социально-экономической жизни людей.

Переходя из уст в уста, от поколения к поколению, обновляя и внося новое, применительно к определенной эпохе, народ сохранял и развивал сложившиеся традиции. Исполнение свадебных обрядов обусловлено конкретной исторической обстановкой. Так, например, пожелание родить семерых сыновей установилось скорее всего в эпоху патриархата, когда в хозяйстве ведущую роль играл мужчина, еще больше закрепился этот обычай в период феодализма, так как при распределении земли по душам в основу брали только мужчин. Но есть и пожелание родить семь дочерей белоголовых. По-видимому, это более раннее наслоение, относящееся к матриархату, когда женщина являлась ведущим лицом в обществе, когда ей принадлежало главное место в хозяйственной деятельности рода.

Значит, свадебные обряды и связанные с ними песни и причитания в той или иной степени отражают жизнь общества на всех ее этапах.

Исторический фон многих обрядов и песен ясен и конкретен, так как обряд всегда тесно связан с бытом и народной жизнью, а поэтому он содержит многое из жизни народных масс.

Например, хор девушек, обращаясь к матери невесты, поет:

Зачем мы приехали?
Зачем мы погнались?
Мы приехали за куницей,
Погнались мы за куницей...[2]

[1] *М. Ковалевский*, Родовой быт. Вып. I, СПБ, 1905, стр. 152—163.
[2] *М. Е. Евсевьев*. Мордовская свадьба. Саранск, 1959, стр. 232.

Несомненно, что здесь слово «куница» употреблено в аллегорическом смысле, т. е. имеется в виду, что поезжане приехали за невестой. Ясно и другое, что понятие «куница» используется в иносказательном плане не без основания. По-видимому, мордовское население настолько было хорошо знакомо с этим пушным зверьком, что он был даже опоэтизирован. Занимаясь охотой, люди хорошо знали, как дорого ценилась шкурка куницы. Употребляя сравнение невесты с куницей, как бы подчеркивалось ее достоинство. Но с другой стороны, сравнение невесты с товаром указывало на бесправное положение женщины в семье дореволюционной деревни.

На этот счет существуют и другие мнения, что подобный аллегорический прием употреблялся и тогда, когда сваты, боясь «порчи» невесты, оберегая ее от дурного глаза, колдунов и прочих злых духов, прибегали к тому, чтобы не называть невесту по имени, не раскрывать своих конкретных планов. Но это мало меняет суть дела.

Мордовское население занимало огромные просторы на территории Волжско-Камского бассейна, где имелась прекрасная возможность охотиться на пушного зверя. И в этих строках ясно проявляется эта сторона его хозяйственной деятельности.

Свадебные песни и причитания донесли до нас многое из истории прошедших эпох. Они могут служить прекрасным историко-этнографическим источником.

Так, в одной из свадебных песен говорится, что хозяин дома

Большие подати платит,
Большие оброки вносит,
Много земли обрабатывает,
Много хлеба засевает[1].

Слова этой песни скорее всего зародились в период феодально-крепостнического строя, когда крестьянин-земледелец платил подати помещику. Здесь налицо и классовые взаимоотношения в тогдашнем обществе. Отсюда видно, что деревня по своему составу неоднородна, общество делилось на классы. Но свадебные песни исполнялись и в бедной и в богатой семье. В доме бедного эти строки пелись в явно хвалебных тонах для того, чтобы умилостивить «Норов аву» и других духов и тем самым обеспечить всякие блага новой молодой семье.

В отдельных свадебных причитаниях невесты встречается обращение ко всем жителям своего села, т. е. «к миру», со словами «сельские деды», «сельские дяденьки», «сельские сношеньки» и т. п. В них невеста обращалась к своим односельчанам с просьбой: защитить ее от произвола отца и матери, которые «пропили» ее за стакан вина, «продали» за дряхлую лошадь.

[1] *М. Е. Евсевьев*, Мордовская свадьба, Саранск, 1959, стр. 65.

В этом обращении звучит не только тревога о судьбе женщины ввиду перемены ее образа жизни — выхода замуж, но и намечалась личная драма женщины, обусловленная патриархальным укладом жизни. Обращение «к миру» свидетельствует о роли сельской общины, сельских сходов, где решались самые различные вопросы, а упрек в адрес родителей невесты указывает на ненависть к патриархально-домостроевским порядкам.

Причитания сохранили и другие черты сельской общины, например, невеста обращалась к «хранителю двора батюшки» и причитала:

Хранитель двора батюшки,
«Кардо сярко» родительское!

В данном примере отчетливо проявляются мифологические воззрения мордвы, относящиеся ко времени разложения первобытнообщинного строя и появления классов. На первом месте богпредок, родоначальник семьи. Очевидно, вышеприведенные строки причитаний хронологически относятся к периоду распада родоплеменного строя, когда появилась уже сельская община. Прежде всего необходимо учесть, что основной единицей сельской общины была большая семья, которая сохранилась в Мордовии вплоть до Великой Октябрьской революции. В состав большой семьи входили представители 3—4 поколений: деда, его сыновей, внуков и даже правнуков. Это прежде всего устойчивая, традиционная коллективная организация, ведущая общее хозяйство и расходы, живущая обычно в одном большом доме.

Значит, с развитием большой семьи появляется культ семейного очага «Кудонь кирди» и «Кардо сярко».

Материалы мордовских свадебных причитаний сохранили в себе упоминание и об общинном землепользовании, относящемся к периоду его разложения. Например, невеста своему дедушке желает следующее:

Если при наступлении лета
Пойдет мой дедушка
К сельским старикам
Полевую землю делить...
Пусть достанется дедушке
На середине поля в длинном ряду
Черная, как бисер, земля[1].

Хотя свадебные песни нельзя безоговорочно отождествлять с исторической истиной, ибо в них наличествует определенная условность изображения, но сам факт упоминания рода хозяйственной деятельности и быта свидетельствует о когда-то существовавших отношениях между отдельной семьей и сельским обществом.

[1] *М. Е. Евсевьев*, Мордовская свадьба. Саранск, 1959, стр. 105.

Таким образом, можно сказать, что многие стороны хозяйственной деятельности и быта мордовского народа с древнейших времен до наших дней нашли отражение в свадебных ритуалах. Иден причитаний и свадебных песен всегда тесно связаны с исторической судьбой народа в ту или иную эпоху, что дает возможность сделать правильные выводы о быте, культуре и социальных группах общества.

Заслуживает внимания упоминание в одной из песен свахи «О девичьем городе»[1]. В упомянутом варианте песни момент сбора и наезда жениха с целью похищения невесты изображается как взятие укрепленного городища. Надо полагать, что мотив этой песни восходит к периоду городищ. Городища обнаружены и на территории Мордовской АССР, некоторые из них подвергнуты научным раскопкам.

Иногда в причитаниях в образе жениха показывается иноплеменный захватчик: ногаец, татарин. Это уже не мифический враг, колдуны, нечистая сила и т. п. Это отображение реальной жизни народа на определенном этапе его жизни. Известно, что мордва, наряду со многими другими народами, в течение длительного времени находилась под татаро-монгольским игом, что не могло не наложить своего отпечатка на мотивы песен и причитаний. Следовательно, этот образ абсолютно историчен и ведет свое начало со времени татаро-монгольского нашествия. Идейный смысл причитаний с этим мотивом был направлен против иноплеменных захватчиков, неравноправия женщин в эксплуататорском обществе и патриархальной семье, против насильственной выдачи замуж, против умыкания.

В мордовской свадебной поэзии в прошлом жених и его родственники всегда представлялись похитителями, злыми недругами, а увоз невесты в дом жениха сравнивался с ногайским полоном. Если мы обратимся к текстам причитаний, опубликованным М. Е. Евсевьевым, А. А. Шахматовым, Н. Паасоненом и другими, то во всех без исключения проводится такая аналогия брака. В сущности наименование жениховых поезжан именем иноземных поработителей имеет по своей сути одну цель — осудить жестокость, насилие и бесправие женщины, это своеобразный протест невесты.

Например, невеста обращается к урьвалям[2] и просит их укрыть ее от ногайцев, т. е. от поезжан. Ясно, что речь идет не о реальных ногайцах, а о жениховых поезжанах. Эта ассоциация делалась на очень отдаленном сходстве действий поезжан, когда совершалось похищение невесты насильно. В то время, когда создавались причитания с подобным мотивом, слишком свежи были впечатления в народной памяти о бесчеловечных

[1] *М. Е. Евсевьев*, Мордовская свадьба. Саранск, 1959, стр. 172.
[2] Урьвалят — провожающие невесту женщины.

действиях иноплеменных притеснителей — ногайских и татаро-монгольских орд.

Но вместе с тем следует отметить, что мордва в этот период восприняла от монгол-кочевников отдельные обряды. М. Е. Евсевьев писал, что в селах бывшего Саранского уезда, а также в селах бывшей Симбирской губернии и в соседних с ними эрзянских и мокшанских селениях для проводов невесты устраивается особая кибитка, которая называется «онава». Причем эта кибитка эскортируется 3—4 молодыми парнями. Очевидно, мордовское население, наблюдая за обычаями кочевников, у которых широко была распространена перевозка жен хана в кибитках, поэтому и восприняло оборудование кибитки как воздание почета. И этот торжественный момент проводов невесты всячески выделяли из общей цепи совершаемых на свадьбе обрядов.

Или взять хотя бы обряд укрытия невесты фатой — он явно восточного происхождения. И невеста-мордовка накрывалась ею, чтобы не показать себя жениху раньше положенного времени. Этому обычаю подчинялся и жених: не срывал фаты. Только после привоза невесты в дом жениха специально назначенный мальчик срывал с нее фату.

Правда, на этот счет имеется другое толкование: фата выполняет магическую функцию — оберегает молодую от порчи духов. Но независимо от разных толкований все-таки, на наш взгляд, этот обряд перенят от восточных народов и напоминает ношение паранджи.

К числу заимствованных обрядов следует отнести также и обряд опоясывания старшего поезжанина кушаком. Этот обычай заимствован мордвой у восточных народов и относится примерно к тому же времени, что и накрывание фатой, оборудование кибитки и т. д.

Очевидно, татаро-монгольское нашествие оказало свое влияние на отдельные стороны свадебной обрядности. Что касается упоминания ногайцев, то оно могло возникнуть с XIII в., то есть когда мордовский народ оказался под властью татаро-монгол, или позднее, когда территория Мордовии подвергалась частым грабительским нашествиям со стороны ногайских орд. Ногайцы, совершая набеги на мордовские земли, уводили в плен мордовских юношей и девушек, которыми торговали на восточных рынках или превращали их в наложниц и рабов.

О грабительском нападении ногайцев на мордовский народ говорят многие мордовские песни и легенды с весьма печальными мотивами.

Так, в легенде «Сабан» рассказывается, как в один из праздничных дней напали на село ногайцы, убили двоих сыновей Сабана, а жену и двух дочерей увезли с собою.

[1] *М. Е. Евсевьев*, Мордовская свадьба, Саранск, 1959, стр. 215.

В народном сознании мордвы дружба с русским народом всегда являлась лучшей частью воспоминаний. Это наглядно показывает крепкую дружбу малых народов Поволжья с великим русским народом. Об этом сохранилось в памяти народной немало исторических песен, легенд и т. д.

Передовая русская культура оказала серьезное влияние на развитие мордовской культуры. В книге «Мордовская свадьба» М. Е. Евсевьев отмечает, что в мордовской свадьбе много одинаковых обрядов с русскими и украинскими. К числу таких обрядов он относит встречу молодых в вывороченной шубе, осыпание их хмелем, битье горшков, печенье каравая, расставание с девичеством и прочие обряды.

М. Е. Евсевьев заметил у мордвы Нижегородской губернии процесс перехода мордовских причитаний в русские. В своей книге «Мордовская свадьба» он приводит следующее причитание невесты:

Ванкшныяк, монсень ялгинень,
Тынь лентяйкань палятнень:
Кувалмс варштадо — вельке суре
Трокс варштадо — трокс суре.

Издали видна — портянки,
Близко подойдешь — подкладки.

Не палятнень теймест»

Сю ноченьку не спала
Себе спокой не знала...[1]

Посмотрите, мои подруженьки,
Вы рубашечки, лентяйки:
Посмотрите вдоль — сверху незатканные нитки,
Посмотрите поперек — не затканы поперечные нитки.
Издали смотреть — они, как портянки.
Близко подойдешь — они, как подкладки.
Во время изготовления этих рубашек
Целые ночи я не спала,
Себе покою не знала...

Здесь мы видим не только отдельные русские слова, но и целые строки. Если сравнить мордовские и русские причитания, то можно достаточно точно установить несомненную самобытность и оригинальность мордовских причитаний, которые впитали в себя некоторые русские элементы. Это видно, в частности, по унылому, грустному тону, по системе художественно-изобразительных средств. Такой же процесс проникновения русских слов и даже целых строк наблюдается во всем свадебном песенном репертуаре. Очень своеобразна свадебная песенка «Музень Дарюша («Найденная Дарюша»).

Луга, луга зеленая,
Трава, травушка шелковая!
Мезе лугинень мазылгавтызи,
Мезе травинень пижелгавтызи,
Лугань куншкава чуди ведь чуди...[2]

Трава, травушка зеленая,
Трава, травушка кудрявая!
Что травушку украшает,
Что травушку зеленит.
По средине луга протекает вода.

Эта задорная, веселая песня во многом напоминает русскую народную песню «Травушка-муравушка», очевидно, она возникла по подобию последней.

[1] *М. Е. Евсевьев*, Мордовская свадьба, 1959, стр. 17.
[2] Песня записана в с. Дубенки Атяшевского района Мордовской АССР.

Пути проникновения русских обрядов, причитаний и других заимствований самые разнообразные. Во-первых, соседство и многовековые исторические связи русского и мордовского народов. Подчеркивая исключительную близость мордовского народа с русским, профессор Б. М. Соколов писал: «Во многих местах Саратовского края мордва, как эрзя, так и мокша, живут рядом, а то среди и в самой гуще великорусского населения»[1].

Во-вторых, в мордовских селах часто появлялись бродячие музыканты и певцы. Наконец, наличие смешанных браков — мордовки выходят за русских, мордовские парни женятся на русских девушках. Это все является ярким подтверждением исторически сложившихся дружественных отношений великого русского народа с мордовским и другими народами Поволжья.

В свое время М. Е. Евсевьев отмечал, что в ряде случаев свадебные обряды мордвы сильно сблизились с русскими. В конце XIX века он писал в своих заметках о том, что в селах Паркино, Атяшкино, Томаево Буинского уезда и др. невеста при выходе замуж не издает ни звука причитаний. Уже в то время в доме невесты устраивались вечеринки, куда приходил и жених со своими товарищами. Между тем по старинному обычаю мордвы, который во многих местах в то время соблюдался, жених до свадьбы не имел права видеться с невестой, хотя бы она и жила в соседях. Этот жесткий порядок запрещал ходить в дом невесты не только до свадьбы, но и после нее, по крайней мере, недели 2—3, а где старина соблюдается, то и несколько лет[2].

О влиянии русских обрядов академик И. Лепехин писал в конце XVIII века:

«С того времени, как они начали больше иметь обращение с русскими, несколько и свадебные обряды переменились. Они сватаются по русскому обыкновению, примешивая и свои обряды...»[3].

Наблюдательный путешественник вместе с тем не мог не заметить самобытное, национальное, своеобразное, присущее данному народу.

О самобытности мордовской культуры в 1783 году в своих записках уездный землемер Милькович писал: «Пляшут же они собственно своею пляскою, сопровождая игрой на гуслях, скрипках, волынке»[4].

Но в целом же в мордовской свадьбе множество общих моментов с русскими, как обрядов, о которых говорилось выше, так и причитаний, свадебных песен и не только в соседних с русскими районами, но и в отдаленных от них селах. Например, как у мордвы, так и у русских символом девичества считается лента в косе, которую невеста передает одной из присутствующих подруг. Она должна носить девичество с достоинством. Этот же обряд производится и на русской свадьбе.

Или такая просьба невесты, которую можно назвать обычаем, ибо она исполняется как строго необходимое и нужное. Невеста-мордовка, расставаясь с подругами, просит их, чтобы они, когда весною пойдут на луга зеленые, сорвали и ее цветок, растущий на лугу, и принесли бы матери. И действительно, девушки весной, выполняя наказ подруги, приходили на луг, делали венок из живых цветов и передавали матери невесты, которая вывешивала его в переднем углу дома как память о девичьей красе. Аналогичный обычай встречается и у русских.

Итак, обряды, исполняемые на свадьбе, песни и причитания можно считать прекрасным материалом для изучения правового положения женщины-мордовки в семье и обществе в прошлом, для установления многих сторон дореволюционной жизни и быта мордовского народа.

Обряды и причитания, исполняемые на традиционной мордовской свадьбе, являются продуктом различных периодов жизни народа до новой, социалистической эпохи.

Социалистическая революция навсегда ликвидировала социальные корни эксплуатации человека человеком и уничтожила зависимое, неполноправное положение женщины в семье и обществе. Она заложила основы нового, коммунистического быта. Вопросы новой, советской свадьбы нами будут освещены в последующей статье.

---

[1] *Б. М. Соколов*, Этнографическое изучение Саратовского края, Саратов, 1922, стр. 13.

[2] ЦГА МАССР, ф. 267, д. 33, л. 132.

[3] Дневные записки путешествия *Ивана Лепехина* по разным провинциям Российского государства в 1768—1769 гг., СПБ, 1771, стр. 175.

[4] Тамбовские епархиальные ведомости, № 18, 1905.

К ИСТОРИИ ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЫ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ СЕРЕДИНЫ XVII В.

Д. Г. НАУМОВА

Организация обороны юго-восточных границ Русского государства от набегов кочевых племен получила некоторое освещение в трудах как дореволюционных, так и советских историков. В своих трудах Д. И. Багалей, А. И. Яковлев, С. А. Марголин, А. В. Никитин, А. А. Новосельский и другие, рассматривая вопросы русско-татарских отношений, колонизации русским государством южных районов, останавливались и на системе мероприятий, которые должны были обеспечить безопасность этих районов. Однако сам характер их работ не давал возможности шире рассмотреть вопросы, связанные с созданием оборонительной системы границ Русского государства на территории Среднего Поволжья и Мордовской АССР.

Данное сообщение, не претендуя на всестороннее рассмотрение этого большого и сложного вопроса, представляет собой попытку дать некоторые сведения по истории возникновения оборонительных сооружений в этом районе.

Усиливающаяся в середине XVI века угроза татаро-ногайских нападений на юго-восточный район Русского государства заставила русское правительство изыскивать наиболее эффективные средства обороны. С этой целью во второй половине XVI века создается целый ряд оборонительных полос, призванных обезопасить южные и центральные районы страны от набегов. Однако эффект их оказался не так велик, как это предполагалось. Междуречье Оки и Волги, ставшее в XVII веке одним из основных направлений кочевых набегов, оказалось слабо защищенным. Необходимо было предпринять срочные меры, чтобы обезопасить этот район. Для этого в 30—40 годах XVII века здесь создается целый ряд укрепленных пунктов, таких, как Керенск, Атемар и другие, а затем последовал царский указ, предписывающий соединить все эти пункты непрерывной линией из полевых и лесных укреплений. Руководителем строительства этих укреплений был назначен Богдан Матвеевич Хитрово. С 1646 по 1648 гг. была построена укрепленная черта

от Верхнего Ломова до реки Иссы. Здесь были воздвигнуты крепость Керенск (вместо острога), Инсарский, Потижский и Картлейский остроги, полевые и лесные укрепления засечных черт. Создавая эту черту, царское правительство стремилось максимально обезопасить прилегающий к ней район, который был пожалован многим феодалам и поэтому требовал строительства оборонительных сооружений по всем правилам инженерного искусства. «По черте устроить прибавочные городы и населить многолюдством и земляной вал устроить больше прежнего, и надолбы большие и стоячие острожки частые и лесные завалы и иные многие крепости, какие доведется»[1].

Строительство этой черты было возложено на местное население. В указе царя было определено и количество работников на засечной черте. В нем говорилось: «... и для того засечного дела взяти с пяти дворов по человеку с топоры и с кирками, и с заступами, и с лопаты»[2]. Таким образом, на местных крестьян легла основная тяжесть строительства сторожевой черты. Крестьяне возводили укрепления, копали рвы, делали засеки. Для обслуживания строительства черты была переведена часть служилых людей, жителей Темниковского, Кадомского, Шацкого уездов. В течение двадцати лет создается целый комплекс оборонительных сооружений на территории Мордовии — Инсаро-Потижской, Атемаро-Саранской засечных черт, которые стали важным звеном в системе оборонительных линий юго-восточной границы Русского государства.

Инсаро-Потижскую черту можно разделить как бы на два участка: от реки Мокши до города Инсара и от г. Инсара до места соединения Инсарской и Саранской черт. Почти до самого Инсара этот отрезок сторожевой черты состоял из засеки лесного завала. Основной укрепленной точкой этого района был город Инсар. Крепость Инсар была окружена высокими стенами с восемью башнями, которые имели пушки, пищали, дозорные площадки. Боевое снаряжение крепости было довольно разнообразно. Для лучшей обороны города были построены сторожевые башни, созданы преграды. Документы так описывают их: «Перед городом надолбы не ветхи, да за рекою Инсарою от степной стороны надолбы, да посторонь города возле реки Инсары проезжая башня липовая, надолба... в русскую сторону, за посады две башни». Кроме того, «от города в версте от степные стороны караульная проезжая башня, а от степные стороны по обе стороны валу надолбы... Да у той башни острог стоячий дубовый, а в том остроге изба караульная»[3].

От Инсара начинался другой участок черты, шедший до Потижского острога и представлявший также систему засек.

---

[1] *А. Хвощов.* Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922, стр. 38.
[2] ЦГАДА. Ф. Разрядный приказ. Белогородский стол, стб. 618.
[3] РФ МНИИЯЛИЭ, д. и — 116, л. 18.

На месте современного с. Усыскина стоял Потижский острог, от которого оборонительная черта шла дальше до соединения с Атемаро-Саранской чертой. Этот участок также состоял в значительной части из засек и завалов.

От места соединения Инсаро-Потижской и Атемаро-Саранской черт в сторону Шишкеева шел земляной вал. В месте впадения речек Черной и Шишкеевской на возвышенности находился Шишкеевский острог. В плане он имел форму четырехугольника, две стороны которого имели по сто сажен, а две по сорок[1]. По углам находились башни. От Шишкеева до Саранска оборонительная черта представляла комплекс валов, переходящих в лесных местностях в завалы. Саранская крепость располагалась на довольно высоком холме и находилась на удобном для обороны месте. Её усиливали военно-инженерные сооружения. Крепость была обнесена земляным валом до трех саженей, по верху которого шла стена, а перед ней — ров глубиной до двух сажен. По углам крепости стояли башни высотой до шести сажен. Кроме того, имелись и две проезжие башни. Гарнизон крепости был вооружен железными и медными пушками, пищалями, мушкетами и т. д.

Далее в сторону Атемара Саранская сторожевая черта представляла целую систему валов, засек, укрепленных пунктов, из которых наиболее мощными были Инзерский (Посопский) и Атемарский остроги.

Таким образом, Атемаро-Саранская черта была, пожалуй, одной из самых укрепленных в системе оборонительных сооружений юго-восточного района. Здесь на небольшом (около 20 км) отрезке располагались три крепости (Саранская, Инзерская, Атемарская). Кроме того, на этой черте было не менее 25 сторожевых башен, что еще более усиливало оборонительную мощь этой черты.

Важнейшим моментом обороны этого района было обеспечение линии вооруженной силой, способной противостоять нападению кочевников. Поэтому с первых же шагов создания засечной черты этот вопрос был поставлен серьезно. Создание засечной черты заставило правительство начать обеспечение новых мест служилыми людьми в необходимых для несения сторожевой службы размерах. Такое заселение начинается еще в 20-х годах XVII века и усиливается в середине века. Уже в 1640 г. в районе Атемара появляется группа темниковских служилых татар и мурз, поверстанных в казачью службу на Атемарскую сторожевую черту. В начале 40-х годов XVII в. в Саранске находилось уже около 200 человек служилых людей. К району засечной черты правительство переселяет служилых людей из близлежащих уездов, а иногда и из более удаленных.

[1] *И. Д. Воронин.* Саравская сторожевая черта и город Саранск в первые годы его существования. Записки МНИИЯЛИ, № 13, 1951 г., стр. 211.

Так, в 40-х годах XVII века в район Атемаро-Саранской засечной черты переселяются служилые люди даже из районов Брянска. Благодаря энергичному заселению здесь растет число служилых людей. Например, если в 1642 г. в Атемаре было 250 казаков, то через 20 лет здесь находилось уже 469 стрельцов, казаков, пушкарей, служилой мордвы[1]. В 1663 году на Инсаро-Потижской черте было 488 человек[2].

Надо отметить, что заселение района засечной черты происходило феодально-крепостническими методами. Правительство практиковало перевод служилых людей «по указу» из мест их старого поселения. Переведенцам запрещалось зачастую брать с собой семьи, а чтобы добиться этого, нужно было приложить большие усилия: добиться специального указа царя. Это применялось даже к детям боярским. Например, в 1623 году служилые-дети боярские, переведенные в Алатырь, били челом о том, что они на нет разорились, так как на месте оставлены были их жены, дети, матери и крепостные крестьяне, которые все разбежались, и остались только больные. Семьи голодают и просят разрешения о их переводе в Алатырь[3].

Переведенцы принуждались к дополнительным занятиям, что вносило разруху в их хозяйственную жизнь в новом крае. Круглые сутки они должны были охранять засечную черту, при этом на 100—200 верст ездить на разведку, строить город, следить за исправностью засечных укреплений, производить их ремонт и достройки, выполнять гужевую повинность по поставке хлебных запасов в город, а кто не выполнял возложенных на них обязанностей, подвергался наказанию.

Шацкий воевода Матюшкин пишет царю в 1663 году: «... стрельцы государь и казаки и всякие служилые люди и твои государь дворцовые крестьяне в городе и в остроге житницы поставили, хлеба навозили; а уездные, государь, люди ослушались дворов и городов не строили и запасов не возили и я, холоп твой, уездным людям большою неволею и правежом дворы им строить и хлеб возить велел и ныне государь уездные люди дворы строят и запасы всякой в город везет»[4].

В целях экономии государственных средств и лучшей организации охраны всем переселенцам на новом месте давали в жалованье земельные участки и сенные покосы, размеры их определялись по должности, которая давалась тому или иному переведенному. Люди, поселенные на посаде и не несшие военной службы, получили землю только под сенные покосы из расчета 100 копен (или 5 десятин) на двор. Конные казаки получали по 12 четей в поле, а во всех трех полях 36 четей на двор.

[1] *С. Б. Веселовский.* Сметы военных сил Московского государства 1661—1662 гг. ЧОИДР, 1911 г. книга III, стр. 51.

[2] ЦГАДА. Белогородский стол, столбец № 8, лл. 65—66.

[3] Там же, столбец 60, л. 49.

или 18 десятин, рейтарам, пушкарям, сторожам, пешим казакам давали по 6 четей в поле. Все они, наряду с военной службой, вынуждены были заниматься земледелием.

Исполняя сторожевую службу, все служилые люди обязаны были бросать и откладывать свои дела, что приносило непоправимый вред хозяйству, о чем ярко говорит челобитье шацких казаков: «Государю царю (титул) бьют челом холопи твои Шацкова города беломестные казаки, борисовские сидельцы, бельские атаманишки, Малка Бучев, да Памулка Свияжский и во все места товарищи своих служилых 80 человек, мы холопи твои в новом городе Козлове зиму и лето город ставили, ров копали и в походы с татары ходили, да в прошлом де государь во 144 (1636) году с благовещениева дни прислана твоя государева грамота в Шацкой, а велено нас снова с города Козлова свесть, а велено нам быть с стольником и с воеводою Романом Федоровичем Бабарикиным на своей государевой службе в новом городе в Томбове переменяючи пополам с холопи твои и тех мест и быти на твоей государевой службе в зиму и лета беспрестанно, а твоего царского жалованья денежного нам холопам твоим не дают восемнадцать лет, а дана холопам твоим земля и та лежит в пусте потому, что пахать хлеба на нас некому»[1].

Избавиться от тяжестей службы на черте можно было только бегством, но беглых ловили и возвращали на старые места, где их ожидал произвол воеводы и подьячих.

Но строительство сторожевой черты имело, несомненно, положительные стороны. Прежде всего, строительство этой системы обороны дало возможность Русскому государству обезопасить район от нападений кочевников. Вместе с тем оно создавало условия для освоениях этих земель и дальнейшего экономического развития района.

Совместная работа и служба на черте способствовали дальнейшему упрочению дружбы русского и мордовского народов, что имело важное значение в деле экономического и культурного развития мордовского народа.

---

[1] ЦГАДА. Белгород стол, столбец № 87.

А. А. СУВОРОВ,
член КПСС с 1918 г., персональный пенсионер.

ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ

Это было 46 лет тому назад. На мою долю выпала великая честь быть участником Февральской буржуазно-демократической революции, свержения самодержавия, участником апрельской, июньской и июльской демонстраций, встреч с В. И. Лениным на Финляндском вокзале, участвовать в разгроме войск Корнилова, пытавшегося захватить Петроград и задушить революцию, и, наконец, быть участником Великой Октябрьской социалистической революции, штурма Зимнего дворца.

Всего мне удалось видеть В. И. Ленина 8—9 раз, и я постоянно до сих пор с каким-то особым чувством гордости вспоминаю эти события. Первый раз я видел В. И. Ленина 3 апреля 1917 года на площади Финляндского вокзала, когда он приехал в Петроград из эмиграции. В числе других солдат Павловского полка в колонне демонстрантов я прибыл на Финляндский вокзал, куда стекались рабочие и солдаты мощными колоннами. Все с большим напряжением и нетерпением ожидали появления В. И. Ленина.

Вскоре послышались возгласы: «Идет, идет Ленин!» Я увидел вождя, когда он поднимался на броневик, держа фуражку в левой руке, и тут же, обратившись к рабочим и солдатам, произнес речь. В своей речи он приветствовал русскую революцию, открывшую новую эру, приветствовал солдат, матросов и рабочих.

Быстрые и свободные движения В. И. Ленина, каким я его увидел в этот раз и после, навсегда сохранили в моей памяти убеждение в том, что в нем таится неисчерпаемый источник энергии и решительности. Я был увлечен речью В. И. Ленина, и с этого момента у меня зародилось к нему навсегда особое уважение и любовь.

Утром 4 апреля В. И. Ленин выступил на собрании руководящих работников большевистской партии в Таврическом дворце с знаменитыми апрельскими тезисами, давшими большевистской партии генеральный план борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.

Затем В. И. Ленин повторил тезисы своего доклада на собрании делегатов Всероссийского совещания Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а 7 апреля 1917 года тезисы В. И. Ленина были опубликованы в газете «Правда».

Солдаты Павловского полка в феврале 1917 года первые встали на сторону революции, а с момента приезда В. И. Ленина в Петроград они с каждым днем все более и более революционизировались.

Вера в Ленина, партию большевиков среди солдат нашего полка росла с каждым днем. Чтобы понять всю ту любовь к В. И. Ленину и веру в его великий авторитет среди солдат нашего полка, я приведу пример. Утром 3 июля 1917 года солдаты нашего полка выступили с требованием пойти к Временному правительству с ультимативными требованиями и лозунгами на уже изготовленных плакатах: «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!». Но председатель полкового комитета Летунов заявил, что Ленин просит передать нам: время для выступления не наступило, и чтобы мы разошлись в свои казармы. Тогда солдаты дружно начали предлагать идти с просьбой к Ленину, чтоб он разрешил нам идти к Временному правительству с ультимативными требованиями. Летунов заявил, что вторично поедет к Ленину и передаст нашу просьбу. Солдаты не расходились, терпеливо ожидали его возвращения. Но после того как возвратившийся от Ленина Летунов передал, что Владимир Ильич по-прежнему просит не выступать, солдаты вновь высказались, чтобы идти всем к Ленину с той же просьбой. Летунов поехал в третий раз к Ленину. Солдаты и на этот раз терпеливо ожидали возвращения тов. Летунова, а после его отрицательного сообщения вновь заявили, что надо идти к Ленину всем. Тогда Летунов предложил строиться в колонну и выйти на демонстрацию с упомянутыми лозунгами против Временного правительства и притом с незаряженными винтовками и со снятыми штыками. Следовательно, 12 тысяч вооруженных солдат и не думали даже проявить каких-либо самовольных действий, они добивались только, чтобы услышать о запрещении выступлений из уст самого В. И. Ленина.

Выстроившись в колонну по отделениям, солдаты двинулись с революционными песнями к Троицкому мосту и оттуда по Набережной к Литейному мосту, свернув на Литейный проспект, вышли на Невский проспект. Командиров из бывших офицеров с нами никого не было, они скрылись, оставив казармы. Я со своим отделением шел во втором ряду. Идя по Невскому проспекту в сторону Зимнего дворца, при подходе к углу Садовой улицы солдаты запели революционную песню, кажется, «Вы жертвою пали в борьбе роковой», но в этот момент из-за угла Садовой улицы выскочил броневик.

Броневик принадлежал Временному правительству. Остановился он посредине Невского проспекта, и тут же совершенно

для нас неожиданно из броневика открыли по солдатам шквальный огонь. Появились убитые и раненые.

После обстрела Временным правительством нашего полка солдаты, в том числе и я, возвратились в казарму ночью 4 июля 1917 года в мрачном и озлобленном состоянии. Мы всю ночь, а также на другой день и в последующие дни говорили с возмущением и ненавистью о преступлениях буржуазного Временного правительства, меньшевиков и эсеров, в то же время уверяли самих себя в том, что наступят дни, когда мы еще покажем Временному правительству, их соглашателям и буржуазии. Вместе с тем с большим сожалением и с особой любовью мы, как бы считая себя виновными перед тов. Лениным, говорили: «Подвели мы тов. Ленина». Однако вскоре нам стало известно не только по слухам, но и из официальных разговоров и выступлений представителей партии большевиков о том, что партия большевиков и лично В. И. Ленин не только не осуждают солдат, но и призывают их к организованности, бдительности и подготовке к свержению власти буржуазии.

В августе 1917 года царский генерал Корнилов, имея намерение захватить Петроград, установить буржуазно-помещичью военно-террористическую диктатуру и восстановить монархию, двинул на Петроград конный корпус, куда входили казачьи полки и полки дикой дивизии под командованием генерала Крымова.

Несмотря на то, что партия большевиков в то время находилась в подполье, а В. И. Ленин скрывался в шалаше на берегу Финского залива, партия во главе со своим вождем сумела организовать силы, способные разгромить войска Корнилова.

По призыву партии большевиков революционные войска и красногвардейцы немедленно выступили на защиту Петрограда и революции. Я прибыл со своим отрядом в назначенное место под Петроградом во второй половине дня 25 августа 1917 года. Сюда стекались и другие части и отряды, а также красногвардейцы. Между отрядами была быстро установлена связь. Я со своим отрядом был назначен в заставу и двинулся навстречу войскам Корнилова впереди авангарда главных сил революционных войск. Одновременно вокруг Петрограда спешно рылись окопы и сооружались другие укрепления.

Одновременно навстречу войскам Корнилова из Петрограда были высланы агитаторы, которые разъясняли казакам и горцам всю преступность замысла Корнилова, что они втянуты обманным путем в контрреволюционный поход. Кроме того, по призыву ЦК партии большевиков создавались ревкомы, а солдаты создавали революционные отряды и не пропускали корниловские эшелоны к Петрограду; корниловцы подвергались арестам. Попытка уничтожить революцию при помощи военного мятежа провалилась. 30 августа 1917 года корниловцы были полностью разгромлены, а генерал Крымов застрелился.

На другой день нам стало известно, что Питерский Совет рабочих и солдатских депутатов встал на сторону большевиков и принял большевистскую резолюцию с требованием создать Советское правительство; старый меньшевистско-эсеровский президиум Совета ушел в отставку.

В дни апрельской и июльской демонстраций я видел В. И. Ленина трижды. Несколько раз мне приходилось видеть его в Смольном, и каждый раз во мне все больше и больше росло к нему какое-то особое уважение. Я всегда видел его очень живым и подвижным, он был исключительно энергичным и волевым человеком.

Я видел В. И. Ленина и в Михайловском театре, где проходило собрание. По специальному поручению я был назначен начальником караула по охране этого театра во время собрания. Когда мы принимали театр под охрану, там еще никого не было. Вскоре начали собираться члены собрания. С обоих сторон у входа на сцену было поставлено по два человека. Им было приказано пропускать на сцену только по специальным удостоверениям. Сам я тоже находился на сцене с правой стороны около солдат.

В. И. Ленин на собрание явился почти первым, той же обычной быстрой походкой и тут же, поздоровавшись со мной за руку, хотел предъявить удостоверение, но я отказался от проверки и сказал: «Я вас, тов. Ленин, знаю». Тогда он спросил: «Какой части и чем занимаются солдаты в полку?», а после моего подробного ответа сказал: «Хорошо, очень хорошо»,— и сел в глубине сцены.

Председательствовал на этом собрании Я. М. Свердлов, который после открытия собрания подозвал меня к себе и, вынув из кармана удостоверение в красной обложке, сказал, что пропускать на сцену следует только по таким удостоверениям, и на мой ответ, что я уже знаю, сказал: «Хорошо». Первым оратором-докладчиком выступила тов. Коллонтай.

На этом собрании В. И. Ленин не выступал, он все время сидел в глубине сцены и, нагнувшись, что-то быстро писал. Этот день в моей памяти остался на всю жизнь. Это для меня было целое событие, ведь мне посчастливилось увидеть В. И. Ленина рядом, и он даже поздоровался со мной за руку. А когда В. И. Ленин сидел в глубине сцены, тоже очень близко от меня, я не спускал с него глаз, все мое внимание было приковано к Владимиру Ильичу. Отлучался я только для проверки наружных и внутренних постов и дачи указаний дежурным и разводящим.

Во время Великой Октябрьской социалистической революции, штурма Зимнего дворца, где находилось буржуазное правительство под охраной верных ему юнкеров и воинских частей, где было сосредоточено до пяти полков, Военно-революционный комитет по указанию В. И. Ленина поручил штурм Зимнего Павловскому полку, который должен был занять все подступы

к Зимнему дворцу. 24 октября 1917 года по старому стилю ревкомом полка и полковым комитетом я был предупрежден, что мне будет дано особо важное задание и чтобы я никуда не отлучался.

В 10 часов утра 25 октября я вывел свой отряд в составе 80 человек и занял район гвардейского экономического общества на Большой Конюшенной улице, рядом с Невским проспектом против Зимнего дворца. Основной задачей моего отряда как раз и являлось захватить здание гвардейского экономического общества вместе с находящейся там большой группой офицеров и генералов, а также захватить подступы к Зимнему дворцу.

Подойдя к 4-этажному зданию гвардейского экономического общества, мой отряд окружил его и занял рядом расположенные улицы — подходы к Зимнему, а затем у всех выходных дверей были расставлены посты. Все это было проделано настолько быстро, что офицеры и генералы завозились и поняли о случившемся тогда, когда я с возвышенности неожиданно для них объявил, что здание окружено, все выходы заблокированы, выходить только в главный выход с предъявлением документов для проверки. Мы предупреждали, что к лицам, оказывающим сопротивление, будут применяться беспощадные меры. Всего было задержано 250 офицеров, 5—6 генералов. Все задержанные под конвоем направлялись в ревком нашего полка.

Когда наша операция по очистке здания гвардейского экономического общества от офицеров подходила к концу, была уже ночь. Но мы продолжали блокировать подступы к Зимнему. Еще днем мы задержали нескольких разведчиков, направленных с Зимнего дворца, которых тоже отправили в ревком. Я уже мысленно решил часть отряда оставить для охраны здания гвардейского экономического общества, а с другой частью отряда направиться через Невский проспект к Зимнему. Вдруг совершенно неожиданно со стороны Зимнего, расположенного от нас очень близко, раздалась громкая пулеметная и ружейная стрельба и голоса, а через некоторое время выстрел из орудия, оказавшийся историческим выстрелом с легендарного крейсера «Авроры».

Я тут же взял большую часть отряда, подал команду, и мы в рассыпном порядке направились к Зимнему. При подходе к площади Зимнего дворца я заметил большое количество солдат нашего Павловского полка. Тут же я заметил матросов и красногвардейцев, вместе с которыми солдаты Павловского полка и моего отряда по команде перебежками начали приближаться к Зимнему, перебегая Дворцовую площадь.

Штурм Зимнего продолжался не очень долго. Но он носил решительный, весьма смелый и ожесточенный характер. Сломив сопротивление контрреволюции, мы ворвались в Зимний дворец, арестовали многих членов Временного правительства.

25 октября 1917 года почти все революционные отряды Петрограда одержали победу над контрреволюцией, а на другой день мы узнали, что на II Всероссийском съезде Советов было образовано первое Советское правительство во главе с В. И. Лениным. Выступивший на этом съезде Ленин провозгласил Советскую власть и сделал два доклада: «О мире» и «О земле».

П. С. МИРОШНИЧЕНКО,
старый большевик, персональный пенсионер.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

В 1919 году в боях с белогвардейцами в районе Ворожба — Карнеево я получил ранение и был отправлен на излечение в 320 Пензенской запасной полевой госпиталь.

Шло время, молодой сильный организм быстро преодолел тяжелый недуг. И вот я снова в военкомате, жду направления в армию. Но здесь судьба моя неожиданно изменилась: я был послан не в Красную Армию, энергично готовящуюся к войне с панской Польшей, а в Пензенскую губчека, как потом выяснилось, по решению губкома партии.

Так началась моя новая жизнь, жизнь чекиста.

В 1920 г. я выехал в служебную командировку в Москву. На второй день пребывания в столице я узнал в дежурном помещении ВЧК, что в середине дня, приблизительно около 2-х часов, состоится расширенное совещание работников ЧК, где с докладом выступит сам Ф. Э. Дзержинский. Мне сказали, что я тоже могу присутствовать на совещании, но для этого нужно получить пропуск.

Вскоре я получил пропуск и направился в зал заседаний. Там уже сидело свыше двухсот человек, из них около одной трети составляли такие же, как и я, работники ЧК с мест.

Совещание началось. Ф. Э. Дзержинский четко и коротко охарактеризовал работу органов ВЧК, подробно остановился на задачах и формах нашей нелегкой работы. Особенно ценными и важными были эти конкретные указания Ф. Э. Дзержинского для нас, работников периферии. Свое выступление этот прославленный руководитель ВЧК закончил призывом к собравшимся высказаться по вопросам укрепления работы чекистов. Затем был объявлен перерыв, во время которого нам стало известно, что на наше совещание, возможно, приедет Ленин. Волнение охватило всех присутствующих. И вдруг идет Ленин.

В. И. Ленин вошел в общую входную дверь и быстро проходил по залу к президиуму. Он был встречен бурной продол-

жительной овацией и, уже находясь среди членов президиума, стоя лицом к аудитории, добродушно кланялся и улыбался, а затем поднял руку, как бы предупреждая и давая понять, что нужно продолжать работу нашего совещания. Мы немного успокоились, и Ф. Э. Дзержинский представил слово одному чекисту с места. В. И. Ленин внимательно слушал выступление, а сам то и дело поглядывал на часы. Очевидным было, что он располагал крайне ограниченным временем и поторапливался. Но вот оратор сошел с трибуны, и встал В. И. Ленин. Зал замер.

В короткой речи В. И. Ленин рассказал о внутреннем положении, подчеркнул, что чекистам еще предстоит большая и напряженная работа, т. к. внутри страны еще немало враждебных сил, пытающихся всячески вредить нашей молодой Советской власти, что работники ЧК должны быть особенно бдительны и вести решительную борьбу с врагами революции. Закончив выступление, Владимир Ильич, улыбаясь, сердечно раскланялся и пожелал нам успехов в работе, после чего перебросился несколькими словами с Ф. Э. Дзержинским и тут же вышел в другую дверь.

Так я впервые почти в течение 30 минут видел В. И. Ленина. Видел очень близко и отчетливо, т. к. сидел во втором ряду от президиума.

Но эта первая встреча оказалась не последней. В 1921 г., состоя на работе в должности начальника политбюро Пензенской губчека по Инсарскому уезду, я как-то в конце лета был вызван в губчека и вместе с другими нашими работниками выехал на совещание в Москву. На этом совещании чекистов всей республики В. И. Ленин пробыл более двух часов. Совещание вел Ф. Э. Дзержинский. В перерывах Владимир Ильич спускался из президиума в общий зал, подходил к группам участников совещания, расспрашивал о жизни, о работе, шутил и смеялся. Вот тут-то и сказалась во всей своей притягательной силе простота и скромность Владимира Ильича. Он среди участников совещания буквально ничем не выделялся и в разговорах с работниками с мест казался самым близким и сердечным человеком.

Выступление Владимира Ильича было настолько пламенным и так вдохновляло и невыразимо воодушевляло на большие революционные дела, что каждому вливало как бы свежесть сил и волю к борьбе за великое дело социалистической революции.

И, наконец, пришлось мне еще в третий раз увидеть В. И. Ленина. В ночь на 22 января 1924 года по общежитию делегатов XI Всероссийского съезда Советов, на котором я участвовал как делегат от Пензенской губернии, пробежала страшная весть о кончине Владимира Ильича. В эту тяжелую ночь в состоянии чрезвычайной скорби и тяжелых переживаний никто

из делегатов не мог уснуть. Всю ночь шли разговоры, воспоминания о великом вожде, о понесенной страшной невозвратимой утрате. Всех нас как бы сковала какая-то невыразимая горечь и скорбь. Некоторые вспоминали, как всего несколько дней тому назад, во время открытия съезда Советов делегаты были проинформированы об улучшающемся состоянии здоровья Ильича. И вдруг нет в живых нашего Ленина.

На второй день утром весь состав делегатов съезда организованно отправился на Павелецкий вокзал для встречи навеки уснувшего дорогого вождя, учителя и друга угнетенных всего мира. Медленно подходил к перрону вокзала траурный поезд. И чем больше сокращалось расстояние между нами и поездом, тем больше сжималось от боли сердце. Участники XI Всероссийского съезда Советов шли в одной из первых колонн за гробом великого Ленина. В течение нескольких дней находился Ильич в Колонном зале Дома Союзов, и все это время непрерывным потоком и днем и ночью проходили трудящиеся москвичи и приехавшие со всех концов страны посланцы, чтобы последний раз взглянуть и проститься с самым человечным человеком, создателем нашей Коммунистической партии и организатором первого в мире Советского государства. Партия, народ, вся страна находились в глубоком трауре. Но не было растерянности в наших рядах, ибо мы непоколебимо твердо верили во всепобеждающую силу ленинского учения, которое непременно приведет нас к новым победам в строительстве социализма и коммунизма.

Д. Г. ОРХИДЕЯ,
член КПСС с 1918 года, персональный пенсионер.

ВОСПОМИНАНИЯ

Мое детство и юношество проходили в глухом мордовском селе Киртели бывшей Симбирской губернии, в лесной местности, недалеко от великой русской реки Волги, где я и родился в бедной крестьянской мордовской семье в 1890 г.

Жизнь наша до Великой Октябрьской социалистической революции была безрадостна. Занимаясь сельским хозяйством на клочке надельной по мужским душам земли, наша семья никогда не могла обеспечить себя своим хлебом до нового урожая. Нам — отцу, старшему брату и мне — приходилось уходить на заработки с тем, чтобы иметь средства на пропитание всей нашей семье, состоящей из десяти человек, а всего у моих родителей было одиннадцать детей, десять мальчиков и одна девочка, в живых осталось пятеро, остальные умерли еще в раннем детстве. Все мы в то время одевались в домотканую одежду, обувались в лапти, которые сами плели.

Я начал свою деятельность рано. Еще восьмилетним мальчиком пас по найму крестьянский скот.

Когда мне исполнилось тринадцать лет, в весеннее время работал по найму на реке Волге у местных лесопромышленников на погрузочных работах за мизерную плату, а летом работал дома.

Отец и мать были совершенно неграмотны. Но цену грамоте они поняли, поэтому они всемерно стремились дать своим детям хотя бы начальное образование. Все мы, пятеро братьев, обучались в начальной школе, но закончить ее удалось только мне.

У мордовского народа до Великой Октябрьской революции своей письменности не было, и нам приходилось с первого же года обучения учиться в школе на русском языке, которого мы не знали, поэтому нам было очень трудно учиться в школе, учебный материал усваивали механически, что отрицательно сказывалось на обучении.

В таком же тяжелом положении, в каком была при царизме

наша семья, было подавляющее большинство мордовского населения нашего села и других мордовских населенных пунктов Среднего Поволжья, и никаких перспектив на улучшение своей жизни при царизме не видели. И чем дальше, тем жизнь крестьянина все более и более становилась тяжелой и невыносимой. Поэтому не случайно, что крестьяне наших сел и деревень встретили революцию 1905—1907 гг. так близко к своему сердцу. Они своими выступлениями против царизма и помещиков доказали это. Крестьяне отказались платить подати царскому правительству, потребовали возврата земли, отобранной у крестьян удельным ведомством, стали обеспечивать себя топливом из удельных лесов, в чем раньше отказывали царские чиновники, живя под лесом, бывали всегда без топлива, выступали против кровопролитной антинародной русско-японской войны.

Все эти выступления наших крестьян против царизма и помещиков были жестоко подавлены карательным отрядом донских казаков, посланных царским правительством. Многие крестьяне были избиты казачьими нагайками, арестовывались и отправлялись в Сибирь. Это было самое мрачное время в нашей жизни, и оно осталось в моей памяти навсегда. Но наши крестьяне, особенно беднота, не могли помириться со своим бедственным положением, революция 1905—1907 гг. оставила в их сердцах глубокий след ненависти к царизму, помещикам и капиталистам. Были отдельные выступления среди грузчиков мордвы на р. Волге в 1910 г., в которых я также принимал участие, будучи матросом на барже. Крестьяне наших сел были религиозны, но после революции 1905—1907 годов эта религиозность тоже сильно пошатнулась.

Крестьянские выступления в революции 1905—1907 гг. были борьбой за землю и свободу против помещиков и царизма, за улучшение своего экономического положения. Революция 1905—1907 гг. в нашей стране потерпела поражение. Выступления крестьян были жестоко подавлены. По всей стране свирепствовала черная реакция. Но революционный дух трудового народа не был подавлен. Введенный столыпинский аграрный закон не мог успокоить недовольство крестьян. В нашем мордовском селе Киртели царские чиновники особенно усердно проводили выделение крестьянских хозяйств на отруба, несмотря на большое сопротивление со стороны крестьян этому закону. При отводах земельных участков часто происходили кровавые столкновения с царской жандармерией.

Беднота выходила на отруба из-за безвыходного своего положения с тем, чтобы закрепить за собой землю и продать ее кулакам, а самому уехать совсем из деревни искать счастья в городе или отдаленных местах страны, а некоторые переселялись в Сибирь. Но и там они не находили счастья, многие возвращались обратно нищими и больными, а некоторые погибли.

Началась в 1914 году первая мировая империалистическая

война. Сыновья мордовского народа наравне с другими национальностями забирались в царскую армию и посылались в кровавую бойню на все фронты военных действий. Многие погибли на фронте, многие вернулись искалеченными. Нас было пятеро братьев, и все были взяты на войну. Старший брат погиб, оставив четверых сирот, один брат вернулся калекой.

Будучи на фронте и в тыловых выздоравливающих командах после госпиталя, мы, солдаты, стали более ясно понимать, за чьи интересы посылают нас сражаться и кто является виновником этой кровавой бойни. Я встретился в выздоравливающей команде при эвакуационном пункте в г. Казани с солдатом тов. Ткаченко, бывшим учителем украинской деревни, от которого узнал впервые о Владимире Ильиче Ленине как о вожде русского пролетариата: он рассказал нам о борьбе Ленина против империалистической войны, о борьбе за власть трудящихся, по этим вопросам мы с ним вели агитацию среди солдат выздоравливающей команды. Но кто-то донес о нашей работе, и мы были подвергнуты репрессиям, нас отправили в штрафную роту для немедленной отправки на фронт. Февральская революция этому помешала, мы остались свободными. Я принял активное участие в работе первой революционной сходки в г. Казани, на которой вынесли решение об аресте командующего Казанским военным округом генерала Сандецкого и других царских генералов. И с этого момента стал активно работать в 164 пех. зап. полку, в его полковом комитете в качестве члена.

Казань в то время являлась не только центром военного округа, где были размещены штаб военного округа, военное училище, несколько школ прапорщиков и крупные воинские части, но и крупным промышленным городом с многочисленным пролетариатом.

В конце октября 1917 года политическая атмосфера в стране накалилась до предела. Мы, солдаты, потеряли всякую веру во Временное правительство и его органы власти на местах, особенно после корниловского мятежа. Штаб военного округа принимал все меры к тому, чтобы освободиться от революционно настроенных солдат путем отправки их на фронт. Эти меры еще больше вызывали недовольство и протесты со стороны солдат, которые все настойчивее требовали прекращения губительной для народа империалистической войны. В этом была большая заслуга нас, агитаторов партии большевиков в войсковых частях гарнизона. Мы усиленно вели подготовку солдат к вооруженному восстанию.

24 октября днем в нашем полку происходил митинг, на который пришло более десяти тысяч солдат. На этом митинге единодушно решили совместно со всеми воинскими частями Казанского гарнизона идти на штурм власти капиталистов и помещиков. В этот же день при нашем 164 пех. зап. полку под руководством уполномоченного Центрального Комитета партии

большевиков и Петроградского военно-революционного Комитета товарища Масальского был создан революционный штаб для общего руководства всеми вооруженными революционными силами. В штаб приходили и делегации от рабочих коллективов заводов и фабрик г. Казани. Делегация казанского завода, например, так заявила: «Мы посланы от сорокатысячного коллектива рабочих завода заявить штабу революционных войск о том, что весь наш коллектив передается в распоряжение штаба и готов в любую минуту выступить с оружием в руках на борьбу за власть Советов».

О своей готовности к вооруженной борьбе за Советскую власть заявляли и другие рабочие делегации.

Поздно вечером 24 октября революционным войскам был дан приказ выступить. Вооружившись винтовками, гранатами и пулеметами, воинские части пошли на штурм г. Казани, где были сосредоточены верные Временному правительству вооруженные силы, состоявшие в основном из юнкеров военного училища и школ прапорщиков. К полуночи мы окружили город со всех сторон.

Утро 25 октября было пасмурным, выпал небольшой снег, был слабый мороз. С рассветом приступили к артиллерийскому обстрелу Казанского кремля. После обстрела началось общее наступление всех революционных сил на город, главным образом на кремль, где были сосредоточены наиболее надежные силы контрреволюции.

Наступательный порыв революционных войск против воинских частей, верных Временному правительству, был огромный и быстро вынудил капитулировать силы контрреволюции. В Казани утвердилась Советская власть, и в те незабываемые дни мы радостно праздновали свою победу.

Население мордовской деревни Среднего Поволжья в социально-экономическом отношении в основном состояло из бедноты, особенно резко выделялось классовое расслоение в селах Киртели и Кадышево, в которых властвовали богачи-лесопромышленники братья Романовы и Гурьяновы, они закабаляли все население не только этих сел, но и других соседних сел и деревень. На их лесоразработках работали за мизерную плату от малого до старого человека и никогда не выходили из долгов у этой кучки богачей. Беднота закладывала свой земельный надел за бесценок, и сама превращалась в батраков. Поэтому подавляющее большинство населения наших мордовских сел и деревень радостно встретило весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде и других городах, и оно стало с оружием в руках на борьбу за Советскую власть в нашей стране, за ее укрепление, беспощадно подавляя кулацкие контрреволюционные восстания против Советской власти на местах, храбро сражаясь за Советскую власть и на фронтах гражданской войны.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции я оставался в Казани до июня 1918 года.

В начале июня 1918 года я был демобилизован и вернулся в родное село Киртели. Но отдыхать нам не пришлось, опять взялись за оружие против белогвардейских полчищ на Волге. Наш отряд состоял из бывших фронтовиков и своими действиями не давал проводить в наших мордовских селах мобилизацию молодежи в ряды белой армии, делал налеты на воинские части белых, отбирал у них оружие и им вооружался.

Когда был освобожден Красной Армией от белых г. Симбирск, Советская власть была быстро восстановлена по всей Симбирской губернии.

Революционная активность середняцко-бедняцких масс в наших мордовских селах и деревнях была высокая, вскоре она проявилась и в национальной самосознательности, в августе 1918 года была организована первая национальная мордовская Киртелинская волость, создана была группа сочувствующих партии большевиков, куда вошли бывшие фронтовики и активисты из бедноты, а 9 февраля эта группа была оформлена в Киртелинскую партийную организацию, в этот же день были вручены нам партийные билеты, одновременно выданы нам винтовки, и мы считались мобилизованными на борьбу с Колчаком и готовились к выступлению против белогвардейских частей и кулацкой контрреволюции.

В наших селах активно работали комитеты деревенской бедноты. Классовая борьба часто доходила до крайнего обострения при заготовке хлеба и взимании налогов с кулачества. Кулакам нередко удавалось спровоцировать контрреволюционные восстания против Советской власти. Такое восстание было и в нашем селе Киртели.

В селе Кильдюшево, недалеко от нашего села, кулаком Пугачевым и другими была брошена бомба в дом, где в это время проходило собрание бедноты. В результате взрыва было убито восемь человек.

Все контрреволюционные действия кулачества нашим отрядом под руководством нашей парторганизации беспощадно подавлялись.

Самыми активными партийными и советскими работниками в нашей волости в то время были: тт. Кузин Д. Н., Меньшов Я. О., Меньшов Е. О., Щеглов А. Г., Орхидея Д. Г., Меньшов Ф., Николаев С. Н., Ещиганов, Россев и Абмаев П. И.

Наша Киртелинская большевистская партийная организация была самой активной из сельских партийных организаций в Симбирской губернии, ее хорошая работа отмечалась на многих уездных и губернских партийных конференциях. Со дня ее организации до июля 1920 года я был секретарем, в то же время и учителем Киртелинской школы I ступени.

В начале июля 1920 года я был вызван в распоряжение

Симбирского губкома РКП(б) для организации издания мордовской губернской газеты, которая стала выходить в июле 1920 года под названием «Чинь стямо», первым ее редактором был я, секретарем и моим заместителем — Кузин Д. И., ныне оба персональные пенсионеры.

Это была первая политическая газета на мордовском языке, она распространялась среди мордовского населения Симбирской губернии и рассылалась по частям Красной Армии для распространения среди красноармейцев из мордвы.

Мордовская газета «Чинь стямо», издаваемая мордовской секцией при Симбирском губкоме РКП(б), просуществовала до конца 1923 года (последним редактором ее был тов. Арапов И. Р.), т. е. до того времени, когда стала издаваться центральная мордовская газета «Якстере теште».

Симбирским губкомом партии при участии работников из мордвы была проделана большая работа среди мордовского населения. Кроме издания газеты, на мордовском-эрзя языке издавались в переводе с русского на эрзянский язык брошюры на политические темы, проводилась агитационно-пропагандистская и культурно-просветительная работа среди мордовского населения губернии, открывались школы, клубы, избы-читальни, библиотеки и т. д.

Работники среди национальных меньшинств Поволжья приняли активное участие в организации и работе первого Всероссийского съезда коммунистов из мордвы, который был проведен в 1921 г. в г. Самаре. На пленарном заседании съезда я сделал доклад с обширным сообщением о проделанной работе мордовских организаций в Симбирской губернии.

На этом съезде поднимался вопрос и об организации Мордовской автономной единицы в составе РСФСР. Решением конференции также были подобраны кадры из мордвы для работы в центральных мордовских организациях—при ЦК РКП(б), в Наркомнаце и Наркомпросе.

Следует отметить, что в наши мордовские организации шли работать преимущественно работники из молодежи. Старая интеллигенция из мордовской национальности неохотно шла к нам работать, приходилось с большим трудом вовлекать ее в советские организации. Поэтому нам приходилось нести большую нагрузку, занимая одновременно несколько руководящих должностей, например, я являлся ответственным секретарем мордовской секции при Симбирском губкоме РКП(б), заведующим подотделом нацменьшинств при Симбирском УОНО и заведующим Мордовским подотделом при Губотделнаце. Активными работниками симбирских организаций были: два брата Катаевых—Яков и Иван, Губанов, Кутузов, Нестеров, Орхидея Д. Г., Желтов Д. С., Кудин Д. И., Праксин С. С., Арапов И. Г. и др.

В ноябре 1922 г. я был вызван в распоряжение ЦК РКП(б) для работы в мордовской секции при ЦК партии в качестве

инструктора. Ответственным секретарем секции в то время был тов. Желтов Д. С. Были укомплектованы мордовскими работниками редакция мордовской газеты «Якстере теште», подотделы при Наркомнаце и Наркомпросе. Позднее был создан Мордовский отдел при ВЦИКе. Первым редактором газеты «Якстере теште» был тов. Окин Е. С., заведующим мордовским подотделом при Наркомнаце т. Башаев, заведующим мордовским подотделом при Наркомпросе Ульянов и его инспектором по мордовским школам тов. Кручинин М. Г., заведующим отделом при ВЦИК тов. Васильев Т.

Центральными мордовскими органами была проделана значительная работа по организации среди мордовского населения политико-массовой и культурно-просветительной работы во всех губерниях, где проживало мордовское население. При всех губкомах и обкомах РКП(б) автономных республик, во многих уездных комитетах РКП(б) были организованы мордовские национальные секции. При губернских и уездных отделах народного образования создавались подотделы, через которые проводилась на местах работа среди мордовского населения. Для подготовки учителей из мордвы были открыты мордовские педагогические техникумы — в селе Толкай Самарской губернии, в г. Петровске Саратовской губернии и г. Алатыре Симбирской губернии.

Издательская секция при Центриздате народов Востока выпускала не только газету «Якстере теште», но и учебники на мокшанском и эрзянском языках для мордовских школ.

В 1923 г. был издан первый мордовский букварь на мокшанском языке, авторами его были Завалишин и Орхидея Д. Г.

Немало сделано нами и в области подготовки мордовских научных кадров из молодежи. Добивались как можно больше мест во всех вузах Москвы и других городов страны, куда направлялась молодежь по путевкам мордовской секции при ЦК РКП(б) и мордовского подотдела при Наркопросе.

Были созданы и мордовские студенческие организации в Москве и других городах. В этих организациях проводилась работа по сплочению студенчества с целью использования их для культурно-просветительной работы среди мордвы.

Мордовская секция при ЦК ВКП(б), а также работники национальных отделов и подотделов губернских и уездных партийных и советских учреждений провели большую работу по образованию мордовской автономии. На основе проекта, разработанного под руководством мордовской секции при ЦК ВКП(б), в 1928 году был организован Мордовский округ, который в 1930 году был преобразован в Мордовскую область, а в 1934 году — Мордовскую АССР.

А. А. СУВОРОВ,
член КПСС с 1918 г., персональный пенсионер.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В БЫВШЕМ ИНСАРСКОМ УЕЗДЕ

Сейчас мне исполнилось 64 года, а с момента описываемых событий прошло более сорока лет, и поэтому некоторые обстоятельства и факты мною уже забыты, однако в моих воспоминаниях нет ничего надуманного. В них изложены только те события, участником которых был я сам.

В мае 1918 года по демобилизации я прибыл в Старое Шайгово, а оттуда выехал в г. Инсар. Здесь был назначен помощником заведующего агитационно-вербовочным отделом при Инсарском уездном военном комиссариате.

С первых же дней пребывания в Инсаре мне стало известно, что большевистской партийной организации здесь еще не было. Только начиналась разворачиваться работа по организации ячеек РКП(б). Но зато в городе была довольно-таки большая эсеровская организация, лидерами которой являлись Несмеянов, поп Ксенократов и другие. В составе уездного исполнительного комитета, избранного I и II съездами Советов, а также на ответственных должностях было много эсеров и лиц с эсеровской идеологией.

Уисполком, засоренный недостойными элементами, не мог и не способен был организовать работу по укреплению Советской власти и вести борьбу с контрреволюцией. В уезде не был организован сбор чрезвычайного налога и продразверстки. Это давало возможность кулакам, помещикам, купцам и торговцам в городе и селах разбазаривать, скрывать свое имущество, ценности, скот и хлеб.

Город Инсар тогда был небольшим городом, но здесь было много различных торговцев и купцов, среди которых особо крупными являлись купец I гильдии Епанешников, лесопромышленник и купец мануфактурного магазина Шумилин, купцы братья Тумольские, Лихачев, Войнов, Немцев, Чернышев, Дербеденев и другие. Всем этим лицам в городе жилось вольготно. Они проживали в своих домах. Магазины у них были не конфискованы, чрезвычайный налог они почти не платили.

Такова была в то время общая обстановка в Инсаре. Среди беспартийных много было сочувствующих большевикам и особенно из числа демобилизованных солдат, которые решительно выступали против эсеров и проводимой ими политики. Весьма энергичным, настойчивым и решительным, большевистски настроенным человеком являлся зав. агитационно-вербовочным отделом уездного военного комиссариата тов. Чибрин. Это был исключительно честный товарищ, золотой души человек. В весьма короткий срок нам с ним удалось завербовать в Красную Армию большое количество добровольцев и направить на фронт до десяти маршевых рот. Это была большая работа. Завербованные нами в Красную Армию добровольцы проявили себя исключительно стойкими воинами в борьбе против контрреволюционных войск. Это свидетельствовало и о том, что, несмотря на противодействие эсеров, все же находились люди и особенно среди молодежи, которые решительно вступали на путь борьбы с врагами революции. Позднее прибыли в Инсар тт. Грязев, Хвесюк и др., которые также решительно выступили против эсеров и эсеровски настроенных лиц.

Примерно в июне 1918 года по заданию уездного комиссара тов. Разуваева я вместе с работником отдела формирования и обучения войск Василием Мягковым был командирован в Шадым-Рыскинскую волость для организации волостного комиссариата. Село Шадымо-Рыскино было тогда центром волости. Здесь наблюдалось засилье эсеров. Они организовали кулацкое восстание.

Согласно положению, волостные военные комиссариаты организовывались на общих собраниях граждан, где одновременно избирался военный руководитель, которого уездный военный комиссар имел право не утверждать, и тогда на эту должность назначался другой.

Примерно через час после объявления все взрослые граждане с. Шадымо-Рыскина были в полном сборе.

После моего доклада «О значении и необходимости организации в Шадымо-Рыскине волостного военного комиссариата» поднялся невообразимый шум, послышались антисоветские выкрики. Несколько человек на мордовском языке начали подстрекать собравшихся к расправе над нами. Узнав об этом, я обратился к гражданам на родном мокшанском языке с призывом стойко защищать завоевание революции, не попадать в ловушку свергнутых эксплуататорских классов, не проливать зря трудовую кровь. Послышались одобряющие голоса: «Этот человек нашей кости». А после того, как присутствующие узнали, что я уроженец, как и они, Инсарского уезда села Старое Шайгово, обстановка совсем разрядилась.

После обстоятельных ответов я вновь поставил вопрос перед общим собранием об организации военного комиссариата. На этот раз против моего предложения никто не возразил.

Предложение об организации волостного военного комиссариата было принято единогласно. Но эсеры военным руководителем протащили ярого эсера, который до этого энергично призывал граждан к расправе и убийству нас.

Однако это нас не беспокоило. Мы были убеждены, что кандидатура эсера утверждена не будет. Уездный военный комиссар Разуваев так и поступил: на основании моей информации он не утвердил избранного эсера военным руководителем волости и назначил другое лицо.

Вскоре после этого мною были организованы военные волостные комиссариаты в Майданской, Старо-Шайговской и других волостях.

Во время выездов в командировки мною в селах проводились групповые и индивидуальные беседы с гражданами — молодежью из середняцкой и бедняцкой прослоек — по вопросу вербовки добровольцев в Красную Армию. В результате разъяснительной работы многие граждане приходили в агитационно-вербовочный отдел при Инсарском увоенкомате, чтобы оформиться добровольцем в Красную Армию.

Примерно в июле — августе 1918 года в Инсар прибыли из Петрограда члены Коммунистической партии тт. Свентер и Андреев в качестве парторганизаторов и агитаторов, которые тут развернули большую работу по созданию большевистских организаций, укреплению Советов, созданию комитетов деревенской бедноты и обложению буржуазии чрезвычайным налогом.

В результате упорной и настойчивой работы тт. Свентер и Андреев в обстановке эсеровского засилья в г. Инсаре в 1918 году создали вначале небольшую большевистскую партийную организацию, примерно из 15—20 членов. Первым секретарем городской партийной организации был избран тов. Утехин, председателем укома Свентер, но вскоре (недели через две) на одном из партийных собраний т. Утехин, кажется, в связи с выездом на учебу был освобожден от занимаемой должности, а я избран секретарем только что созданного Инсарского уездного комитета РКП(б), который одновременно возглавил непосредственно городскую партийную организацию.

Будучи секретарем укома РКП(б), на нашу долю с тов. Свентер выпала большая работа по организации большевистских партийных ячеек, которые и были организованы во всех волостях и во многих селах и деревнях. Повсеместно были созданы комитеты бедноты и проведена работа по обложению и выполнению чрезвычайного налога и продовольственной разверстки. Все эти мероприятия Инсарской парторганизации были выполнены успешно, в чём, безусловно, очень большая заслуга тов. Свентер.

До создания укома РКП(б) борьба с эсерами носила неорганизованный характер. Но после образования укома РКП(б)

борьба против эсеров сразу же приняла организованный характер, в результате чего среди эсеров возник определенный разброд и неуверенность. Они начали терять свой авторитет среди населения. Эсеры теперь уже не решались открыто выступать в защиту своей идеологии.

В период красного террора в 1918 году Инсарская эсеровская организация распалась. Лидеру эсеров Несмеянову удалось сбежать, а поп Ксенократов был арестован и по постановлению ЧК расстрелян. Вместе с ним были расстреляны купец и лесопромышленник Шумилин, фабрикант из села Большие Полянки, купец Немцев и официант его чайной, являвшийся шпионом жандармерии, и другие.

Обезопасив город от контрреволюционных элементов, а вернее после их разгрома, в Инсаре установилось более или менее нормальное положение.

Все внимание большевистской уездной и городской партийной организаций было направлено на дальнейшее укрепление партийных ячеек и советских органов, а также комитетов бедноты, на выполнение чрезвычайного налога и продовольственной разверстки, на обуздание кулаков, на муниципализацию и национализацию имущества кулаков, помещиков и купцов.

В отдельных селениях возникали массовые, организованные кулаками беспорядки (восстания), на усмирение которых высылались рабочие, красноармейские отряды и агитаторы.

В одном из селений, расположенном за селом Б. Полянки, в результате подстрекательства кулаков был убит уполномоченный (представитель) укома РКП(б) Румянцев, который похоронен в Инсаре в братской могиле (в летнем саду).

Как оказалось, в городскую большевистскую организацию все же удалось проникнуть эсерам и лицам с эсеровской идеологией. Эти лица не только не были заинтересованы в работе партийной организации, но, наоборот, своими действиями старались в глазах населения скомпрометировать партийную организацию. Занимая ответственные посты, они часто появлялись среди граждан в нетрезвом состоянии, создавая этим нездоровые разговоры среди населения города. Много шума наделало и бегство начальника уездной милиции — эсера, похитившего при этом крупную сумму денег и другие ценности. Мне много раз приходилось беседовать по этому вопросу с тов. Свентер, и каждый раз мы в беседе приходили к мысли, что нужно избавить парторганизацию от этих элементов, избавить во что бы то ни стало и как можно скорее.

Вскоре этот случай наступил. В то время, когда Свентер находился в командировке в губернском городе Пензе, а я и другие товарищи — в командировке внутри Инсарского уезда, часть ответственных работников в бывшем доме купца Епанешникова (красный кирпичный дом), где помещался уком РКП(б), на глазах у граждан организовала большую попойку.

Большинство участников попойки довели себя до невменяемого состояния и произносили всевозможные непристойные и даже антисоветские выкрики. А в это время около этого дома собралась большая толпа и осуждала их, а некоторые враждебно настроенные лица радовались и смеялись над большевиками вообще.

Когда мы (тов. Свентер, я и другие товарищи), вернувшись из командировки, узнали о происходившей попойке и убедились в том, что здесь не обошлось без умысла и дискредитации большевистской организации, то предварительно решили принять меры к немедленному исключению из партии всех притаившихся и пробравшихся в партийную организацию лиц. Мною было дано указание о созыве общего городского партийного собрания. На этом собрании выступил тов. Свентер.

В своем выступлении он рассказал, что некоторые лица в нашей парторганизации являются случайными, стремящимися к ее разложению. Тов. Свентер, конечно, остановился и на попойке. Одновременно он предложил распустить городскую партийную организацию и избрать бюро по организации и чистке, на которое и возложить обязанности по проверке членов РКП(б) и исключению из партии недостойных.

Против предложения тов. Свентера о роспуске и чистке городской организации и избрании для этого бюро никто не возражал. Это предложение было принято единогласно. Чтобы не разоблачать себя, не возражали даже лица с эсеровской идеологией, которые хотели этим прикрыть свои антипартийные действия. В бюро по реорганизации и чистке городской партийной организации были избраны: Свентер, Романов, я и Грязев. Сразу же после собрания нами у всех членов партии были отобраны партийные билеты, и мы приступили к работе.

В течение 2—3 дней членами бюро было исключено из партии примерно 12 человек.

Тогда же нами было решено заменить членов уисполкома другими товарищами. В частности, председателем уисполкома был назначен тов. Свентер, заместителем тов. Ширшиков, заведующим уездным финансовым отделом тов. Чибрин, зав. уездным земельным отделом тов. Грязев.

Мы сознавали, что формально поступаем неправильно, допускаем нарушение, но перед нами другого выхода не было. Это делали мы в интересах укрепления Советской власти и партийной организации города.

По окончании нашей работы было вновь созвано общее городское партийное собрание, на котором были оглашены результаты работы бюро: названы фамилии исключенных и новый состав уисполкома.

Несмотря на возражение и всевозможные выкрики со стороны исключенных, члены партии единогласно одобрили и утвердили все наши решения.

Однако члены старого состава уисполкома, которых освобождали от занимаемых должностей, не сдавались. Они настойчиво не хотели оставлять свои посты. Даже беспартийные решительно возражали против кооптирования вновь выдвинутых членов. В результате члены нового состава уисполкома не могли приступить к работе.

Приближался день открытия I инсарской уездной партийной конференции, и члены уисполкома, подлежавшие освобождению от занимаемых должностей, чувствовали, что партийная конференция их не поддержит. Они предложили созвать объединенное заседание старого состава уисполкома совместно с вновь выдвинутыми на соответствующие должности товарищей. На это мы согласились. На данном заседании члены уисполкома, подлежавшие снятию с занимаемых ответственных постов, предлагали не выносить данный вопрос на обсуждение I уездной конференции. На это тов. Свентер заявил:

— Мы скрывать от партконференции создавшееся в организации положение не намерены. Конференция должна знать ваше поведение и причины исключения из партии.

На этом и закончилось так называемое объединенное заседание.

Еще накануне открытия I уездной партийной конференции стало известно, что избранные делегаты явились полностью. Конференция открылась днем.

В президиум были избраны товарищи Свентер, Романов, я, Чибрин и Грязев, т. е. те лица, которые проводили чистку городской партийной организации. На товарища Свентера были возложены обязанности председателя, на меня и Романова — обязанности секретарей конференции. Перед самым началом обсуждения первого вопроса повестки дня в президиум поступило заявление от исключенных нами из рядов РКП(б) лиц. Оказывается, они организованно прибыли в здание, где проходила первая уездная партийная конференция (бывший дом купца Епанешникова), и, расположившись в коридоре, начали упорно добиваться, чтобы их допустили на конференцию. Несмотря на наше (членов президиума) упорное возражение против допуска на конференцию исключенных и наши веские доводы о том, что беспартийные, каковыми являются исключенные, не могут находиться на партийной конференции, все же большинством голосов им было разрешено войти в зал заседания с оговоркой, чтобы только выслушать их выступления, т. е. жалобы и доводы.

Таким образом, в повестку дня был включен дополнительный вопрос об исключенных. Всем исключенным сразу же по очереди было предоставлено слово. Выступления их были насыщены дерзостью, грубостью и даже носили антипартийный характер. Некоторые выступающие прямо призывали делегатов выступить против членов комиссии, исключивших их из партии,

т. е. против нас, членов президиума конференции. Они ссылались на то, что служили матросами в Балтийском флоте, что только они, являясь местными жителями, должны работать на ответственных постах Инсара, а не люди, прибывшие неизвестно откуда (имея в виду товарища Свентера). В результате на конференции поднялся сильный шум, а исключенные, воспользовавшись этим, стали выступать по второму разу.

Положение на конференции создалось до крайности напряженное. Антисоветские и антипартийные лозунги со стороны исключенных продолжались. Мы, члены президиума, настойчиво требовали, чтобы товарищ Свентер немедленно выступил, но он со свойственным ему спокойствием медлил и что-то выжидал. В это время от делегата Окуневой поступила записка. Содержание записки было приблизительно таково: я не могу допустить, чтобы на партийной конференции раздавались чуждые нам, большевикам, эсеровские лозунги.

После получения этой записки товарищ Свентер быстро встал. В зале наступила тишина. Предварительно зачитав записку Окуневой, товарищ Свентер начал свое выступление. Он говорил очень ярко и внушительно, доказывая правильность исключения этих лиц из рядов РКП(б). То, что у исключенных явно чуждая для нашей партии идеология, товарищ Свентер показал на их же выступлениях на конференции. После выступления тов. Свентера исключенные вновь пытались взять слово, но конференция лишила их слова. Им предложили покинуть конференцию.

В процессе дальнейшей работы конференция утвердила решение комиссии по чистке и реорганизации, а также решение партийного собрания о снятии с ответственных должностей исключенных из партии и утвердила выдвинутых на их место других лиц. На должность уездного военного комиссара никто нами выдвинут не был. Этот вопрос остался открытым. По согласованию со мной на должность военного комиссара товарищ Свентер выдвинул делегата, уполномоченного Старо-Шайговской волости Марайкина. С этой кандидатурой делегаты конференции согласились.

Покинув конференцию, исключенные тут же дали коллективную телеграмму на имя Пензенского губкома РКП(б) и губисполкома. Вскоре прибыла к нам губернская комиссия. После проведенной проверки, предварительно указав на наши формальные нарушения о чистке партийной организации без санкции губкома РКП(б), комиссия по существу все наши действия и решения признала правильными. Члены комиссии прямо заявили, что хотя мы с формальной стороны и допустили некоторые нарушения, но фактически действовали правильно.

В первые же дни пребывания у нас губернской комиссии исключенные и снятые с ответственных должностей лица, убедившись в безнадежности своих требований, покинули посты,

которые были заняты назначенными нами и утвержденными I уездной партконференцией товарищами. Председателем уисполкома стал тов. Свентер, который со свойственной ему кипучей энергией приступил к работе.

После реорганизации работа партийных и советских органов в Инсаре и в уезде более или менее стала проходить нормально. Но трудности с каждым днем увеличивались. Гражданская война требовала людей, продовольствия, денег и снаряжения.

Неоднократно проводимые партийные мобилизации на фронт требовали большой работы со стороны уездной и городской партийных организаций. И надо сказать, эта работа в Инсаре проходила успешно. Все члены партии, мобилизованные на фронт, вели себя честно и с большим достоинством. В Инсарском уезде не было ни одного случая дезертирства. При партийных мобилизациях я неоднократно просился на фронт, но уком РКП(б) каждый раз задерживал меня для работы в Инсаре, и только в августе 1919 года меня отправили на фронт.

Сейчас точно не помню, не то летом 1918 года, не то летом 1919 года было получено распоряжение (закон) о проведении мобилизации в Красную Армию граждан по 20 процентов от числа родившихся в течение 10 лет. Для проведения этой мобилизации к нам в Инсар прибыл представитель Пензенского губкома РКП(б) тов. Ченцов, являвшийся уроженцем Инсарского уезда. Он обладал настойчивостью и был добросовестным работником, хорошим товарищем. Будучи военным комиссаром в Краснослободском уезде, в 1921 году тов. Ченцов при исполнении служебных обязанностей погиб от руки бандита (сына крупного купца Карпова). Похоронен он, как и Румянцев, в Инсаре в братской могиле.

Мобилизация граждан по 20 процентов от числа родившихся в течение 10 лет была исключительно сложной и очень трудной работой. На мою долю по проведению такой мобилизации досталась Токмовская волость.

В результате настойчивых разъяснений мне удалось добиться мобилизации 30—35 человек.

Меня особенно волновал вопрос: явятся ли мобилизованные к установленному сроку в Инсар на сборный пункт? Но мои опасения были напрасными. Назначенные по мобилизации граждане явились все до одного.

С продовольствием и чрезвычайным налогом дело обстояло очень плохо. Кулаки упорно уклонялись от уплаты чрезвычайного налога. Ценности и хлеб они закапывали в ямы. Однако в результате принятых решительных мер со стороны партийной организации, советских органов, комитетов бедноты инсарцы справились и с этой работой. Хлеб и чрезвычайный налог у кулаков и зажиточных лиц был полностью изъят.

Несмотря на разруху, порожденную империалистической и

гражданской войнами, основная масса населения в городе, в селах и деревнях Инсарского уезда была на стороне Советской власти. Большинство молодежи и школьников старших классов начали активно включаться и помогать партийным и советским органам. Хорошо помню, что среди лучших активистов-школьников выделялась Клавдия Пителина. Она в то время была еще совсем молоденькой девчонкой, 15—16 лет, но активно проводила общественную работу. На революционных праздниках она выступала с приветствиями от молодежи и школьников, а позднее и от комсомола. В 1919 году, в момент организации ВЛКСМ, тов. Пителина вступила в комсомол, впоследствии она была руководителем уездной комсомольской организации — секретарем укома ВЛКСМ и членом бюро укома РКП(б).

Помню, что среди комсомольцев весьма активными работниками являлись Алексей Писачкин, организующую роль которого трудно переоценить, и Дмитрий Ширшиков, работавшие вместе с Клавдией Пителиной. Активными комсомольцами также были Полина Голубина, Иван и Александр Григорьевы, Евгений Афанасьев и другие.

Помню, в начале 1919 года через Пензенский губком партии было получено воззвание от Симбирского губкома РКП(б) об оказании помощи в подавлении кулацко-эсеровского восстания (чапанное восстание), охватившего большую часть Симбирской губернии и особенно Сингилейский уезд. Восставшие имели намерение соединиться с армией Колчака и затем двинуться в сторону Москвы, следовательно, надвигалась прямая угроза захвата восставшими Пензы и Инсара.

Учитывая мою военную подготовку, на основании моего заявления Инсарский уком РКП(б) назначил меня командиром организованного добровольческого отряда в 200 человек. Отряд был направлен на подавление кулацкого восстания. Вместе со мною были члены уисполкома тов. Грязев и зам. уездного военного комиссара тов. Фролкин. В помощь отряду было командировано еще пять милиционеров. Перед выступлением отряда из Инсара укомом и уисполкомом был организован митинг, на котором бойцы дали обещание беспощадно бороться с контрреволюционерами, честно выполнить свой долг перед Родиной.

До станции Рузаевка (45 км) шли пешком, с ночевкой в пути следования. По прибытии в Рузаевку отряд наш был размещен в 4—5 товарных вагонах. Комендант станции Рузаевки выдал нам для всего отряда винтовки, несколько пулеметов «Максим» и достаточное количество патронов.

Отряд под моим командованием оперировал в Конопляной, Юловской и других волостях. Местами нам приходилось вступать в бои с эсерами и открывать стрельбу из пулеметов. Оказалось, что восставшие против Советской власти зверски расправлялись с коммунистами, общественными и советскими

работниками, распускали Советы, заменяли советских работников своими ставленниками.

Помню такой случай: после операции в Юловской волости отряд на подводах двинулся дальше (был очень глубокий снег). Сам я ехал на первой подводе. Навстречу нам на сильно взмыленной лошади, запряженной в дровни, ехал мужчина с топором за кушаком, оказавшийся, как выяснилось потом, работником крупного кулака из села Коноплянки. Я дал команду остановить и обыскать неизвестного. При нем нашли пакет Коноплянского волисполкома на имя Юловского волисполкома. Точное содержание письма не помню, но оно сводилось к тому, что кулаки Коноплянской волости восстали против Советской власти и расправились с большевиками, советскими работниками. Они предлагали сделать то же самое и в Юловской волости. Письмо было подписано председателем Коноплянского волисполкома и двумя членами. На допросе неизвестный батрак заявил, что пакет дал ему хозяин и предложил немедленно доставить в Юловский волисполком.

Когда мы приближались к одному селу на пути к Коноплянке, то нас обстреляли, то же самое было и при приближении к селу Коноплянке. Но нашему отряду удалось быстро окружить село и тем самым создать среди восставших растерянность и панику.

Войдя в волисполком, я застал здесь человека в матросской форме, всего забинтованного. Было установлено, что этот демобилизованный матрос — председатель волисполкома. Его кулаки сильно избили, отняли печать. Председателем волисполкома был назначен местный поп, а членами — дьякон и псаломщик, которыми было подписано письмо на имя Юловского волисполкома. Но когда мы окружили село Коноплянку, поп, дьякон и псаломщик прибежали к избитому накануне матросу и, возвратив ему печать, заявили: «Ты обратно будешь председателем».

Наша операция продолжалась более двух месяцев. Нами было отобрано много винтовок, другого оружия и патронов. После полного повсеместного подавления восстания (на других участках действовали отряды из Пензенской губернии) наши добровольцы вернулись обратно в Инсар.

В 1918 году из Инсара также посылались добровольцы против чехов, наступавших на Пензу, и против отряда Миронова при выступлении его из Саранска.

Примерно весной или в начале лета 1919 года тов. Свентера мобилизовали на фронт. Он был назначен комиссаром дивизии.

Партийные мобилизации в то время проходили под лозунгом «На фронт посылать лучших членов партии». 50 членов Инсарской партийной организации были отправлены на фронт.

При партийной мобилизации в августе 1919 года я также был мобилизован на фронт. В течение более двух лет мне пришлось воевать против войск Юденича и на Польском фронте.

Через некоторое время стало известно, что на фронте тов. Свентер заболел чахоткой и, возвратившись в Инсар, умер. Похоронен он, как и тт. Румянцев и Ченцов, в братской могиле.

Вернулся я обратно в Инсар после окончания гражданской войны в конце 1921 года. Вскоре меня избрали заместителем председателя Инсарского уисполкома. Затем я работал в Краснослободске, Беднодемьяновске, Торбееве, Рузаевке и в других местах.

Во многие места бросала меня бурная жизнь. Но вечно в моей памяти останутся те боевые годы, когда гением В. И. Ленина создавалась и упрочивалась Советская власть.

С. А. ЦЫГАНКИН,
член КПСС с 1919 г., персональный пенсионер[1].

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

В дореволюционные годы, как только начинают весенние солнечные лучи пригревать жителей села Мокшалей, мужчины до двухсот человек, в основном от 20- до 35-летнего возраста, покидали свои семьи и уходили в далекие края на заработки.

Что заставляло бедных людей покидать свои семьи и свое родное село и идти скитаться по чужим, дальним от родины краям, не зная покоя, искать работу? Неимоверная бедность, разорительные налоги. Деньги отходникам нужны были для домашних расходов, оплаты разных налогов. Не поедешь на заработки, денег взять было неоткуда. Хлеб продать было нельзя, так как его чаще не хватало до нового урожая, продать из скотины тоже не было лишней, каждая голова была у них на учете: она их кормила, одевала и работала на них.

Наем рабочей силы производили подрядчики. В большинстве случаев наем сезонных рабочих проходил на базарной площади. У нанятых на работу отбирали документы и отправляли их в товарных вагонах на место работы. Сезонные рабочие работали без учета времени, от зари до зари. Отношение хозяина к рабочим было плохое, обругать, наказать рабочих им ничего не стоило.

Тяжелые материальные условия жизни крестьян села Мокшалей создавались отсутствием достаточного количества земельного надела. Лучшая земля по соседству с селом была в руках помещиков и кулаков. Земля помещика Никитина находилась за четверть версты от села, а лес его примерно в двух-трех верстах. Недалеко от села была земля арендатора Сюксина. Левее, в верстах трех от Мокшалея, была земля помещика-винокура Басова. Жители села ездили обрабатывать свое поле «Севоньлей» (глиняный овраг) за двадцать верст через два помещичьих поля и казенный лес. Жители села Мокшалей имели всего лишь на душу мужского пола в трех полях две третьих десятины, а женщины вообще не наделялись землей, поэтому в основном крестьяне жили в нужде и большом недостатке. Единственный выход из такого положения — поехать за деньгами в дальние края.

Крестьяне села Мокшалей выезжали на работу в Москву, где рыли канавы для прокладки канализационных труб и телефонных кабелей и выполняли другие работы. Выезжали на строительство железной дороги вдоль берега озера Байкал, где пробивали туннели для прокладки дороги. Ездили работать на Черемховские угольные шахты и другие места. В эти места неоднократно ездил работать и мой отец Афанасий Матвеевич. Многие мокшалейские отходники в дни первой русской революции были в тех городах, где бурлила революционная жизнь, и в той или иной степени были втянуты в революционную борьбу. Осенью, 22 октября 1906 г., из черемховских шахт мокшалейские отходники вернулись домой.

При каждом возвращении с работы отходники привозили в свое село свежую струю политической борьбы с самодержавием, помещиками и капиталистами. В 1906 г. урожай был плохой. Многие семьи уже с осени стали голодать. Это еще больше способствовало росту недовольства к соседним помещикам; крестьяне считали, что помещики являются виновниками в их тяжелой жизни. До крестьян села Мокшалей доходили слухи о том, что жители других селений рубят лес, отбирают землю и хлеб у помещиков. В феврале 1907 г. крестьяне села Мокшалей стали поговаривать о выступлении против помещика Никитина. Борьбу решили начать с порубки леса. «По одиночке не ездить, можно пострадать»,— так говорил мой отец односельчанам. Но все же шестого марта неорганизованно поехали в барский лес несколько человек, срубили 15 деревьев и привезли домой. Седьмого марта также поехали и срубили уже больше. Эти неорганизованные поездки встревожили отца и других организаторов борьбы с помещиком. Под вечер 7 марта собрались несколько человек на верхнем конце улицы Суркина, на дороге, против нашего дома, возглавил их мой отец. В нижнем конце собралась другая группа, возглавил Арзамаскин Ион Корниевич, на улице Покш Киланго — Наумкин Л. Т., Палць-Курин-ка — Кантаев С. и др.

— Поехать в лес надо всем селом и организованно,— говорит отец.— Тогда мы сильнее будем, и отряд стражников им не поможет, если пошлют на нас, при этом не ездить с голыми руками, у кого что есть, берите с собой, не создавайте панику, если приедут из барского имения, а то нас поодиночке переловят и расправятся с нами. Мы своим выступлением поддержим тех, которые уже тревожат помещиков, поможем и рабочим, которые борются против власти богачей. Смотря на нас, и соседние селения поднимутся.

[1] Степан Афанасьевич Цыганкин, уроженец с. Мокшалей Чамзинского района Мордовской АССР.

На этих встречах крестьяне решили завтра, т. е. 8-го марта, после завтрака поехать в лес организованно. Наблюдал за их горячими разговорами и я и решил завтра тоже не отстать от них. Когда разошлись по домам, отец не вернулся домой, пошел узнавать, как другие решили. Убедившись, что у всех решение одно — не отставать, вечером поздно вернулся домой.

Восьмого марта утро на редкость было тихое, небо покрыто сплошной серой пеленой облаков. Выпал пушистый, слегка влажный снег, покрыв за ночь своим серебристо-свежим блеском серый, от времени загрубевший снег. В это безветренное, не очень морозное утро бурлило мордовское село Мокшалей. Утром 8 марта крестьяне всем селом поехали рубить барский лес. Но меня отец не взял с собой, заявив, что я еще молод по таким делам ездить. Но я думал иначе: не отстать от них, и когда скрылись подводы из глаз, я побежал за ними в лес.

Когда мокшалейские крестьяне стали рубить лес, на них напал вооруженный отряд, охранявший имение барина. Заметив приближение отряда, лесорубы подготовились дать им отпор, взяв в руки топоры, дубинки, некоторые имели охотничьи ружья и даже «бульдожки». Видя, что народ подготовился к отпору, отряд стражников, остановился на некотором расстоянии от лесорубов и стал им угрожать расправой. Полицейский урядник Страдымов приказал стражникам дать несколько выстрелов по крестьянам. Крестьяне ответили тоже выстрелами. Народ, обозленный стрельбой стражников, бросился на них развернутым фронтом с криком «ура», стремясь окружить их, но стражникам с трудом удалось избежать окружения. Крестьяне организованно приехали в село Протасово, где жил сам помещик Никитин. Открыли замки молотильного сарая, погрузили на подводы в тюках сено, забрали с собой и сельхозинвентарь и организованно уехали в Мокшалей.

Утром десятого марта приехали в село Мокшалей 86 человек казаков, стражников, во главе с исправником Кисель-Загорянским, приставом Холодовым, комендантом города Саранска и земским начальником Толбузиным. По приезде в село каратели в первую очередь заняли колокольню, чтобы жители не могли ударить набат, а с другой стороны создали наблюдательный пункт. Поочередно стали приводить их в волостное управление, снимали с них допрос, после допроса крестьян брали под стражу.

К нашему дому подъехали несколько человек верховых казаков и на улице начали жестоко избивать моего отца. Вырвавшись от них, он побежал во двор и спрятался там. Тогда стражники начали избивать членов нашей семьи и многих крестьян села.

Два дня каратели бесчинствовали в Мокшалеях, на третий день, оставив человек десять стражников во главе с приставом

для завершения карательных дел, уехали в Саранск. На четвертый день карателям удалось поймать руководителей крестьянского движения села Мокшалей Цыганкина Афанасия Матвеевича, Наумкина Лукьяна Тимофеевича, Арзамаскина Иона Корниловича, Кантеевых Семена и Степана, Луконкина Андрея. На пятый день все арестованные крестьяне из Ромоданова были под строгим конвоем доставлены в Саранск. Под следствием было 90 человек. В начале сентября 1907 года в Пензе с участием сословных представителей состоялся суд над крестьянами села Мокшалей. За борьбу за справедливое дело крестьяне были приговорены окружным судом к тюремному заключению. После отбытия тюремного заключения крестьяне были лишены всех прав гражданства. Они находились под надзором полиции, не допускались к участию на сходках, выезды из села без разрешения были запрещены. Малейшее подозрение, донос,— забирали в полицейский участок. Вот в такой атмосфере жили крестьяне села Мокшалей и окружающих сел вплоть до Февральской революции.

В 1907 году после ареста отца, а потом брата в доме остался старшим я один. Трое были маленькими, мне был тогда одиннадцатый год. Я испытывал горечь обиды и тяжесть труда вместе с матерью и с дедушкой, 65-летним стариком. События 1905—1907 гг. разбудили во мне ненависть к помещикам, через которых пострадала наша семья и другие семьи нашего села. Вследствие того, что наша семья испытывала большую нужду в средствах для жизни, я с 1909 года стал ежегодно в период весенних, летних и осенних полевых сельскохозяйственных работ ходить на работу к тому же помещику, от которого пострадали семьи мокшалейских жителей. Поденная плата была очень низкая, за 15—16 часов работы платили нам по 20—25 копеек, а то и 15 коп.

В 1914 году я поехал со своим отцом по контракту на работу на Амурскую железную дорогу. Думали, что заработками поправим свое хозяйство. У нас дома осталась только мать с тремя детьми, старшей девочке было 13 лет, а младшей — седьмой год. Первая империалистическая война нас застала на Амурской железной дороге.

Мне помнится такой случай. Однажды едем на открытой железнодорожной платформе человек десять на погрузку камня, с нами ехал техник, он, обратившись к нам, сказал: «Да, граждане, опять война, какая нам польза от этого, кроме разорения, людей перебьют, вот вернетесь домой, и вас заберут». Говорил он грустно, его слова очень подействовали на присутствующих. Все мы были опечалены началом кровопролитной войны. После окончания срока контракта в ноябре вернулись домой. Село показалось нам печальным. Людей все брали и брали на войну, село все пустело и пустело. В армию стали брать лошадей и скот, домашнее хозяйство крестьян ста-

ло приходить в упадок. Нужда еще с большей силой давила на плечи народа.

Летом 1915 года я ездил с группой односельчан на заработки в самарские степи, а потом год работал на разных работах в Саратовской губернии.

Во второй половине июня 1916 года я возвратился в родное село и вскоре был мобилизован в армию, зачислен был в лейб-гвардию в саперный полк, который стоял в Петрограде. В полку был определен в 5-ю роту, в первый взвод. Командиром взвода был старший унтер-офицер Бондаренко, добродушный человек, командиром отделения — ефрейтор Кобзев, ехидный, злой человек. На первых занятиях ефрейтор Кобзев нам говорил: «Вы призваны служить царю и отечеству, гвардейские солдаты являются охраняющими царскую семью от посягательства. Я вам первый начальник, какие будут разговоры против царя, власти или начальства, сообщайте мне, это ваш военный долг, значит, ничего не будет, а если кто скроет, за это его строго накажут».

С каждым днем росло недовольство среди рабочих Петрограда против войны, голода и разрухи. У магазинов семьи рабочих еще ночью занимали очереди для того, чтобы достать хлеба. Но хлеба не хватало, а война все шла, и не было видно конца. Рабочие открыто выражали свое недовольство: «Хлеба нам надо, а не войны! Не голод и разруха, а мир! Война нужна для капиталистов, а нам она не нужна!» Начались забастовки. Массовые митинги. Рабочие шли с лозунгами: «Долой войну!», «Долой самодержавие!».

Революционное движение в городе развивалось с молниеносной быстротой. Слухи о рабочем движении доходили и до нас, солдат. Росло недовольство и в гвардейских частях: нас солдат, часто выстраивали в зале, производили проверку, перекличку, для какой цели это делали никому не было известно, только взводные командиры — старшие унтер-офицеры Бондаренко и Кравченко из первой роты ходили перед нашей ротой и тихонько предупреждали: «Если пошлют против бастующих рабочих, не стрелять». Солдаты открыто выражали свое недовольство к войне и голоду, ведь солдаты тоже были посажены на голодный паек. Хлеба вместо двух фунтов гвардейцам давали три четверти фунта, изредка давали ложку каши с горьким постным маслом.

Всем надоели царские порядки. Я стал выражать свое недовольство к существующему строю и сочувствие к рабочим открыто. Помню такие два случая. Однажды из нашего взвода солдат рассказывает, что он стоял ночью у ворот часовым. Проходящий в штатском человек предложил ему листовки, но он их не взял. «Почему не взял?» — спрашиваю я его. «Боялся. Принесешь, а куда денешь?» — «Ты бы мне их дал, я бы нашел куда деть». Жалко, я столько раз стоял у ворот, и мне ни разу

не предлагали листовки. Я бы взял и связался бы с распространителями листовок. Я попросил всех в следующий раз, кому предложат листовки, взять и передать их мне.

Через несколько дней мне товарищи предложили взять почитать из полковой библиотеки одну книгу. Когда я пошел за книгой, ее мне достали. Когда я попросил зарегистрировать книгу за мной, библиотекарь сказал, что регистрировать не будем. «Прочитайте, принесете, еще дадим». Книга была, если не ошибаюсь, без автора, о крепостничестве, видимо, запрещенная. Узнав из нее, что помещики продавали крестьян, секли розгами, меняли их на собак, во мне еще больше закипела ненависть к помещикам и царскому строю.

Дисциплина в гвардейских частях была жестокая, нас из казарм в одиночку не отпускали. Посещать другие роты солдатам не разрешали.

Осенью 1916 года разобщили нас повзводно в казарме, значит, и другие взводы посещать нельзя было. В одно январское утро стою у ворот часовым. Во двор проходит солдат из нашей части, недавно прибывший с фронта. Его заметил, когда он шел по двору в казарму, командир полка полковник Иванов и немедленно отправил на гауптвахту. Нас же до обеда выстроили в зале. Там уже были две рядом поставленные скамейки, а по сторонам их на полу аккуратно сложенные лежали лозы. Командир полка не пришел, а явился его помощник полковник барон Фридерикс. Мы уже узнали, что будут пороть розгами за самовольную отлучку в город того солдата, которого я пропустил. Настроение у солдат было напряженное и тревожное.

Вскоре привели под конвоем невысокого роста, худощавого, измученного солдата в зал, положили его лицом вниз на скамейку. Вызывают из строя двух солдат, поставили по сторонам скамеек. Барон Фридерикс дает команду одному из них начинать. Он отказывается бить, несмотря на трехкратное предупреждение. Второй, стоявший с правой стороны, тоже отказался, а потом испугался строгого предупреждения барона Фридерикса, взял лозу и стал легонько бить, и второй уже вынужден был брать лозу и слегка опускать на голое тело солдата. Всего было 25 лоз, и при каждом ударе должны были менять лозу.

Таким путем они хотели заставить солдат покорно им подчиняться. Но у нас были другие мысли и настроения, мысли, как бы с ними за все издевательства расплатиться при возможном случае. Летом 1916 года во время похода как-то остановились на привал около городского сада. Я обратил внимание на вывеску с надписью над воротами сада: «Солдатам и собакам входить в сад строго воспрещается». Меня это возмутило, говорю близсидящим солдатам: «Значит, мы такие же, как и собаки, а заставляют еще воевать. Война им нужна, пускай

сами и воюют, если мы собаки. Поэтому и на фронте убивают нас, что мы собаки для них». Обращаюсь к взводному командиру Бондаренко: «Посмотрите на вывеску: солдаты — это, значит, собаки». Он меня предупреждает, что так нельзя говорить, и близсидящие солдаты предупреждали, что говорю очень смело, «надо быть осторожным, за такие разговоры арестуют, в тюрьму посадят тебя». После этого я попал в список неблагонадежных, куда полковое начальство заносило тех, которые были на стороне революционных масс города и деревни. Несмотря на то, что командование принимало все меры, чтобы не было контакта солдат с рабочими, тем не менее солдат тайно информировали о революционной борьбе рабочих.

27 февраля 1917 года восстали солдаты Волынского полка. Вскоре после выступления солдат раздаются возгласы: «Командира надо, кто бы руководил нами!» И тут неожиданно показался верхом на гнедой лошади в чине фельдфебеля георгиевский кавалер с крестами, медалями на груди из Волынского полка, Кирпичников. Он стал всей этой массой руководить: «Товарищи! Вперед! Не отставайте! Не уходить!» Он едет вперед, чтобы колонна двигалась. Сзади колонны, чтобы не было на нас внезапного нападения полиции или жандармерии, образовали из солдат с винтовками живую цепь. К нашей колонне присоединялись все новые и новые революционные силы.

Примерно в середине дня из Выборгской одиночной тюрьмы («Кресты») нами были освобождены все политические заключенные. Когда освободили политических заключенных, настроение у нас стало бодрым, торжествующим. К середине дня свыше 25 тысяч солдат гарнизона присоединились к восставшим. Царские власти начали расстреливать восставших. Началась пулеметная и ружейная стрельба; восставшие штурмом заняли Таврический дворец. К вечеру 27 февраля к восставшим присоединилось более 66 тысяч солдат. Около Таврического дворца нами были установлены пушки и пулеметы. Зорко следили за врагом. 28 февраля присоединился к революционному движению весь Петроградский гарнизон.

1 марта. Третий день революции. В городе стрельба продолжается, но значительно меньше, чем в первые два дня.

Вызывает меня еще накануне взводный командир Кравченко и говорит: «Вы, Цыганкин, должны завтра пойти к 8 часам утра в Таврический дворец; явитесь к караульному начальнику и будете стоять в ответственном карауле во дворце». — «А почему будут знать, что я направлен для несения караульной службы?». — «Вы там значитесь в списке у караульного начальника Волынского полка. Список составляли в Волынском полку, нам только сообщили фамилии, кого нужно послать».

Являюсь в караульное помещение у входа дворца с правой стороны. Докладываю о прибытии караульному начальнику из Волынского полка. Проверил он мою фамилию по списку и поставил нести караул у входа во дворец. Я должен охранять здание от проникновения вооруженных приспешников царизма.

Наблюдая за движением народа, не заметил, как прошли два часа на посту. Готов был целый день стоять, но больше нельзя было стоять в карауле. Пошел я к себе в казарму. Примерно в два часа дня прибегает в нашу казарму прапорщик армейского саперного полка. Он крикнул: «Гвардейцы! По вашей казарме из пулеметов стреляют. Берите винтовки, идемте отразим их». Мы взяли винтовки и выбежали во двор. Но нам не удалось обнаружить пулеметчиков, они скоро прекратили стрельбу.

В первые дни революции много было разговоров между нами о том, присоединится ли к нам Гатчинский пулеметный полк. 2 марта, видим, идет Гатчинский строевым порядком с пулеметами «Максим». Идет по направлению к Таврическому дворцу. Пулеметный полк присоединился к восставшим.

К вечеру вернулась наша запасная рота с полковником Ивановым, уведенная 24 февраля. Солдаты сообщили нам, что их водили за город охранять какую-то станцию в случае нападения на нее бастующих рабочих. Но каких-либо событий там не было.

2 марта. В городе спокойно, стрельба прекратилась. Сопротивление царских сил было сломлено. Из сообщений нам стало известно, что Николай II отрекся от престола в пользу брата Михаила Александровича. 3 марта отрекся и брат его Михаил. Этого и ждал народ. Люди ходили в приподнятом настроении от того, что безвозвратно рухнул дом Романовых. Передают друг другу о падении царской короны, поздравляют с победой.

Читаем в казарме свежую газету, где сообщалось, что первыми подняли восстание против самодержавия солдаты лейб-гвардии Волынского, Литовского, Преображенского и Саперного полков. Я внутренне радовался, гордился тем, что был в числе инициаторов восстания в своем полку. 2 марта утром уже узнали, что солдатам предоставлено право выбирать в своих частях командиров по своему усмотрению. Мы тоже избрали себе командиров.

Однажды вызвали нашу часть в Таврический дворец. Когда пришли к дворцу, мы выстроились в две шеренги перед дворцом и ждали, что будет дальше. Выходит Родзянко, держит речь. Он говорит: «Гвардейцы! Мы совершили революцию! Царя теперь нет. Мы теперь сами являемся хозяевами страны. Но не забывайте, что у нас есть внешний враг, который воюет с нами. Есть у нас и союзники, которых мы должны поддерживать. Войну должны вести до победного конца. Если не будем поддерживать союзников, они пойдут против нас,

тогда революция, Россия погибнут» и т. д. Лучшего от них нельзя было ожидать, заключили мы, им война нужна. Уходя от дворца, мы заявили, что не для этого совершили революцию, чтобы за них воевать, мы воевать не будем.

В марте состоялись похороны жертв революции на Марсовом поле. В этих похоронах мы тоже приняли участие. В день похорон, утром, идем в строевом порядке отдать свой последний долг погибшим товарищам, провожаем их на Марсово поле. Показалась первая процессия. Это шли рабочие Васильевского острова. Впереди них шли оркестры Финляндского и Кекгольмского полков. За ним колыхалось огромное красное знамя. Солдаты несли на руках четыре красных гроба, украшенных цветами. Когда первый гроб был опущен в могилу, с Петропавловской крепости грянул салют в честь павших за свободу. Во главе процессии Выборгского района шла боевая рота Московского полка, а за ней — оркестр, составленный из кронштадтских моряков. Над скорбно склоненными головами людей реяли знамена Центрального и Петроградского комитетов партии (большевиков).

В составе процессии Нарвского района были рабочие Путиловского завода. На похоронах первых жертв революции, отдавших жизнь за дело коммунизма, участвовали тысячи.

В первой половине апреля 1917 года получил полумесячный отпуск на родину. По приезде домой знакомлюсь, как в селе Мокшалей проходили революционные события. Сам я односельчанам рассказал о революционных событиях в Петрограде. Вскоре я вернулся обратно в свою часть.

6 мая 1917 года меня отправляют на пополнение в действующую армию в составе 5-й маршевой роты саперов. Раньше чем отправиться, мы потребовали объяснения, чем вызвана эта отправка. В то время, когда мы должны покончить с войной и должны вернуть с фронта солдат, нас собираются отправить, значит, продолжать войну, а если так, мы не поедем. Нам заявили, что посылают нас не воевать, а сменить старых фронтовиков. Пока нет мира, надо держать фронт. Сменить товарищей можно, но не воевать для буржуев.

Приезжаем на немецкий фронт в третью гвардейскую дивизию. Она составлялась из гвардейских полков Волынского Преображенского и Литовского. Наша саперная рота находилась при дивизии. Вскоре в дивизию приехал Керенский. Выступает перед солдатами и призывает вести войну до победного конца и готовиться к генеральному наступлению.

Но Керенский не ожидал, что гвардейцы откажутся от наступления. «Не для этого мы совершили революцию,— заявляют солдаты-большевики,— чтобы продолжать войну. Нам чужой земли не надо, у нас много у помещиков, но и своей земли врагу не отдадим. Война нужна капиталистам, чтобы нажить капитал на войне, а нам от этого легче не будет.

Мы сами построим свою жизнь без капиталистов и помещиков. Мира нам надо, а не войны». Солдаты отказались идти в наступление. Вскоре снимают нас с немецкого фронта и перебрасывают на австрийский фронт в Галицию. Здесь мы крепко держали свою границу.

Примерно через месяц под предлогом отдыха снимают нашу дивизию с фронта и отправляют в тыл, в Подольскую губернию. Все не с охотой уходили с фронта, боясь как бы не спровоцировали прибывшие новые части к наступлению. Но новые части тоже отказались от наступления. В тылу среди крестьян стали проводить митинги, беседы. К нам по нашей просьбе в роту пришел большевик Емельянов, член партии с 1905 года. Работа еще больше развернулась как среди солдат роты, так и среди населения, где мы расположились. Готовились к выборам делегатов Учредительного собрания. Меньшевики и эсеры на митингах солдат из кожи лезли, доказывали, что у них программа лучше, чем у большевиков. Они требовали, чтобы мы голосовали за меньшевистских кандидатов. Коммунист Емельянов собрал нашу роту. На митинге он говорил: «Товарищи! Капиталисты наживают миллионы, заставляя работать на себя пролетариат. Война им нужна также для наживы. Поэтому и хотят вести войну до победного конца. Они все хотят забрать в свои руки и получить большие доходы. Если бы они могли запереть куда-нибудь от нас солнце (оно в это время ярко светило с левой стороны от нас), и солнце бы стали показывать нам за плату. Мы должны голосовать при выборах в Учредительное собрание за большевиков, за 5-й номер. Только большевики выступают против войны, против капиталистов и помещиков, за власть рабочих и крестьян». Он кончил речь призывом: «Кто за большевиков, отойдите налево». Вся рота отошла налево. Два офицера остались как вкопанные на месте. Пошли в строевом порядке, с песнями голосовать за пятый номер — за большевистского кандидата. Два офицера, которые не пошли с нами, ночью скрылись из части.

После бегства офицера тов. Емельянова выбрали мы командиром роты, и стала рота уже полностью большевистской. Население относилось к нам хорошо, как к своим защитникам.

Из этой деревни нас перебросили в другое село, а потом еще дважды нас перебрасывали по разным селам. Недели через две третью гвардейскую дивизию отзывают в Москву. Но это уже было после победы Октябрьской революции в Петрограде и Москве. Вскоре я демобилизуюсь и отправляюсь в свое родное село Мокшалей. Весной и летом живу у себя в родном селе. Принимаю активное участие в хозяйственной и политической жизни села.

25 октября 1918 года призывают меня в Красную Армию и зачисляют в 44-й Пензенский стрелковый полк. Вскоре меня

посылают на пензенские пулеметные курсы красных командиров, которые я закончил успешно.

В партийную неделю в ноябре 1918 года я вступил в ряды Коммунистической партии. После окончания пензенских пулеметных курсов я отправляюсь на кавказский фронт. На фронте в чине командира взвода, затем начальника полковой пулеметной команды, коменданта штаба отдельной бригады я принимал активное участие в разгроме белогвардейских банд и черных сил иностранных интервентов.

В. Н. БОЧКАРЕВ,
профессор, доктор исторических наук.

ПАМЯТИ КОНСТАНТИНА ВАСИЛЬЕВИЧА КУДРЯШОВА (1885—1962)

Скончавшийся в Москве 19 октября 1962 года доктор исторических наук профессор Константин Васильевич Кудряшов был видным представителем старшего поколения советских историков. Специализируясь преимущественно на изучении истории СССР периода раннего феодализма, К. В. Кудряшов, благодаря своим широким научным интересам, разрабатывал темы более позднего времени, например, историю России начала XIX века и т. д. Однако основной круг научной проблематики К. В. Кудряшова, в котором его работы оставили весьма крупный и глубокий след, связан был с такой специальной дисциплиной, как историческая картография, крупнейшим знатоком которой он всеми признавался. При этом разработку картографического материала по истории СССР К. В. Кудряшов пронизывал производственными моментами, и, исходя из четких положений марксистско-ленинской теории, постоянно подчеркивал роль народных масс как творца истории. В этом отношении созданные им карты и историко-географические атласы совершенно по-новому графически выявляли исторический процесс, картографическое изображение которого К. В. Кудряшов строил на обширном и разнообразном социально-экономическом материале. До него исторические карты и атласы строились совершенно иначе, и К. В. Кудряшов в области исторической картографии был, несомненно, новатором.

К. В. Кудряшов родился в Волоколамске 7 марта 1885 года в семье мелкого железнодорожного служащего. Заработок отца был весьма скромен, и семья постоянно испытывала недостатки материального и бытового характера. Это привело к тому, что у всех ее членов развился туберкулез, который постепенно свел их в могилу. Сам Константин Васильевич в ранние годы получил эту хроническую болезнь — туберкулез шейных позвонков, что сильно подрывало его здоровье и постоянно мешало ему в работе.

Родители хотели сделать из сына железнодорожника и отдали его учиться в Вышневолоцкое техническое училище, которое он окончил в 1903 году. После этого молодого Кудряшова направили на Закавказскую железную дорогу для прохождения двухлетнего практического стажа. Это были годы, связанные с русско-японской войной и первой русской революцией. В Закавказье, как и по всей России, надвигалась революционная буря. Молодой железнодорожник пытливо вдумывался в их политическое и социальное значение и невольно обращался к прошлому, чтобы лучше понять настоящее. Именно в эти годы он принял решение добиться поступления в университет, чтобы получить там историческое образование. Но в дореволюционные русские университеты принимали молодых людей (правда, без конкурсных экзаменов) лишь после окончания ими полного курса 8-летних классических гимназий. Молодой Кудряшов с колоссальным напряжением сил, урывая время у ночного сна и праздничного отдыха, принимается за самостоятельное прохождение по учебникам полного курса мужских классических гимназий. Сам, без всякой посторонней помощи, примерно в два года он это осуществил, изучив также по учебным пособиям три иностранных языка — латинский, греческий и немецкий. В 1905 году К. В. Кудряшов успешно сдал экстерном выпускные экзамены при Тифлисской мужской классической гимназии и получил аттестат зрелости. Дорога для поступления в вуз была теперь для него открыта.

В 1906 году К. В. Кудряшов был зачислен студентом на историко-филологический факультет Петербургского университета, на котором он пробыл 5 лет и окончил его в 1911 году с дипломом первой степени. На этом факультете работали тогда такие крупные ученые-историки России, как академики С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский, профессор Н. И. Кареев, доценты Н. П. Павлов-Сильванский, А. Е. Пресняков, Е. В. Тарле. Студент Кудряшов с жаром принялся за изучение русской и всеобщей истории, а также такой вспомогательный научный дисциплины, как историческая география. У всех преподавателей факультета он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Вполне понятно, что по окончании университета решением ученого совета он был оставлен на 3 года при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию, что соответствует современной аспирантуре. После сдачи в 1914—1915 гг. всех положенных экзаменов и прочтения в университетской аудитории двух пробных лекций по русской истории К. В. Кудряшов получил ученое звание магистранта и закончил тот этап своей научной подготовки, который давал право в качестве доцента вести преподавание русской истории и исторической географии на историко-филологических факультетах высших учебных заведений.

Еще во время своего пребывания в университете Константин Васильевич начал свою научную работу в Сенатском архиве, где был штатным сотрудником в 1911—1912 гг. Тогда же, в 1911 г. был командирован Академией наук для собирания памятников народного творчества в ближайшие к Петербургу губернии, а по поручению Археологического общества в 1912 г. производил раскопки Гдовских курганов. В те же примерно годы им написана была большая статья в два печатных листа «Зубовы» для «Русского Биографического Словаря», вошедшая в его очередной том, изданный в 1916 году. Хотя педагогическая работа К. В. Кудряшова в качестве преподавателя истории началась еще в 1912 году в одной из Петербургских женских гимназий, где он работал до 1918 года, но только после Великой Октябрьской революции ему удалось начать преподавание истории в высших учебных заведениях. С 1918 по 1922 год он был сначала доцентом, а потом профессором в Иркутском государственном университете. Кадры этого университета формировались в 1917—1918 гг. из молодых вузовских преподавателей таких старых университетских центров, как Москва, Петроград и Казань. Вернувшись в Петроград, К. В. Кудряшов стал работать на ФОН'е Петроградского госуниверситета с 1923 года как преподаватель, а с 1927 г. — в качестве штатного доцента. В дальнейшем основная работа Константина Васильевича связана была с ленинградскими вузами и научно-исследовательскими учреждениями, хотя в 1930—31 гг. он был профессором в Москве на историко-филологическом факультете университета, преобразованном тогда же в самостоятельный историко-филологический институт им. Н. Г. Чернышевского. Однако в эти годы вплоть до начала Великой Отечественной войны Константин Васильевич Кудряшов с Москвой был связан слабо. На протяжении 1931—1937 гг. он состоял научным сотрудником Института истории АН СССР и одновременно, до 1938 г., был профессором в двух ленинградских вузах: историко-лингвистическом институте и в университете на историческом факультете. С 1938 г. вплоть до начала войны он был заведующим кафедрой истории в Ленинградском педагогическом институте им. М. Н. Покровского. С этим институтом в качестве его штатного профессора Константин Васильевич был эвакуирован сначала в Поволжье, в Чебоксары, а затем в Прикамье, в Уфу.

С 1943 г. К. В. Кудряшов прочно связал себя с Москвой, куда он был вызван из эвакуации Наркомпросом (В. П. Потемкиным). С этого времени его работа была связана с Институтом этнографии АН СССР и с Институтом методов обучения Академии педнаук РСФСР. В первом он был старшим научным сотрудником с августа 1944 г. по март 1948 г., а во втором — тоже старшим научным сотрудником с момента его образования — в июле 1944 г. по сентябрь 1946 г.

В Институте методов обучения АПН мне пришлось работать с К. В. Кудряшовым в «Секторе преподавания истории». Здесь под председательством А. М. Понкратовой собраны были для коллективной научно-исследовательской работы крупные специалисты-историки и методисты. Это были Е. А. Косминский, А. В. Ефимов, В. И. Авдиев, А. И. Стражев, М. А. Зиновьев, Л. П. Бущик. Мы все, собираясь два раза в месяц по пятницам, оживленно обсуждали доклады на историко-методическую тематику. Помню, что выступления К. В. Кудряшова на этих заседаниях были всегда содержательны и интересны.

Давно работая над такой историко-географической темой, как «Причерноморские степи и их кочевое население в X—XIII вв.», К. В. Кудряшов представил в 1946 году в Институт этнографии АН СССР большое исследование по этому вопросу, за что получил ученую степень доктора исторических наук. Докторская диссертация К. В. Кудряшова в 1948 г. вышла в «Трудах» географического общества отдельной книгой под названием «Половецкая степь»— историко-географические очерки.

С 1948 г. К. В. Кудряшов возобновил преподавательскую деятельность в трех московских вузах: Государственном библиотечном институте, Государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина и в Московском государственном университете. Эта работа продолжалась до сентября 1955 г., когда Константин Васильевич по состоянию своего здоровья вышел на пенсию.

Так продолжалась почти 45-летняя деятельность К. В. Кудряшова в научно-исследовательских учреждениях и в высших учебных заведениях. Об этой деятельности такой высокоавторитетный ученый, как академик Е. В. Тарле, писал в 1944 г.: «Своей долгой и плодотворной преподавательской деятельностью в университете и других вузах К. В. Кудряшов снискал себе самую почетную репутацию, как талантливый профессор». О научных же достижениях К. В. Кудряшова тот же компетентный историк писал, что он известен в ученом мире СССР как выдающийся знаток исторической географии и этнографии и как историк СССР.

На всем протяжении своей творческой деятельности К. В. Кудряшов никогда не был замкнутым кабинетным ученым. Несмотря на свое слабое здоровье, он проявил себя активным общественным деятелем в Ленинграде в 1920—1930 гг. и особенно в эвакуации в годы Великой Отечественной войны в Чувашской и Башкирской республиках. Эту работу мы осветим его же собственными словами, взяв их из составленной им в сентябре 1955 г. автобиографии.

О своей общественной работе в Ленинграде К. В. Кудряшов писал так: «Принимал активное участие в общественной работе в качестве уполномоченного секции научных работников при

Ленинградском государственном университете в 1926 г. Как делегат и член президиума отдельных секций участвовал в 1933—1937 гг. в конференциях Академии Наук СССР по республикам: Туркменской, Узбекской, Киргизской, Таджикской и др.».

О своей же общественной работе в годы Великой Отечественной войны К. В. Кудряшов в своей автобиографии говорит: «Будучи эвакуирован из Ленинграда, зиму 1941 года работал в Чебоксарах, а затем по указанию врачей переехал летом 1942 года в Уфу. Находясь в эвакуации, в порядке общественной работы прочел несколько сот лекций на оборонные темы в разных военных организациях, от которых имею ряд письменных отзывов; кроме того, за это время напечатал две книги: «Героические образы нашего прошлого» и «О героизме русского воина» и около 30 статей и фельетонов на военно-исторические темы в разных журналах и газетах».

О значении разнообразной общественной работы, проведенной К. В. Кудряшовым в эвакуации, с большой сердечностью и признательностью говорят ее очевидцы — начальники тех воинских частей и учреждений, где он выступал со своими лекциями и для которых он писал свои статьи и брошюры. Так, в справке № 358 от 13 мая 1942 г. командира воинской части в Чебоксарах, в котором К. В. Кудряшов читал лекции и проводил постановки на военно-исторические темы с декабря 1941 г. по июль 1942 г., отмечено, что «профессор проявил себя как истинный патриот Родины» и что он «зажигал у слушателей патриотические чувства любви к Родине, русскому оружию, презрение и ненависть к врагам». В справке начальника сборного пункта Башкирской республики за № 10 от 8 января 1943 г. читаем, что К. В. Кудряшов в ноябре-декабре 1942 года прочел бойцам Красной Армии 50 лекций. «Эти лекции воодушевляли призванных в ряды РККА чувством любви к Родине и зажигали в них ненависть к немецким захватчикам».

В приказе № 5 начальника сборного пункта Башвоенкомата от 23/11 1943 г. объявлена благодарность «профессору тов. Кудряшову, прочитавшему 103 лекции».

В отзыве начальника политотдела в/ч в г. Уфе от 5 августа 1943 г. говорится о прочитанных К. В. Кудряшовым лекциях и написанных им очерках в газетах. «Очерки профессора Кудряшова явились ценным пособием для политработников, агитаторов и пропагандистов и вызвали много похвальных отзывов. Очерки с интересом читались курсантами и командирами». «Своей полезной работой К. В. Кудряшов оказал ценную помощь командованию в его воспитательной работе среди командиров и курсантов».

В этих отзывах ярко выявляются морально-политические качества К. В. Кудряшова как гражданина-ученого, подлинного патриота своей Родины.

Творческое наследство К. В. Кудряшова велико и разнообразно. Количество своих опубликованных работ он сам определяет примерно в 160 названий. Эти работы относятся к трем разделам исторической науки: история СССР, историческая география и историческая картография. По своему внешнему оформлению эти работы распадаются на две группы: 1) работы текстуального характера — книги, статьи, отзывы, рецензии и 2) работы графического характера — атласы, карты, чертежи, рисунки.

Основной темой исследовательских интересов К. В. Кудряшова как историка была многолетняя разработка им вопросов из истории степного Причерноморья.

Перу К. В. Кудряшова принадлежит несколько работ научно-популярного характера, написанных им в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время.

Научное наследие К. В. Кудряшова графического характера весьма велико. Как историк-картограф он был большим знатоком своего дела, и к нему, как авторитетному специалисту, постоянно обращались различные издательства нашей страны.

К. В. Кудряшов составлял и такие нужные для средней школы наглядные пособия, как «Серия диапозитивов» с объяснительным текстом. Таких серий им составлено было две, причем каждая выдержала 2 издания. Они посвящены двум школьным темам по истории СССР: 1) «Образование древнерусского государства IX—X вв.», 2) «Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. и борьба за воссоединение с русским народом». Наряду с научно-исследовательской и педагогической деятельностью, К. В. Кудряшов уделял большое внимание вопросу подготовки высококвалифицированных научных кадров. К. В. Кудряшов оказал большую помощь Мордовии в деле подготовки научных кадров, в подготовке «Очерков истории Мордовской АССР» в двух томах, получивших весьма положительную оценку среди научной общественности нашей страны. Все сказанное нами о творческом пути и научных трудах К. В. Кудряшова говорит о том, каким неутомимым тружеником был он всю свою жизнь и как много им было сделано в тех областях исторической науки, на которых он сосредоточивал свое внимание.

Память, о нем как о крупном специалисте по истории СССР, долго будет жить среди его товарищей и учеников.

ОТ СЕКТОРА ИСТОРИИ

Еще в начале 30-х годов под руководством А. М. Горького была создана комиссия по изучению истории фабрик и заводов, городов и сел, совхозов и колхозов. Комиссией была проделана значительная работа, но затем в силу ряда причин она была ослаблена и даже прекращена.

Учитывая огромную важность изучения героической истории борьбы широчайших масс за победу коммунизма в нашей стране, ЦК КПСС вновь напоминает о необходимости освещения истории городов, заводов и фабрик, совхозов и колхозов.

В своем докладе на июньском Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. Ф. Ильичев сказал: «Не продолжить ли на новой основе начатую в свое время по инициативе М. Горького работу по созданию революционной и трудовой истории заводов, городов, колхозов и совхозов? Неверно, что такую историю имеют лишь старые предприятия и города. А разве десятилетняя история целинного совхоза не заслуживает того, чтобы ее бережно хранили? Советские люди пишут историю своими делами. Наш долг — сохранить пафос сегодняшней борьбы для тех, кто идет нам на смену».

На основе этих указаний мы, работники идеологического фронта, должны приступить к написанию очерков по истории городов, промышленных предприятий, сел, колхозов и совхозов Мордовской АССР. В них показать героическую борьбу трудящихся за установление и укрепление Советской власти, за торжество коммунизма в нашей стране.

Каждое промышленное предприятие, каждый совхоз и колхоз, каждый населенный пункт, большой или малый, имеет свою историю. Она неразрывно связана с деятельностью трудящихся масс — творцов истории. Чем правдивее мы осветим эту историю, тем выше поднимем патриотические чувства нашего народа, его любовь к своему городу, селу, фабрике, заводу, колхозу и совхозу.

При написании исторических очерков мы должны особое

внимание уделить освещению деятельности активных участников революционных событий 1905—1907 и 1917 года, партийного, государственного, совхозного, колхозного и культурного строительства. В них должна быть показана героическая борьба сынов и дочерей Мордовии на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн.

Эта большая и многогранная работа не может быть выполнена узким кругом людей. В ней должна принять участие вся интеллигенция городов и сел республики и в первую очередь многотысячный отряд учителей. На помощь каждому, взявшемуся за это благородное дело, придут сотни и тысячи бывших участников ратных дел, а также колхозников, колхозниц и нашей славной молодежи. Очерки могут быть написаны и представлены институту как отдельными лицами, а также коллективами авторов. Срок представления очерков в сектор института не ограничивается, но желательно получение их не позднее 1 января 1966 года с тем, чтобы наиболее ценные из них успеть издать к 50-летию Великой Октябрьской революции.

В целях поощрения активных участников создания очерков по истории городов, заводов, сел, колхозов и совхозов, а также отдельных организаций и учреждений (школ, учебных заведений, детских домов и т. д.) предполагается установить несколько первых, вторых и третьих премий в размере от 200 до 1000 рублей каждая, кроме гонорарного вознаграждения по существующим нормам. Премии будут присуждаться в зависимости от качества, объема и срока представления работы.

Сектор истории института с благодарностью принимает от всех граждан также разного рода документальные материалы, дневники, воспоминания, письма фронтовиков гражданской и Великой Отечественной войн и т. д.

42816

БИБЛИОТЕКА
М.Н.И.И.Я.Л.И.Э.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГАУО — Государственный архив Ульяновской области.
ДНУАК — Действия Нижегородской Ученой архивной комиссии.
ИТУАК — Известия Тамбовской Ученой архивной комиссии.
МНИИСК. Р. Ф. МНИИЯЛИЭ — рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики.
ОК КПСС — Областной комитет КПСС.
МО КПСС — Мордовский областной комитет КПСС.
ПСЗ — Полное Собрание Законов Российской Империи.
ПСРЛ — Полное собрание Русских летописей.
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов.
ЦГАСА — Центральный Государственный архив Советской Армии.
ЦПА, ЦПАИМЛ — Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма.
ЦГА МАСС — Центральный Государственный архив Мордовской АССР
ЦГАЛ — Центральный Государственный архив в Ленинграде.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Статьи

К. А. Котков. XXII съезд КПСС и задачи изучения истории Мордовской АССР 3

Л. Г. Филатов. К вопросу формирования и развития мордовской социалистической нации 20

Т. В. Попков. Помощь трудящихся Мордовии фронту и районам, пострадавшим от немецко-фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны 36

В. Б. Миронов. Из истории 1-го Саранского полка в годы гражданской войны 51

М. Г. Сафаргалиев. К истории татарского населения Мордовской АССР 64

Л. С. Рябинский. Реформа 1863 г. в удельной деревне Мордовии 80

Сообщения

В. Я. Силенок. Жизнь, отданная за революцию 94

В. П. Ямушкин. О ясаке и мордовском беляке 100

П. Д. Степанов. Итяковское городище 116

А. В. Циркин. К истории вопроса заселения мордовских земель славянами 131

А. Г. Борисов. К вопросу отражения жизни в дореволюционной мордовской деревни в традиционной мордовской свадьбе 145

Д. Г. Наумова. К истории засечной черты на территории Мордовии в середине XVII в. 156

Воспоминания

А. А. Суворов. Воспоминания о В. И. Ленине 161

П. С. Мирошниченко. Воспоминания о В. И. Ленине 167

Д. Г. Орхидея. Воспоминания 170

А. А. Суворов. Первые годы советского строительства в бывшем Инсарском уезде 177

С. А. Цыганкин. Мои воспоминания 188

В. Н. Бочкарёв. Памяти К. В. Кудряшова 199

От сектора истории 205

Редактор издательства *П. Коровин*
Технический редактор *В. Чижикова*
Корректор *В. Ионова*

Сдано в набор 28/VIII 1963 г. Подписано к печати 24/XII 1963 г. Ю02174. Бумага 60×90¹/₁₆. Печатн. листов 13. Уч.-изд. листов 12,75. Тираж 700. экз. Цена 87 коп. Заказ № 32 3.

Книжное отделение республиканской типографии „Красный Октябрь" полиграфиздата Министерства культуры Мордовской АССР, г. Саранск, Московская, 15.